

Действительно ли крест является центром вашего служения?

Сегодня кресты украшают здания церквей, сверкают на лацканах пиджаков и даже используются как серёжки. Однако изображение, настолько привычное для наших современников, было гротескным и отвратительным для людей, живших в I столетии. Крест был символом зла, истязаний и позора. Это реальное и ужасающее восприятие креста должно побуждать нас самоотверженно служить Богу и рассказывать другим о победе Христа над смертью.

Разъясняя отдельные главы 1-го послания к Коринфянам, Дональд Карсон показывает, как смерть Христа определяет проповедь и служение Божьему народу. Он касается проблем фракционности, мотивов служения, формирования христиан мира и указывает на источник знания, чтобы помочь служителям понять принципы динамического поклонения, в центре которого — крест.

Дональд А. Карсон — профессор исследований Нового Завета в Евангельской богословской школе Троицы в городе Дизерфилд, штат Иллинойс, автор или редактор более сорока книг, среди которых — «Призыв к духовной реформации», «Экзегетические ошибки» и др.

СЛАВЯНСКОЕ ЕВАНГЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО

ISBN 978-1-56773-101-5

Крест и христианское служение

Крест и христианское служение

КАРСОН

Уроки о руководстве из Первого послания к Коринфянам

Дональд А. Карсон

КРЕСТ И ХРИСТИАНСКОЕ СЛУЖЕНИЕ

УРОКИ О РУКОВОДСТВЕ
ИЗ ПЕРВОГО ПОСЛАНИЯ К КОРИНФИЯМ

ДОНАЛЬД А. КАРСОН

СЛАВЯНСКОЕ ЕВАНГЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО

Дональд А. Карсон

Крест и христианское служение

Уроки о руководстве из Первого послания к Коринфянам

Перевод: *С. Омельченко*

Редакция: *Ю. Гаевая*

В книге использованы тексты Синодального перевода Библии, исправленное издание

© Издание на русском языке, Славянское Евангельское Общество, 2013

Без разрешения издателя никакая часть этого издания не может воспроизводиться или передаваться в любой форме или с помощью любых средств, электронных или механических, включая ксерокопирование, аудиозапись или системы хранения и поиска информации.

ISBN 1-978-56773-191-5

Originally produced in the English language as

The Cross and Christian Ministry: An Exposition of Passages from 1 Corinthians

by D. A. Carson

Copyright © 1993 by D. A. Carson

Reprinted by permission.

Russian edition copyright © 2013 by Slavic Gospel Association

No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or any information storage and retrieval system, without permission from the publisher.

Отпечатано в типографии Принткорп, Беларусь.

ЛП № 02330/0494142 от 03.04.2009.

Заказ 13125AB (4559, 4560). Тираж 15 000.

Содержание

Предисловие	5
1. Крест и проповедь	7
(1 Коринфянам 1:18–2:5)	
2. Крест и Святой Дух	41
(1 Коринфянам 2:6-16)	
3. Крест и фракционность	67
(1 Коринфянам 3)	
4. Крест и христианское руководство	93
(1 Коринфянам 4)	
5. Крест и христианин мира.....	119
(1 Коринфянам 9:19-27)	

Предисловие

Продолжительное время евангельские верующие рассматривали крест исключительно как средство, которым Бог во Христе Иисусе совершил искупление. Безусловно, крест занимает центральное место в Божьей цели искупления. Но если рассматривать его только как средство спасения, мы упустим остальные его функции в Новом Завете. Например то, что крест является нормой и испытанием любого важного христианского служения. Крест определяет, что и как мы должны проповедовать. Он предписывает, какими должны быть служители Господа и как христиане должны к ним относиться. Он показывает, как служить, и ведёт христиан вперёд в ученичестве, пока мы не поймём, что значит быть настоящими христианами.

Эта книга, состоящая из пяти глав, была подготовлена как серия из четырёх бесед (3-я и 4-я главы возникли из одной беседы) для Международного совета аккредитационных агентств (International Council of Accreditation Agencies, ICAA), подразделения Всемирного евангельского общества (World Evangelical Fellowship). ICAA координирует несколько региональных аккредитационных агентств, цель которых — повышать уровень богословского образования по всему миру.

Затем эта серия бесед была переработана и заново представлена на всемирном съезде Международной федерации евангельских студентов (International Federation of Evangelical Students, IFES), на котором присутствовали пред-

ставители из 108 или 109 стран. Излагать им Слово Божье было великой привилегией. В многочисленных личных беседах я многому научился у этих братьев и сестёр во Христе. Благодарю Бога за их твёрдость, усердие и скромное служение.

Материал, находящийся в ваших руках, был ещё раз переработан — на этот раз, чтобы вписаться в объём книги. И хотя содержание этой книги — разъяснение глав 1-го Послания к Коринфянам, мой интерес выходит далеко за границы антикварных тем. Каждое поколение христиан должно снова и снова вникать в вопросы, поднимаемые в 1-м Послании к Коринфянам, иначе Евангелие будет ограничено всевозможными поветриями.

В наши дни часто говорят о раздроблённости евангельского христианства. В той степени, в какой это правда, крайне важно сознательно сосредоточиться на главном — на Евангелии Иисуса Христа. Это значит, что каждый христианин должен исполниться решимости «быть... незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого» (1 Кор. 2:2) точно так, как решил для себя Павел. Только тогда сформируется правильное, библейское видение служения, в котором Евангелие занимает главное место.

Есть ли что-то важнее, чем научиться мыслить так, как мыслит Бог?

Soli Deo Gloria.

1

Крест и проповедь

1 Коринфянам 1:18–2:5

¹⁸Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, — сила Божья. ¹⁹Ибо написано:

«Погублю мудрость мудрецов и разум разумных отвергну».

²⁰Где мудрец? Где книжник? Где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? ²¹Ибо когда мир своей мудростью не познал Бога в премудрости Божьей, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих. ²²Ибо и иудеи требуют чудес, и еллины ищут мудрости; ²³а мы проповедуем Христа распятого — для иудеев соблазн, а для еллинов безумие, ²⁴для самих же призванных, иудеев и еллинов, Христа, Божью силу и Божью премудрость; ²⁵потому что немудрое Божье премудрее людей, и немощное Божье сильнее людей.

²⁶Посмотрите, братья, кто вы, призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не

много благородных. ²⁷Но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; ²⁸и незнатное мира, и униженное, и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, — ²⁹для того, чтобы никакая плоть не хвалилась перед Богом. ³⁰От Него и вы во Христе Иисусе, Который сделался для нас премудростью от Бога, праведностью, и освящением, и искуплением, ³¹чтобы было, как написано: «Хвалящийся хвалится Господом».

¹И когда я приходил к вам, братья, приходил возвещать вам свидетельство Божье не в превосходстве слова или мудрости, ²ибо я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого, ³и был я у вас в немощи и в страхе, и в великом трепете. ⁴И слово моё, и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении Духа и силы, ⁵чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божьей.

Что бы вы подумали, если бы увидели на улице женщину в серёжках в виде гриба атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму?

Что бы вы подумали о церкви, украшенной фресками на тему массовых захоронений в Аушвице?

Любое из этих зрелищ было бы нелепым — не только отвратительным по своей сути, но и шокирующим в силу устойчивой культурной ассоциации.

Такое же отвращение в I столетии вызывали *крест* и *распятие*. Крестная казнь считалась настолько унижительной, жестокой и бесчеловечной, что казнить таким способом римского гражданина можно было только с разрешения императора. Распятие предназначалось для рабов, иностранцев, варваров. В приличном обществе было неприлично даже говорить о казни через распятие. Помимо мысли об ужасных мучениях, которым подвергались рас-

пинаемые, тема креста у людей того времени вызывала в воображении картины зла, развращённости и полного отвержения.

А сегодня кресты украшают здания и фирменные бланки церквей, сверкают на лацканах пиджаков верующих и на груди у епископов, и даже используются как серёжки для ушей — и никто не возмущается. По причине культурного разрыва с I столетием нам весьма трудно прочувствовать неотразимую иронию текста: «Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, — сила Божья» (1 Кор. 1:18).

Однако этот культурный барьер необходимо преодолеть. Мы должны снова и снова возвращаться ко кресту Иисуса Христа, если хотим оценить свою христианскую жизнь, служение и труд для Господа.

Для начала нужно определить место креста в христианской проповеди и свидетельстве. Будет полезно разбить тему на три части, согласно трём основным параграфам в нашем тексте.

Весть о кресте (1:18-25)

Павел уже критиковал коринфян за дух разделения. Кто-то говорил: «Я Павлов»; кто-то — «я Аполлосов»; кто-то — «я Кифин»; а тот, кто, вероятно, считал себя самым святым, говорил: «Я Христов» (1:11-12). Оба послания Павла к коринфянам демонстрируют, что верующие в этом городе постоянно подвергались искушению отождествлять себя с сильными лидерами и с унижением относиться к другим. Восхищённые красноречием философов своего времени, коринфяне большее значение придавали форме и внешности, чем содержанию и истине. Они любили «премудрость слова» (1:17) — буквально «мудрость слов», остроумие и красноречие, которые характеризовали не одну школу мысли в Греции I столетия.

В то время как многие ораторы сладкоголосо внушали людям, во что верить и как жить, умело прибегая к «пре-

мудрости слова», Павел решил просто проповедовать Евангелие (1:17), «слово о кресте» (1:18). Всё его внимание было посвящено содержанию вести. Богу угодно было спасти верующих «юродством проповеди» (1:21). Здесь Апостол подчёркивает, прежде всего, не действие проповеди, а её содержание.

В этой проповеди о кресте Павел отмечает две важные характеристики.

Весть о кресте, по Божьему определению, полностью разделяет человеческую расу (1:18-21)

В древнем мире для описания человечества часто использовались противоположности: римляне и варвары, евреи и язычники, рабы и свободные. Но Павел показывает здесь, что единственная противоположность, которая имеет значение, — это спасаемые и погибающие. Эти две группы разделяет весть о кресте: «Слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, — сила Божья» (1:18).

Павел подчёркивает, что это основополагающее различие обусловлено задекларированными Богом целями. «Ибо написано», — говорит он в ст. 19, цитируя Ис. 29:14, где сказано: «Мудрость мудрецов его погибнет и разума у разумных его не станет». Другими словами, Бог делает то, что обещал: посредством креста разрушает все человеческие притязания на силу и мудрость.

Это центральная тема Писания. Бог создал человека, чтобы он стремился к Нему, с радостью и в послушании признавая, что только Господь является центром всего, что только Он — Бог. Суть нашего ужасного непослушания в том, что каждый хочет быть первым. Мы ставим себя в центре всех мыслей, надежд и фантазий. Эта порочная похоть быть первым проявляется не только в ненависти, вражде, насилии, скупости, алчности, злобе, горечи, но и в самоправедности, самовозвышении, в придуманных религиях и приручённых божках.

После спора с кем-нибудь мы иногда с грустью сознаём, насколько мы эгоцентричны. И часто мы грешим, прокручивая в уме спор и добавляя мысленно новые аргументы, доводы, обидные слова в адрес собеседника. Вам знакома эта ситуация?

Человек крайне эгоцентричен. Настолько, что порой возводит себя в ранг идола и пытается приручить даже Бога. В отчаянном безрассудстве мы поступаем так, как будто мы умнее Бога, как будто Он обязан во всём перед нами отчитываться, как будто мы мудры, независимы и самодостаточны, а Господь существует только для того, чтобы удовлетворять наши нужды.

Но Бог говорит: «[Я] погублю мудрость мудрецов и разум разумных отвергну». Действительно, вопрос уже был ясно раскрыт в ст. 18. Кажется, что Павел скажет: «Слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, — *мудрость* Божья». Но он утверждает, что оно — *сила* Божья. Конечно, позже Апостол скажет, что Евангелие — это также и премудрость Божья (1:24), но начинается он с другой ноты. Это не упущение со стороны Павла. Апостол выбирал слова осознанно и целенаправленно. Он не хочет, чтобы коринфяне восприняли Евангелие как очередную философскую систему, хоть и превосходящую остальные. Евангелие несравнимо сильнее: где человеческая мудрость оказывается абсолютно беспомощной в восполнении человеческих нужд, Свою силу являет Бог. Человек бессилён, когда необходимо избавиться от своих грехов и примириться с Богом. Но там, где мы бессильны, Бог всесилен. Человеческое безумие и человеческая мудрость в равной степени не смогут достичь того, что Бог совершил посредством креста. Евангелие — это не просто хороший совет и не просто Благая весть о Божьей силе. Евангелие *есть* Божья сила для каждого верующего. Крест является тем местом, где Бог до основания разрушил всё человеческое высокомерие и «праведность».

Павел подчёркивает это тремя острыми риторическими вопросами:

«Где мудрец?» (1:20). В Коринфе I столетия мудрость не воспринималась как практический навык для жизни в страхе Господнем (как, например, в книге Притчей). Не называли мудростью и сочетание интуиции, пронизательности и сообразительности человека, как принято в современном обществе. Мудростью считалась публичная философия, ясно выраженное мировоззрение, которое определяло смысл жизни и управляло решениями, ценностями и приоритетами человека. Поэтому *мудрецом* называли того, кто отстаивал одно из многих конкурирующих между собой мировоззрений. «Мудрыми» в этом смысле были эпикурейцы, стоики, софисты или платонисты, потому что все они заявляли, что разбираются в вопросах жизни, смерти и вселенной.

Упорядоченная система ценностей и убеждений создаёт ощущение силы. Кажется, что, объяснив смысл жизни, ты сможешь безошибочно и управлять ею. Греки были известны своим стремлением к логическим системам мышления, господствовавшим в их обществе. Короче говоря, они искали *мудрость*.

Но риторический вопрос Павла, по сути, в следующем: какая из этих систем мысли открыла Евангелие? Кто из «мудрецов» разглядел удивительный Божий план искупления?

В свете креста как могут устоять охрипшие голоса соревнующихся публичных философий? Где место креста в коммунизме или в капитализме? Приведёт ли кого-либо к кресту гедонизм? А догматический плюрализм? Направляет ли кого-либо к кресту Христа, к самому удивительному акту богоявления, мирской гуманизм?

Ведёт ли людей к кресту восхваление демократических ценностей? Отцы-основатели американской нации представляли демократию как систему, которая ограничивает злоупотребления властью и делает правителей подотчётными народу. Если население не было довольно исполнительской, законодательской или судебной властью, средством вмешательства становилась урна для голосования. Однако

современные политики говорят о «мудрости американцев», как будто массам присуща особая проницательность. Восприятие отцов-основателей нации не было таким; и это, конечно же, не христианская оценка. Несомненно, там, где население достаточно образовано и исповедует общие ценности, демократия — наилучшая форма правления, но даже в таких условиях голос большинства — это не всегда голос мудрости. Хорошо ограничить полномочия власти и сделать правительство максимально подотчётным. Но это не самый эффективный способ определять, что правильно, а что — нет; что есть истина, а что — заблуждение; что хорошо, а что — плохо. Ведёт ли демократия кого-либо к кресту? Уместно ли сравнивать «американский путь» или любую другую демократическую систему с Евангелием?

Павел говорит, что только та философия может претендовать на вечное, непреходящее значение, центром которой является крест. Какими бы ни были достоинства этих философских систем, они быстро исчерпывают себя — эти системы поверхностны. Они не примиряют человека с живым Богом, а более важного вопроса, чем этот, нет. Они не могут раскрыть Божью мудрость в кресте, а потому они не стоят ничего. Где мудрец?

«Где книжник?» (1:20). Книжники (греч. *грамматеус*) были знатоками Божьего закона, хорошо осведомлёнными в библейском наследии и преданиях. Таким образом, в первых двух риторических вопросах Павел обращается к грекам, ищущим мудрости, и к евреям, ищущим чудес и знамений (1:22).

Апостол здесь показывает, что богословы, знатоки Библии, специалисты по этике и древние аналоги еkkлесиологов не продвинулись дальше, чем «мудрец». Ни один из них не разработал систему, в центре которой стоит крест; ни один из них не ожидал Благой вести от Бога, которая придавала бы значение позорной смерти долгожданного Мессии. Многие представители нашего поколения настроены на «удовлетворение собственных нужд» и даже не пытаются исследовать то, чего стоило Всемогущему Богу

неотступно следовать за мятежными людьми и приобретать их для Себя.

«Где совопросник века сего?» (1:20). Слово «совопросник» точнее можно было бы перевести как «спорщик» или «оратор». В греческой культуре риторика ценилась настолько высоко, что лучшие философы обязательно были одарёнными и обученными ораторами. Для них форма изложения мысли была настолько же важна, как и её содержание.

Но где были эти философы и спорщики, когда Иисус умирал на кресте? Насколько хорошо увлечение формой подготовило их следовать за Тем, Кто никогда не пел под их изменчивую музыку? Хоть они достигли многого в освоении реалий своих дней и заслужили лавровые венцы за своё блестящее исполнение, когда дело касалось вопроса необычайной важности, они были слепыми и погибшими.

А всё потому, что в кресте Бог «обратил... мудрость мира сего в безумие» (1:20). Павел не просто подразумевает, что Бог показал мудрость мира в безумном свете. Заявление Апостола шокирует: Бог *сделал* мудрость мира безумием. Восхваляемая человеческая мудрость в Божьих глазах — просто безумие. Человеческая мудрость бессмысленна. Бог показал пустоту её притязаний и доказал её глупость. Как Он это сделал?

Во-первых, абсолютная неспособность человека познать Бога — часть Божьего премудрого замысла. Это было «в премудрости Божьей», чтобы «мир своей мудростью не познал Бога» (1:21). Мудрецы, знатоки и философы не просто оказались неспособными понять Божий план спасения, но Бог в Своём предвидении задумал это таким образом. Их можно осуждать, порицать за незнание Бога и бесконечное, эгоцентричное предубеждение. Тем не менее, никакое зло не может выйти за пределы Божьего полномочного предвидения — и Сам Бог заботится о том, чтобы мир в своей мудрости не знал Его. Не трудно увидеть причину: в этом падшем мире человеческая «мудрость» (в выше описанном смысле) глубоко идолопоклонническая.

Как идолопоклоннические попытки приручить Бога могут быть награждены углубляющимся познанием Всемогущего? Этого не может быть! Творец позаботился о том, чтобы этого не случилось. Так Сам Бог превратил мудрость этого мира в абсолютное безумие.

Есть вторая сторона того, как Бог «обратил... мудрость мира сего в безумие». Поскольку по Божьему мудрому предвидению мир не познал Его, Бог определил, чтобы некоторые люди пришли к познанию Его — но путём совершенно неожиданным и непредвиденным «мудрыми» мира. «Благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих» (1:21).

На это утверждение нужно обратить особое внимание. Ключевую роль, как мы видим, играет содержание проповеди, а не форма. Спасительные слова — это проповедь «Христа распятого». Вопреки своей хвалёной мудрости, мир никогда бы не предложил такой план спасения. Мир даже не способен воспринять Божью логику, а Бог решил, что слово о кресте, то есть содержание проповеди, должно «спасти верующих».

Это захватывает дух. Бог не устроил так, чтобы юродство Евангелия гарантированно спасло тех, у кого IQ (коэффициент интеллекта) выше 130. Где бы тогда оказалось большинство? Юродство проповеди не ограничивается преображением только молодых, красивых, общительных, образованных, богатых, здоровых и справедливых. Где бы тогда оказались старые, некрасивые, замкнутые, неграмотные, бедные, больные, несправедливые?

В мире боги богатых не жалуют бедных. Боги мудрых не добры по отношению к невеждам или необразованным. Боги элиты общества не терпят изгоев.

Учитывая, что это падший, непокорный мир, боги, придуманные человеком, являются всего лишь отображением нашего высокомерия. Но истинный Бог поправил всех их. Он «обратил... мудрость мира сего в безумие» (1:20). Ему благоугодно было спасти верующих — не тех, которые хвалятся каким-то качеством или пониманием, не тех, ко-

торые считают себя мудрыми, а верующих в Него. По Его благодати они веруют в Него, надеются на Него, всецело отдают себя Ему. В центре их жизни — Господь. Он для верующих Скала, надежда, якорь, уверенность. Таким образом Бог уверенно отвергает мудрость мира как абсолютное безумие.

Поэтому весть о кресте полностью разделяет человеческую расу: она «для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, — сила Божья» (1:18). С одной стороны — те, кто принимает или возводит себе прирученных богов, доступных только образованным, посвящённым, мудрым; с другой — те, кто верой принял «безумие» Евангелия и получил вечное спасение.

Павел подчёркивает вторую особенность вести о кресте.

Слово о кресте доказывает, что немудрое Божье премудрее людей и немощное Божье сильнее их (1:22-25)

Павел делит погибающих на две группы. Они олицетворяют идолопоклонство, характерное для нашего времени и любого другого.

«Иудеи требуют чудес» (1:22). Исторически это случилось и с Иисусом несколько раз. Когда «некоторые из книжников и фарисеев сказали: „Учитель! Хотелось бы нам видеть от Тебя знамение“... Он сказал им в ответ: „Род лукавый и прелюбодейный ищет знамения“» (Матф. 12:38-39). Они публично испытывали Его, требуя знамения (Матф. 16:1). Даже те, кто в отчаянии просил у Иисуса сверхъестественной помощи, вначале получали упрёк, наподобие этого: «Вы не уверуете, если не увидите знамений и чудес» (Иоан. 4:48). В некоторых случаях, таких как насыщение пяти тысяч, сверхъестественная сила Иисуса просто привлекала толпу потребителей (Иоан. 6:26).

Кто-то спросит: «А почему Иисус должен отказывать?» В конце концов, Он совершил много чудес. Зачем отказы-

вать, если кто-то попросил о чуде? Разве такие просьбы не давали Ему возможность ещё раз проявить Свою силу?

Подобные вопросы упускают главное — мотив человека. Кто-то жаждет увидеть силу Иисуса, и это желание является абсолютно благочестивым, правильным, возможно даже, отчаянным. А кто-то, требуя у Бога знамений, чувствует себя начальником, имеющим право испытывать Бога, убеждаться в Его силе. Некоторые хотят увидеть, как Иисус совершает чудо, чтобы составить мнение о Нём, оценить Его, взвесить серьёзность Его слов. Конечно, Господь снисходит к нашему неверию, совершая чудеса, которые должны вызвать веру (Иоан. 10:38). Но с другой стороны, Творец вселенной — это не могущественный джин, который по требованию хозяина совершает зрелищные трюки. До тех пор, пока люди оценивают Бога, они ставят себя выше Его, делая себя судьями. До тех пор, пока они взвешивают истинность Его заявлений, они забывают, что Бог в итоге взвесит их. До тех пор, пока они требуют чудес, Иисус для них является всего лишь искусным исполнителем прихотей.

Таким образом, требование чудес — это прототип всякого условия, которое выдвигают люди, чтобы поверить в Бога. Я посвящу себя Богу, *если* Он исцелит моего ребёнка. Я последую за Иисусом, *если* смогу сохранить свою независимость. Я с радостью стану христианином, *если* Бог докажет мне Своё существование. Я оставлю свои грехи и буду читать Библию, *если* наладится моя семейная жизнь. Я признаю Иисуса Господом, *если* Он совершит чудо и развеет все мои сомнения. В каждом случае я оцениваю Его, а не Он — меня. Я не прихожу к Нему на Его условиях, а выдвигаю условия, которые Он должен принять, если хочет иметь привилегию быть в моём обществе. «Иудеи требуют чудес».

«Еллины [т.е. язычники] ищут мудрости» (1:22). Мы уже увидели, что это значит. Эти люди не выдвигают Богу условий и не загадывают желаний, которые Бог обязан исполнить. Вместо этого они разрабатывают философские

системы, чтобы создать представление, что у них всему есть объяснение. Они считают себя грамотными, сильными, способными адекватно реагировать. Бог, если Он существует, должен соответствовать высоким нормам их академического и философского мастерства и каким-то образом вписываться в ход их мысли, чтобы заслужить их уважение.

И «иудеям», и «еллинам» присуща крайняя эгоцентричность. Бог верой не воспринимается. Поэтому и в наши дни люди требуют чудес и ищут «мудрости», как будто человек имеет право испытывать Бога, оценивать Его заявления. Это самое позорное нечестие, самое оскорбительное высокомерие, самый ужасный признак нашего полного противления, нашего безнадёжного состояния.

В противоположность этому Павел заявляет: «А мы проповедуем Христа распятого» (1:23). Вот в чём суть нашей вести, и для тех, кто не знает Христа, это крайне странная весть. В I столетии она представляла собой взаимоисключающие понятия, как замёрзший пар, ненавистная любовь или набожный насильник — только гораздо более шокирующие. Евреи не сомневались, что долгожданный Мессия¹ придёт в сиянии и славе и начнёт Своё правление с неоспоримой властью. Словосочетание «распятый Мессия» для евреев было сродни богохульству, поскольку в их понимании всякий, кто висит в позоре на дереве, проклят Богом (Втор. 21:23). Как мог посланный Богом Мессия быть под Божьим проклятием? Разве возможно, чтобы Мессию распяли? Для еврея сама эта идея была камнем преткновения (букв. «соблазн», 1:23), крайним позором. Так думал и Павел до своего обращения. Его приводило в ярость то, что Человека, которого Бог явно проклинал, собратья-евреи почитали как Мессию, даже как Самого Бога (см. Гал. 1:13-14; 3:13).

Да и греки не увидели в «Христе распятом» что-либо значащее и ценное. Они превозносили разум и философию, а не веру и преступников. Через несколько десятилетий император Траян отвергнет христианство как «па-

губное суеверие» — тем самым выражая общепринятое мнение. Римляне, более заинтересованные в силе, чем в философии, восприняли выражение «распятый герой», как совершенное безумие (1:23). Слово, переведённое как «безумие», выбрано Павлом не случайно; оно также может иметь значение «мания» или «помешательство». Язычники отвергли весть о кресте не как эксцентричный, невинный вздор, а как опасную, почти что губительную тупость.

Поэтому крест отвергали и высмеивали все. Но Павел, тем не менее, настаивает: «Мы проповедуем Христа распятого» (1:23). Весть о кресте для погибающих — абсурд, «для иудеев — соблазн, а для еллинов — безумие» (1:23); «для самих же призванных, иудеев и еллинов, [она представляет] Христа, Божью силу и Божью премудрость» (1:24).

Поразительное заявление! Мы лучше почувствуем его силу, если обратим внимание на две вещи. Во-первых, отделённые от погибающего мира люди — это призванные Богом. Основополагающее отличие заключается в том, что их призвал Бог — то есть протянул им руку и спас. Божье призвание действительно: те, кого призывает Бог, обязательно обратятся к Нему (см. Рим. 8:30). В то же время эти же люди названы верующими (1:21). С человеческой точки зрения, вера получает несравненные преимущества от креста Христова. Возникает вопрос: если, согласно промыслу Божьему, этот мир своей мудростью не мог познать Бога (1:21), то как же эти люди поверили? Если для всех крест кажется глупостью и вызывает отвращение, как эти люди получили радость и утешение в нём? Ответ Павла: они призваны Самим Богом (1:24) — мысль, которую он повторяет чуть ниже.

Во-вторых, призванные Богом люди, иудеи и еллины (т.е. призванные без расового различия), восприняли распятого Христа как «Божью силу и Божью премудрость» (1:24). Здесь очень тщательно подобраны слова. Иудеи требовали ярких чудес и ожидали могущественного Мессии. Их оскорбляла даже мысль о «распятом Мессии». Это

мнение ввиду своего неправдоподобия не имело права на существование. Однако, по глубокой иронии, именно этот момент величайшей слабости, распятие Иисуса Христа, лучше всего раскрывает Божью силу — и христиане это признают. Язычникам, искавшим «мудрости», казалось невероятно глупым поклоняться казнённому на кресте герою. Однако, по глубокой иронии, именно этот момент явного безрассудства, распятие Иисуса Христа, наиболее выразительно раскрывает захватывающую Божью премудрость. Именно поэтому Павел говорит, что для призванных Богом, независимо от их происхождения, распятый Христос является Божьей силой и Божьей премудростью (1:24).

Это и удивительно иронично, и абсолютно уместно. Иронично, потому что мир, пытаясь познать Бога своим умом и заполучить Его благословения, с пренебрежением отвергает крест Христов. Уместно, потому что мир с присущим ему непослушанием и эгоизмом не способен понять смысл крестной жертвы, в то время как самоотверженный поступок Самого Бога был частью Его плана искупления.

Сам Павел не сразу пришёл к такому пониманию. Для него всё началось на дороге в Дамаск. Когда он лицом к лицу столкнулся с воскресшим и прославленным Иисусом, Которого отвергал как самозванца, заслужившего Божье проклятие и справедливо понёсшего наказание, будущий Апостол был вынужден пересмотреть свои взгляды. Если Иисус жив, то к христианам, называвшим себя свидетелями воскресения, следовало прислушаться с уважением. Если Иисус жив и прославлен, значит Бог не предавал Его необратимому проклятию. Но если Иисуса распяли не потому, что Он был обречён на Божье проклятие, в чём тогда заключался смысл креста? Если воскресение Христа доказало, что Он оправдан Самим Богом, хотя и умер позорной смертью на ненавистном кресте, в чём тогда значение этой смерти?

Только христианское понимание вещей объясняло всё. Иисус был обещанным Мессией, но Он также был страдающим Рабом. Конечно, Он — Владыка всего, Царь, заявляю-

щий, что вся власть дана Ему, но Он и исполнение кровавых жертвоприношений на протяжении столетий, все из которых указывали на окончательную Жертву, единственную, способную решить проблему греха. Иисус умер под Божьим проклятием, но не за Свои грехи, а за мои. И ценность Его жертвы лучше всего подтверждает самое выдающееся событие в истории: Бог воскресил Его из мёртвых.

Призванные Богом христиане всегда связывали свою уверенность в спасении с крестом Иисуса Христа. Вот почему мы всё ещё поём этот гимн средневековья:

На древо вознесённый, Спаситель мой, Твой лик,
Страньем изнурённый, вот на кресте поник.
Чело в венце терновом — вот красота Твоя!
С мольбой и жарким словом к Тебе зываю я.

Спаситель мой, чьим взором мир грешный потрясён,
Ты удручён позором, поруган, истомлён.
Но кто на истязанье рукою посягнул?
Очей Твоих сиянье кто омрачить дерзнул?

И ряд мучений целый, и пытки страшный гнёт —
Моих проступков дело, моих пороков плод.
С душою сокрушённой стою я пред Тобой;
Ждать казни заслужённой я должен над собой.

Но труд Твой и страданье — вот жертва за меня!
Бог умер за создание — и призван к жизни я.
И снято осужденье, заглажена вина,
И счастьем искупленья душа моя полна.

Когда душой страдаю, то на святую кровь,
На крест Твой я взираю и исцеляюсь вновь.
И есть ли в мире песни, которые б могли
Воспеть Врача болезней, Спасителя земли?

Бернар Клервоский (1090-1153)

Божье немудрое, отвергаемое миром как явное безумие, на самом деле «премудрее людей» (1:25). Немощное Божье,

отвергаемое миром как безнадежная слабость, на самом деле «сильнее людей» (1:25). Это намного радикальнее, чем сказать, что Бог мудрее или сильнее людей — как если бы мы сравнивали степени мудрости и силы. На самом деле мы рассматриваем противоположности. С Божьей точки зрения, человеческая «мудрость» и «сила» — это просто мятежное безумие и моральное бессилие. И момент, когда Бог самым драматическим образом раскрывает Свою мудрость и силу, момент распятия Его дорогого Сына — хотя и высмеивается мишурной «мудростью» этого мятежного мира и жалкой «силой» самообманутых — тем не менее, является моментом наивысшего проявления Божественной мудрости и силы. «Потому что немудрое Божье премудрее людей, и немощное Божье сильнее людей» (1:25).

Тем из нас, кто задействован в служении Богу, необходимо постоянно повторять этот урок. Евангельское христианство на Западе склонно увлекаться разными поветриями. В настоящее время из печати текут реки книг, говорящих нам, как планировать успех служения, сформировать «видение служения» на основании четко изложенных целей и превратить знание статистических данных о населенном пункте в ключ к успешному свидетельству. Ни в коем случае не хочу сказать, что из этих исследований ничему нельзя научиться. Однако Павел, Уитфильд, Уэсли и Джадсон создавали церкви и без этих данных. Безусловно, понимать людей, которым мы служим, необходимо, и все служители могут получить определенную пользу от небольших доз такой литературы. Но её огромные порции рано или поздно начнут разбавлять Евангелие. И мы начнём думать, что успех больше зависит от тщательного социологического анализа, чем от Евангелия; опросы общественного мнения, проводимые Джорджем Барной, станут важнее, чем Библия. Разумеется, планы, программы, видение важны, но где-то по пути мы поддались искушению заменить юродство креста мудростью стратегического планирования. Ещё раз хочу подчеркнуть, что моя позиция — не тонко завуалированный призыв к хаотичности, к спонтанному и

беспорядочному служению. Но я боюсь, что второстепенные идеи, которым в последнее время придают слишком много внимания, могут отодвинуть на задний план главное — крест Христов, лишив его принадлежащего ему центрального места. Всякий раз, когда есть опасность, что второстепенное вытеснит главное, мы рискуем оказаться на грани идолопоклонства.

Сфера действия креста (1:26-31)

Упомянув, как весть о кресте разделяет человеческую расу, доселе Павел больше говорил о тех, кто отверг Благоую весть. Теперь же он обращается исключительно к тем, кто её принял. Он утверждает, что люди, принявшие эту весть, сами по себе не считаются мудрыми, обаятельными, талантливыми, безгрешными. По сути, они никто.

В этих стихах Павел излагает свою позицию, предлагает её богословское объяснение и заканчивает христианским описанием похвальбы.

Позиция Павла (1:26)

«Посмотрите, братья, — обращается Павел к христианам, — кто вы, призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных» (1:26). В этот момент Павел затрагивает практические моменты; это поддающиеся анализу факты, и он хочет, чтобы коринфяне признали их. Апостол призывает верующих вспомнить своё положение, статус, уровень интеллекта и характер до обращения.

Кем они были? Не многие были мудрыми, сильными или благородными (см. 1:26). Павел наверняка вспомнил слова Иеремии в 9:23-24, которые он приводит несколькими стихами ниже (1 Кор. 1:31). Пророк же в 9-й главе цитирует Бога, говорящего:

«Да не хвалится *мудрый* мудростью своей,
да не хвалится *сильный* силой своей,

да не хвалится *богатый* богатством своим.
 Но хвелящийся хвались тем,
 что понимает и знает Меня,
 что Я — Господь, творящий милость,
 суд и правду на земле;
 ибо только это благоугодно Мне», —
 говорит Господь
 (ст. 23-24, курсив добавлен).

Подобно Иеремии, Павел говорит о «мудрых» и «сильных». Богатый у Павла становится «благородным», поскольку в древности большинство богатых принадлежали к верхним слоям общества.

Павел признаёт, что для вечности эти земные категории не имеют значения. Он говорит о мудрых «по плоти» — и благородных тоже по плоти. Уточнение «по плоти», используемое Павлом, предполагает, что он сильно умаляет все земные критерии; это критерии падшего мира в противоположность критериям Божиим. Тем не менее, это критерии, которые большая часть общества ценит высоко. Павел напоминает коринфским верующим, что не многие из них соответствовали этим критериям.

Прежде чем дальше исследовать аргументы Павла, стоит сделать паузу и вспомнить, что некоторые противники христианства не раз пытались обратить слова Павла против Евангелия. Они говорили, что только глупые и невежественные люди обращаются в христианство. Например, живший во II столетии критик Цельс насмехался над христианами, говоря:

У вас является общим правилом: пусть никто не приходит (к нам), если только он или образован, или мудрец, или просто разумный человек. Все подобные качества в наших глазах — одно только зло. Но если кто необразован, глуп, простец, мало развит — все такие лица смело идите. Считая таких людей достойными вашего Бога, вы тем самым ясно показываете, что только люди подобного сорта — люди ничтожные, низкого происхождения, нера-

зумные, все эти рабы, женщины, дети только и могут и желают принять вашу веру (Ориген «Против Цельса», гл. 3).

Аналогично этому немало современных интеллектуалов усердно пытаются создать впечатление, что все христиане — глупцы или ничтожные люди, или и то, и другое вместе. На первый взгляд может показаться, что и сам Павел критикует коринфских верующих.

Но более внимательное исследование показывает, что позиция Павла весьма отличается. Во-первых, Павел говорит «не много», а не — «вовсе нет». Христианские общины I столетия были на удивление разнородными. Это было единственное сообщество в империи, объединившее рабов и свободных, евреев и язычников, богатых и бедных, мужчин и женщин. Хотя среди верующих тогда было много бедных, рабов и безграмотных, были и такие люди, как Крисп, Гай, Филимон, Ераст — не говоря уже о таких выдающихся личностях, как Павел.

Что же тогда подразумевает Павел в этом стихе? То, что ум, сила или благородство не являются критериями духовности или причастности ко Христу. То, что многие в коринфской церкви вышли из слоёв общества, которые по человеческим критериям не были уважаемыми, показывало, что церковь не была элитным обществом. Напротив, она была обществом людей низшего класса с несколькими исключениями, показывая, что «мудрые», «сильные» и «благородные» совсем не исключаются.

Божья благодать может достичь любого. Но уважение общества никоим образом не является преимуществом в очах Бога. Если кто-либо приближается к Нему на основании мнимой мудрости, силы или богатства, такой человек не принимается. Если бы Бог принимал людей, основываясь на их успехе, материальном состоянии и положении в обществе, Он бы пошёл на компромисс с Собой. Это было бы наихудшее лицепрятие с Его стороны. Придание значения внешним, земным преимуществам напоминает отчаянные попытки третьесортного карьериста в щеголь-

ском костюме получить одобрение, а потому лебезящего перед всеми, кто говорит с важностью. Павел заявляет, что такое представление о Боге в высшей степени абсурдно. Высокие философские материи, политическое влияние и богатство, которыми так восхищается мир, на Бога не производят никакого впечатления. И коринфским верующим следовало признать это и отказаться от таких языческих стереотипов. В конце концов, их происхождение (а это были люди преимущественно бедные и незначительные) демонстрирует, каких людей Бог чаще ищет.

Почему-то современные верующие этот факт игнорируют. Почему мы постоянно выставляем напоказ христиан — спортсменов, звёзд телеэкрана и поп-музыкантов? Почему нам кажется, что их мнение или опыт получения благодати сколько-либо значительнее, чем у других верующих? Рассказывая мирским людям о нашей церкви, вспоминаем ли мы незнатных и униженных представителей общины или стремимся произвести впечатление, перечисляя знаменитых и успешных верующих? Современное христианство на Западе глубоко поражено вирусом триумфализма, и эта болезнь разрушает смирение, преуменьшает значение благодати и слишком почитает деньги, влияние и «мудрость» нашего времени.

Богословское объяснение Павла (1:27-30)

Коринфская община состояла из людей разных сословий, но большинство верующих не могли похвалиться культурным превосходством. Может, для этого была важная причина?

Павел утверждает, что была. Сам Бог «избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира, и униженное, и ничего не значащее [сегодня мы бы, наверное, назвали таких людей «ничтожеством»] избрал Бог, чтобы упразднить значащее» (1:27-28). Павел предполагает, что люди не придут ко Христу, если Он не изберёт их. И

если ко Христу приходят много незначущих, ничтожных людей, это может означать только то, что Христос избрал их. Основная причина, почему в церкви нет больше важных (по человеческим критериям, 1:26) персон, — в том, что Бог предпочёл избрать ничтожных и ничего не значущих.

Павел утверждает, что Бог избрал немудрых, «чтобы посрамить мудрых». Это не значит, что через немудрых Бог вызывает к совести мудрых. Он просто обесценивает их значимость. Точно таким же образом Бог избрал ничего не значущих, «чтобы упразднить значащее» (1:28). Другими словами, Бог желает развенчать все претензии этого мятежного мира. В мире, где гордые люди кичатся интеллектом, Бог избирает простых; где богатые оценивают друг друга величиной капитала, Бог избирает бедных; где эгоцентричные лидеры жаждут власти, Бог предпочитает ничего не значущих. Всё «значащее» — то, что имеет значимость и высоко ценится в этом падшем мире — Бог упраздняет. Оно вычёркивается как не имеющее вечной ценности, поскольку ни с чем из этого Бог спасение не связывает. Более того, Он отвергает самоуверенность важных и избирает ничего не значущих.

И основная причина Божьего решения — «чтобы никакая плоть не хвалилась перед Богом» (1:29). Он не только пренебрёг устоями общества, избрав так много людей, которых мир не ценит, но и лишил человека оснований хвалиться своим превосходством. Бог искупает падших людей, потому что Он милостив — и никак иначе. Он не должен никому даровать прощение и вечную жизнь. Если бы Он раздавал эти чудесные дары, руководствуясь мирскими подходами, например, политикой иммиграционных служб — чем образованнее человек, чем больше у него профессий, учёных степеней и богатства, тем легче ему эмигрировать — то многие верующие могли бы с полным на то основанием хвалиться. Но Бог делает то, что Он делает, «чтобы никакая плоть не хвалилась перед» Ним. «Я Господь, это Моё имя, и не дам славы Моей иному и хвалы

Моей истуканам» (Ис. 42:8). «Ради Себя, ради Себя Самого делаю это, ибо какое было бы нареkanie на имя Моё! Славы Моей не дам иному» (Ис. 48:11). Снова и снова Павел предупреждает коринфян об опасности превозношения (1 Кор. 3:21; 2 Кор. 10–13). Если человек имеет глубокое понимание Евангелия, то он скажет вместе с Павлом: «Где же то, чем бы хвалиться? Уничтожено» (Рим. 3:27).

Короче говоря, сами коринфяне служат неопровержимым доказательством, что Божьи понятия мудрости и силы радикально отличаются от человеческих. Действие креста, распространяющееся на членов коринфской общины, ещё раз подтверждает: спасение есть Божий дар, гарантируемый позорной смертью Его Сына. Эта ужасная смерть является Божьей победой, самым ярким и значительным Его поступком, которым Он ниспровергает и разрушает все притязания человека. Бог дарует спасение исходя исключительно из Своей благодати, и принимают его верующие в Него, а не «хорошие», богатые или сильные. Коринфским верующим, чтобы понять это, следовало просто вспомнить, кем они были до уверования.

И всё-таки в одном случае христианам не просто разрешается, а даже велено хвалиться.

Христианское понимание похвалы (1:30-31)

Павел не говорит, что христианам вообще нечем хвалиться. Скорее, он предупреждает: если хвалишься тем, чем принято хвалиться в этом мире, то поступаешь неправильно.

Об этом говорит даже Иеремия, на которого уже ссылался Павел. Господь не только запрещает мудрым, сильным и богатым хвалиться своими активами, но добавляет: «Хвисящийся хвались тем, что разумеет и знает Меня, что Я — Господь, творящий милость, суд и правду на земле; ибо только это благоугодно Мне» (Иер. 9:24). Конечно, это не даёт право эгоцентричным религиозным фанатикам заявлять, что все их мнения единственно правильны толь-

ко потому, что они знают Бога. Человеческое бахвальство отвратительно, потому что на вершину важности человек возносит себя — в том числе и в области религии. Человек, превозносящийся, стремящийся самоутвердиться, возводящий себя на пьедестал, сосредоточен на проходящем — на том, что не имеет вечной ценности.

Единственной вещью непреходящей значимости для человека является познание Бога. И это познание не принадлежит тем, кто заиклен на себе и своей важности. Те, кто действительно приходит к познанию Бога, довольствуются уже тем, что просто знают Его. Господь становится их центром. Они постоянно думают о Нём, наслаждаются Им, хвалятся Им. Они всё больше хотят знать, каков их Бог. Чем больше они узнают Бога, узнают, что Он — Бог, «творящий милость, суд и правду на земле», тем больше хотят, чтобы эти ценности преобладали в их жизни. Ведь Бог является центром их жизни, и они принимают от Него указания, соответствующие Его характеру. Они хвалятся Им.

И наиболее драматическое проявление Божьей милости, суда и праведности — смерть Его Сына. Этим актом Бог гарантировал, что бесчисленное множество людей действительно познают Его и узнают, какой Он Бог. «От Него и вы во Христе Иисусе», — пишет Павел коринфянам (1:30). Поскольку Бог избрал их, как показывают предыдущие стихи, они стали христианами и теперь пребывают «во Христе Иисусе». Они примирились с Богом; они познали Вечного; они вкусили блаженное облегчение прощения грехов. Таким образом, Христос Иисус, распятый и воскресший, Сам является Божьим планом, Божьей премудростью; Он «сделался для нас премудростью от Бога» (1:30). Это не мудрость мира, в которой нет места для креста. Крест является премудростью от Бога; это премудрость «Христа распятого» (1:23). Далеко не пустая и напыщенная, но имеющая вечную значимость, эта премудрость производит вечные перемены и приводит людей к близким взаимоотношениям с живым Богом.

Этот план Всевышнего становится для нас «праведно-

стью, и освящением, и искуплением». И, чтобы никто не подумал, что Божья премудрость — это всего лишь улучшенная версия мирской мудрости, Павел сразу же объясняет её в традиционных библейских терминах. Господняя мудрость гарантирует нашу праведность (термин, отражающий юридическое положение верующего перед Богом), наше освящение (чисто богословский термин, отражающий особую сферу, к которой мы теперь принадлежим) и наше искупление (термин из работорговли, обозначающий свободу от греха, развращённости и смерти).

Поэтому стоит ли удивляться, что Павел заканчивает свой аргумент, снова цитируя Иеремию: «Чтобы было, как написано: „Хвалящийся хвались Господом“» (1 Кор. 1:31). Если мы высоко ценим преходящее, продвигаем ценности, планы и программы этого суетного мира, как если бы они имели вечный, глубокий смысл, то поступаем так же глупо, как коринфяне. Такой неверный курс и превратные приоритеты ещё раз показывают, как мало мы знаем Бога. Ибо чем больше ты познаёшь Бога, тем больше хочешь, чтобы вся твоя жизнь вращалась вокруг Него, и только те цели и планы на самом деле имеют значение, которые связаны с Богом и нашим вечным пребыванием с Ним. Разве Иисус не говорил Своим последователям собирать себе соковища на небесах (Матф. 6:19-21)?

Поэтому весть о кресте должна составлять наше служение (1:18-25); границы действия креста подтверждают эту весть и ведут нас к самим основам (1:26-31). Но есть ещё одна составляющая, которую следует иметь в виду.

Проповедник креста (2:1-5)

Личный пример Павла должен был показать коринфским христианам, что они на опасном пути, ибо Апостол в своей проповеди сознательно дистанцировал себя от риторической помпезности своего времени. Он пишет: «И когда я приходил к вам, братья, приходил возвещать вам свидетельство Божье не в превосходстве слова или мудрости

[„превосходство слова“ и „мудрость“ здесь, скорее всего, указывают на форму изложения, а не на содержание]» (2:1).

Много говорится о том, что Павел противопоставляет себя популярным в то время софистам. Многие интеллектуальные движения высоко ценили риторику. Философов превозносили как за красноречие, так и за содержание речей. Но софисты подняли эти идеалы на новый уровень. Следуя строгим, искусственно созданным традициям, эти ораторы получали похвалу и приобретали себе последователей (студентов, которые платили!) в соответствии с умением произносить речи в публичном собрании, избирать тему и разглагольствовать о ней выразительно, с силой, говоря убедительно в судебном, религиозном, деловом и политическом контексте. Они имели такое большое влияние в средиземноморском мире, в том числе и в Коринфе, что публичные ораторы, которые не соответствовали этим стандартам, считались слабыми и неудачниками.

Нам, живущим в конце XX столетия, трудно понять, какое влияние тогда имело это увлечение риторикой. Но Павел считает необходимым коснуться этого вопроса снова во 2-м послании к Коринфянам (см. 10:9-10; 11:5-6). Следует помнить, что до начала XX столетия риторика была важным предметом в большинстве западных университетов. Развитие печати, радио и особенно телевидения настолько популяризировало «хладнокровную» связь, что зажигающая речь теперь кажется весьма странной — старомодной или опасной. Телеведущие и дикторы на телевидении не теряют самообладания и идеально ровным и беспристрастным голосом описывают голод в Африке, общаются о землетрясении в Китае, жертвами которого стали 200 тысяч человек, или объявляют победителя в баскетбольном матче.

Но пустая риторика таит в себе много опасностей. Те, кто питает слабость к красноречию и высокопарным фразам с весьма малой долей смысла, всего лишь прихорашивают свои перья. Такая риторика заставляла Павла бес-

покоиться. Она несёт с собой слишком много искушений гордиться собой для любого, кто проповедует о распятом Мессии.

Поэтому Павел сделал выбор. Он «рассудил» (2:2) использовать более ограниченный путь, даже если бы пришлось идти против течения культурных ожиданий. Когда давление контекстуализировать Евангелие угрожает слову о кресте, раздувая человеческое себялюбие, такое давление со стороны культуры следует отвергать.

Чтобы посвящение Павла не было истолковано превратно, следует сразу же оговорить два нюанса. Во-первых, было бы абсолютно неуместно делать вывод, что Павел был некомпетентным оратором, слабым коммуникатором. Когда Павел и Варнава были в Листре, язычники приняли Павла за Ермия, греческого бога красноречия (чье римское имя было Меркурий), потому что он был основным выступающим (Деян. 14:12). Павел демонстрировал большое мастерство в области риторики и работал над усовершенствованием ясности и результативности изложения. В Фессалонике он «говорил... открывая и доказывая», что Мессии надлежало пострадать и воскреснуть из мёртвых (Деян. 17:2-3). Чего Павел избегал, так это искусственной риторики, гарантировавшей аплодисменты выступавшему, но отвлекавшей от сути вести. Однако ленивые проповедники не имеют права апеллировать к тексту 1 Кор. 2:1-5, чтобы оправдать свою лень и легкомысленное изложение за кафедрой. Эти стихи не запрещают тщательно готовиться и ясно, пламенно и убедительно изъясняться. Скорее, они предупреждают о любом методе, побуждающем слушателей говорить: «Какой чудесный проповедник!», вместо того чтобы сказать: «Какой чудесный Спаситель!»

Во-вторых, было бы ошибочно на основании этого текста утверждать, что Павел игнорировал культурные особенности различных групп, которым нёс Евангелие, а потому и нам не нужно беспокоиться о таких тонкостях. На самом деле Апостол проявлял удивительную гибкость. Это

становится очевидным, если сравнить проповедь Павла в синагоге в Антиохии Писидийской (Деян. 13:13-41) с его проповедью в ареопаге в Афинах, сказанной для язычников (Деян. 17:16-31). Павел показывает это ещё нагляднее в своих посланиях, не в последнюю очередь в 1-м Коринфянам. Мы вернёмся к теме гибкости в последней главе книги, где поближе рассмотрим некоторые части 9-й главы Первого послания к Коринфянам. А пока заметим лишь, что какими бы ни были гибкость и культурная чувствительность Павла, они не были неограниченными; Павел проводит черту, где, как он считает, Евангелие может подвергаться опасности. И он явно считает, что Евангелие подвергается угрозе со стороны любого красноречия или риторики, которая не усиливает весть о распятом Мессии. Искусная, остроумная, занимательная, блестящая речь обеспечит бурные аплодисменты и восхищение слушателей, но она не сочетается с бесчестием креста. Поэтому Павел отказывается от популярных приёмов завоевания аудитории и говорит простыми словами.

Ему подражали английские пуритане. В эпоху, когда учёные часто использовали трибуну, чтобы блеснуть своими знаниями, образованностью, пуритане для наибольшего блага своих слушателей решили говорить просто и убедительно. Их проповеди составлялись, чтобы донести до слушателей вечное Евангелие, а не завоевать аплодисменты других обученных проповедников. Когда Томас Гудвин поступил в 1613 году в Кембриджский университет, он хотел подражать самым «остроумным» проповедникам, таким как д-р Сенхауз из колледжа Св. Иоанна. Но после обращения Гудвин перенял принцип пуритан:

Я пришёл к твёрдому убеждению, что буду проповедовать только здравые и полезные слова, без искусственности и тщеславного красноречия... Я... придерживался этой цели и практики все 60 лет. Я проповедовал то, что считал действительно назидательным для обращения или приведения верующих к вечной жизни.²

Но больше всего меня поразила история одного верующего из Египта, обладающего необычными коммуникационными способностями. Арабский язык функционирует на двух уровнях. Есть что-то наподобие уличного арабского языка — или, точнее, несколько видов уличного арабского языка, в зависимости от региона — и «высокий», или «литературный», арабский. Последний используется не только в хорошей арабской литературе, но и в устном общении. Этот египетский христианин был одним из самых популярных журналистов; его материалы ценились как за благозвучность изложения, так и за содержание. Услышав Божий призыв к служению, он оставил журналистику и вскоре создал большую общину. Однако многие прихожане посещали церковь просто потому, что им очень нравилось слушать его речи.

Этот проповедник обеспокоился, узнав, что людей гораздо больше привлекает его арабский язык, чем его Спаситель. После продолжительных раздумий он перешёл на разговорную речь. Аргументация была довольно простой: его целью было донести слово о кресте, а риторика этому препятствовала. Этот человек явно понял Павла.

Что мешает нам эффективно благовествовать?

Не нужно тут же пытаться составить список всего, что мешает благовестию в вашей культуре. Во-первых, в каждом регионе есть свои отличия, во-вторых — культура постоянно меняется. Разумнее и целесообразнее рассмотреть характеристики эффективной проповеди о кресте. Вот какие приоритеты выделяет Апостол Павел:

Возвещайте свидетельство Божье. Это то, что делал Павел: «Я приходил... возвещать вам свидетельство Божье» (2:1). Ранее мы увидели, что Богу было благоугодно спасти верующих «юродством проповеди» (1:21), и акцент ставился на содержании. Тем не менее, Павел пишет о «юродстве проповеди», не о «юродстве изложения». Содержание Павловой вести — «свидетельство Божье» (т.е. что сделал Бог во Христе Иисусе). Апостол провозглашает её, проповедует эту весть.

Хотя проповедь в Писании не ограничивается только действием за кафедрой в воскресное утро, тем не менее в Новом Завете трудно избежать акцента на провозглашении. Причина покоится в самой вести. Бог начинает действовать, и Евангелие провозглашается. Бог не торгуется; Он объявляет и обличает. Истинная проповедь — это просто передача Божьего Евангелия, Божьей Благой вести, посредством которой люди приходят к познанию Бога. Таким образом, проповедь служит связующим звеном с Самим Богом. Многие проповедники, боясь, чтобы их не посчитали высокомерными, избегают разговоров о проповеди и предпочитают описывать свой труд глаголом «делиться». В некоторых ситуациях, несомненно, нет ничего плохого в том, что человек хочет «поделиться». Однако, если мы не нацелены на проповедь и провозглашение, теряется нечто важное. В этом заключается наш труд, наше призвание. Нет ничего высокомерного в том, чтобы как можно убедительнее представлять Божье Евангелие; это просто верное служение. Более того, сосредоточившись на убедительном провозглашении Евангелия, мы будем меньше соблазняться сладкоголосыми призывами смягчить бескомпромиссность, присущую проповеди.

Сосредоточьтесь на Христе распятом. Это то, что делал Павел: «Я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого» (2:2). Это не значит, что у Павла было новое увлечение или что он пребывал в блаженном неведении, не зная ничего, кроме креста. Апостол имеет в виду, что всё, что он делает и говорит, связано с крестом. Он не может долго говорить о христианской радости, христианской этике, христианском общении, христианском понимании Бога или о чём-либо ещё, не связывая это в итоге с крестом. Для Павла центром всего является Евангелие и крест.

Это не просто посвящённость вероучению. Павел таким образом определяет свои приоритеты, образ жизни и, в данном контексте, стиль служения. Если он действительно считает, что Бог в высшей степени проявил Себя

в кресте и что следовать за распятым и воскресшим Спасителем означает каждый день умирать, то нелепо переживать стиль служения, наполненный триумфализмом, предназначенный произвести впечатление, рассчитанный на аплодисменты. Именно поэтому Павел решил быть «незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого», чтобы сформулировать свой взгляд на риторику.

Что же тогда сегодня означает быть «незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого»? Какие составляющие нашего служения следует пересмотреть, учитывая это? Ведь это посвящение должно формировать не только проповедь, но и стиль нашего служения.

Мы стали настолько ориентированы на бутафорию, что порой не замечаем, как далеко зашли в своём компромиссе. Вот один пример. Во многих церквях молитва на утреннем богослужении используется, в основном, как время для перестановок на сцене. Люди в зале склоняют головы и закрывают глаза, а когда через минуту открывают глаза, то видят, что певцы уже на месте или театральная группа готова начать своё представление. Всё так плавно, «продуманно», без запинки, однако всё так по-мирски. На первый взгляд мы будто молимся, вместе обращаясь к Царю небес, полновластному Господу. А на самом деле некоторые молятся, в то время как другие бегают на цыпочках по сцене, а третьи с закрытыми глазами представляют, какой будет обстановка на сцене, когда они откроют глаза.

Неужели слаженность этого представления стала важнее для нас, чем страх Господень? Неужели гламур, пафосность, «крутость», современные эквиваленты древней риторики, вытеснили содержание богослужения? Неужели профессиональная способность и умение привлечь и удержать внимание ценнее, чем необходимость сосредоточиться на Христе распятом?

Не бойтесь слабости, болезни или ощущения переполнения. Дело в том, что такие переживания часто сопровождают человека, через которого Бог являет Свою силу. До тех пор пока на людей больше производят впечатление

ваша сильная личность и экспрессивные дары, остаётся мало шансов поразить их жертвой распятого Спасителя. «Был я у вас, — признаётся Павел, — в немощи и в страхе, и в великом трепете» (2:3) — настолько, что испытал острую необходимость в ободрении от Самого Господа (Деян. 18:9-10). Но Апостол знал, что Божья сила лучше всего проявляется на фоне человеческой немощи (2 Кор. 12:1-10). Хотя Павел пережил страхи, болезни, немощи и огромное давление ответственности, он не отказался от своей цели, не бросил свой труд. Он шёл дальше, говоря: «Я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда я немощен, тогда силен» (2 Кор. 12:10). Это свидетельство человека, который научился служить, неся свой крест.

Избегайте манипулирования людьми. «И слово моё, и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости», — пишет Павел (1 Кор. 2:4). Речь здесь не о том, что Апостол изъяснялся неубедительно, неинтересно. Напротив, в другом месте он пишет: «Итак, зная страх Господень, мы стараемся убеждать людей» (2 Кор. 5:11, Новый перевод с греч. подлинника). Но он сознательно избегает манипулирования людьми. Он остерегается проповеди, которая вводит людей в заблуждение или движет ими посредством красноречия, а не сосредоточена исключительно на верной передаче Евангелия. Менять жизнь людей должна истина и сила Евангелия, а не ораторское искусство или эмоциональная сила наших рассказов.

Несколько лет назад я выступал на большой молодёжной конференции в Австралии. Я был поражён и впечатлён руководителем и организатором этих встреч. Обращаясь к более чем 300 лидерам различных групп и служений, он спокойно призывал их избегать манипулирования. Он сказал: «Убедитесь, что молодые люди достаточно отдыхают. Мы не хотим необдуманных решений, принятых наспех просто потому, что люди устали и запас их жизненных сил на исходе. Не загоняйте людей в эмоциональный угол, чтобы вынудить их принять решение; такие решения

редко того стоят. Не стыдите и не унижайте их перед сверстниками. Последовательно излагайте Евангелие».

Этот руководитель просто следовал совету Павла. Он был больше заинтересован в целостности изложения, неразрывно связанного с целостностью самого Евангелия, чем в желании добиться впечатляющей статистики.

Признайте, что служение, в центре которого крест, характеризуется силой Духа и подтверждается преобращёнными судьбами. Весть Павла состояла «в явлении Духа и силы, чтобы вера [обращённых через него] утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божьей» (2:4-5).

Это то, что нужно нам: помазание Духа, явление Его силы. Если эта сила присутствует, это не останется незамеченным, и вера новообращённых прочно утверждается в Самом Боге. Где этой силы нет, ничто не может восстановить потерю, и вера новообращённых, скорее всего, будет направлена на ложные объекты.

Далее Павел подробнее скажет о Духе Святом.

Заключительные мысли

Слово о кресте разоблачает великие идолопоклонства церковного мира: нашу бесконечную саморекламу, любовь к профессионализму, зависимость от понятных, но мирских методов. Несомненно, взятые по отдельности эти тенденции не столь критичны или пагубны. Однако в совокупности они настолько искажают богослужение, настолько уводят от креста, настолько не соответствуют новозаветному образу проповедника, что мы вынуждены будем со стыдом признать, что обратились к идолам, и покаяться в своём грехе.

Библейская проповедь строится на Евангелии и постоянно возносит Христа распятого. Библейская проповедь подразумевает, что крест — это не только основа нашего вероучения, но и критерий нашего служения.

Вопросы для анализа и размышлений

1. Почему люди находят крест Иисуса Христа таким отталкивающим?
2. Объясните, что имеет в виду Павел, говоря о «немудром Божьем».
3. Почему Бог так часто спасает «ничего не значащих»? Какое значение ваш ответ имеет лично для вас?
4. Что значит «хвалиться Господом»? Хвалитесь ли так вы?
5. Обобщите взгляд Павла на то, какой должна быть проповедь согласно этому тексту.

¹ Слова «Мессия» и «Христос» равнозначны; первое возникло из еврейской среды, второе — из греческой.

² Thomas Goodwin, *Works*, ed. J. Miller (London: James Nichol, 1861), 2.1xivf. Cited in J. I. Packer, *A Quest for Godliness: Puritan Vision of the Christian Life* (Wheaton: Crossway, 1990), 74.

2

Крест и Святой Дух

1 Коринфянам 2:6-16

⁶Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века этого и не властей века этого проходящих, ⁷но проповедуем премудрость Божью: тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей, ⁸которой никто из властей века этого не познал, ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы. ⁹Но как написано:

«Не видел того глаз, не слышало ухо,
И не приходило то на сердце человеку,
Что приготовил Бог любящим Его».

¹⁰А нам Бог открыл это Духом Своим; ибо Дух всё проникает, и глубины Божьи. ¹¹Ибо кто из людей знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нём? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божьего. ¹²Но мы приняли не духа мира этого, а Духа от Бога, чтобы знать дарованное нам от Бога,

¹³Что и возвещаем не от человеческой мудрости из-

ученными словами, но изученными от Духа Святого, сопоставляя духовное с духовным.¹⁴ Душевный человек не принимает того, что от Духа Божьего, потому что он считает это безумием; и не может разуть, потому что об этом надобно судить духовно.¹⁵ Но духовный судит обо всём, а о нём судить никто не может.

¹⁶Ибо кто познал ум Господень, чтобы мог судить его? А мы имеем ум Христов.

Весьма иронично, что текст, который должен учить нас смирению, некоторые используют, чтобы оправдать свою надменность. Эти люди считают, что говорят от имени Бога, объясняя, какой Бог, как Он поступает и почему. И если вы ставите их мнение под сомнение, то вам объяснят, цитируя Павла: «Мы приняли не духа мира этого, а Духа от Бога, чтобы знать дарованное нам от Бога» (ст. 12). Мне не раз говорили, что я — один из таких людей, ведь «душевный человек не принимает того, что от Духа Божьего, потому что он считает это безумием; и не может разуть, потому что об этом надобно судить духовно» (ст. 14). Другими словами, если ваши взгляды совпадают с точкой зрения таких людей, то вы попадаете в категорию духовных людей; если нет, то вы — душевный или плотской. А если поинтересоваться у этих «единственно правильных» христиан, на каком основании и по какому праву они оценивают других, они с твёрдой уверенностью ответят словами 15-го стиха: «Духовный судит обо всём, а о нём судить никто не может». В итоге из таких людей вырастают авторитарные лидеры — сосредоточенные только на себе руководители, неподотчётные никому, кроме себя.

Другие, наоборот, утверждают, что этот текст не говорит ничего о том, как Дух помогает людям понимать истину, а только о том, что Дух помогает людям применять истину к себе. Они говорят, что если библейское толкование становится заложником какого-то мистического восприятия Духа и изымается из области слов, истории, граммати-

ки и экзегетики, то можно очень далеко зайти. В итоге мы увязаем в субъективизме, когда каждое мнение притязает на откровение от Духа. На самом деле, толкование Писания должно иметь свободу для выражения, и толкующие Библию атеисты могут быть так же правы, как и верные христиане — но без Духа они не могут применить текст, который правильно толкуют. Конечно, это чудесная защита объективности истины, но это не основное значение ст. 12-16.

По сути, со дней Реформации эти стихи трактовались для объяснения совершенно другого предположения. В них подчёркивалось то, что «душевный человек» (ст. 14) настолько мёртв, что никакими аргументами привести его к вере невозможно. То, что исходит от Духа Божьего, такому человеку кажется безумством — он, даже если хочет, «не может разуместь, потому что об этом надобно судить духовно». Другими словами, чтобы человек мог поверить, Сам Дух Святой должен провести подготовительную работу в его сердце и разуме. Без помощи Духа истины Евангелия всегда будут для него чуждыми и непонятными.

Это намного ближе к тому, о чём говорит данный текст, но даже в таком случае важно рассматривать главу в контексте. Если мы хотим увидеть смысл в этом тексте и обнаружить, как крест Христов всё ещё остаётся главной темой, нужно обратить внимание вот на что.

Во-первых, необходимо увидеть связь с аргументом, выдвинутым в 1:18. Как мы видели, во второй половине 1-й главы Павел объясняет, почему «слово о кресте» (1:18) превышает «мудрости» мира. Говоря о своих приоритетах как проповедника (2:1-5), он опять подчёркивает важность провозглашения слова о кресте. Содержание его проповеди (2:4) — «не в убедительных словах человеческой мудрости», а в провозглашении «Иисуса Христа, и притом распятого» (2:2). Поэтому, когда Павел продолжает настаивать, что его проповедь в некотором смысле всё-таки является проповедью мудрости (2:6), он не пытается сказать что-то новое. Никак нет, он говорит, что власти «века

этого... распяли... Господа славы» (2:8), а значит, они не познали мудрость Божью. Другими словами, Павел не начинает новую тему, новую дискуссию об эзотерической мудрости. Он всё ещё сосредоточен на вести о кресте — и мы не поймём эту главу, если упустим данный факт.

Во-вторых, мы должны осознать, что аргумент в этих стихах в основном построен на трёх основных противопоставлениях. Они в чём-то совпадают, и их необходимо правильно понять.

Первое противопоставление: принимающие Божью мудрость и отвергающие её (2:6-10а)

Павел уже показал (в 1:18-25), что слово о распятом Мессии, воспринимаемое миром как совершенная бессмыслица, и есть величайшее проявление Божьей мудрости. Кто-то видит в этом слабость и безумство, а верующие — «Божью силу и Божью премудрость» (1:24). Павел хочет ещё больше раскрыть, в чём же заключается эта мудрость.

Поэтому он начинает с противопоставления. Апостол уже объяснил причину своего отказа от манипулятивной риторики, но он не хочет, чтобы у читателей сложилось мнение, будто слово о кресте «немудрое» во всех отношениях: «Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века этого и не властей века этого проходящих» (2:6). Одно слово в этом стихе, породившее бесконечные споры, — слово «совершенные», иногда переводимое как «зрелые». Очень часто оно описывает всех истинных верующих, то есть *совершенных* верующих. Но некоторые воспринимают его, как предполагающее деление верующих на совершенных (духовных) и несовершенных (плотских) верующих, о чём Павел упоминает в начале 3-й главы.

Однако такое толкование здесь явно не уместно. Слово «совершенные» в этом контексте означает всех христиан, принявших весть о кресте, в противовес миру, который отверг спасительные слова. Возникает вопрос: зачем Павел

избрал это слово — «совершенные» — для описания всех христиан? Неужели он не догадывался, что эта неоднозначность приведёт к всевозможным кривотолкам?

Почти наверняка можно сказать, что Павел выбрал это слово из-за того, что сами коринфяне любили применять его к себе. Они считали себя совершенными, а Павла и его проповедь — несовершенными. В следующей главе Павел посчитает нужным объяснить им, что в христианском сообществе всё с точностью наоборот (3:1-4). Но сначала он должен опровергнуть их основополагающие взгляды. Все христиане совершенны в том смысле, что они приняли весть о кресте, тогда как остальные люди — отвергли. Слово о Христе распятом — вот что делит человеческую расу на две категории.

Поэтому мысль Павла достаточно ясна. Как «мудрость, [которую] мы проповедуем», — это «мудрость не века этого» (2:6), так и те, кто принимает Божью весть, не принадлежат этому веку. По сути, «мудрость... века этого», хоть правители этого века и поддерживают её, не имеет вечной ценности. Собственно, и «власти века этого» можно охарактеризовать только как «проходящие» (2:6). Почему же тогда христиане должны восхищаться бумажными героями, которые получают непродолжительные аплодисменты умирающего мира, но с точки зрения вечности не имеют никакой значимости? Эти «герои» напоминают тех, о ком псалмопевец сказал, что не только нечестивые погибнут, но и «путь нечестивых погибнет» (Пс. 1:6).

Под «властями века этого» подразумеваются не бесы и даже не политические лидеры, а скорее те, кто формирует мировоззрение и ценности общества — «мудрец», «книжник» и «совопросник» (1:20) и «мудрые», «сильные» и «благородные» (1:26). Это лучшие умы человечества, однако они противятся слову о кресте. Какой же смысл нам тогда принимать их приоритеты и ценности?

Для христиан мирская мудрость — это отнюдь не то, чем стоило бы наполняться и что стоило бы исповедовать. Павел пишет, что мы «проповедуем премудрость Божию:

тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей» (2:7). Премудрость креста характеризуется тремя особенностями.

Во-первых, это в буквальном смысле «Божья тайная премудрость» (2:7). Эта мудрость, о которой длительное время было умолчано, теперь стала достоянием гласности. Это главное значение термина «тайна» в Новом Завете. Павел рассматривает слово о кресте как то, что в прошлом было сокрыто, а теперь явлено людям.

Но здесь нужно быть осторожными. Некоторые авторы Нового Завета неоднократно упоминают, что пришествие Иисуса Христа и Благая весть, которую Он принёс, были предсказаны в Писании, а Павел (и другие авторы Нового Завета тоже) — что явленное ныне Евангелие в прошлом было сокрыто. Как это возможно?

Это не простой вопрос, и он привязан к спорным вопросам в истории Церкви. Здесь эти вещи исследовать невозможно. Но следует отметить, что в одном известном отрывке Павел осмеливается объединить обе темы. В Послании к Римлянам он пишет:

Могущему же утвердить вас, по благовествованию моему и проповеди Иисуса Христа, по *откровению тайны, о которой от вечных времён было умолчано, но которая ныне явлена и через Писания пророческие*, по повелению вечного Бога, *возвещена* всем народам для покорения их вере, Единому премудрому Богу, через Иисуса Христа, слава вовеки. Аминь (Рим. 14:24-26, курсив добавлен).

Это поразительно. Павел говорит, что Евангелие «от вечных времён было умолчано», однако сейчас явлено, и известным оно стало через пророческие Писания! Итак, сокрыто оно или нет?¹ Если было сокрыто, то как оно получило разглашение через Писание? Если стало известным через Писание, как можно сказать, что оно было сокрыто, ведь Ветхий Завет существовал давно?

Я думаю, Павел хочет сказать, что верить в истинность

Ветхого Завета недостаточно. В конце концов, он сам до обращения ко Христу страстно верил в то, что мы сегодня называем Ветхим Заветом, однако это не помогло ему найти там весть о распятом Мессии. И только, встретившись с воскресшим Иисусом на дороге в Дамаск, он был вынужден пересмотреть своё мировоззрение. После этого Павел читал Ветхий Завет по-новому (вкратце эта мысль исследовалась в первой главе книги).

Однако, независимо от того, сколько Ветхий Завет указывает на Иисуса, большая часть этих пророчеств преподносится в скрытой форме — в символах, тенях и образах. Система жертвоприношений предшествовала величайшей Жертве; должность первосвященника предвосхищала величайшего посредника между Богом и греховными людьми, Иисуса Христа; Пасха напоминала о Божьем гневе и рисовала картину последнего пасхального Агнца, Чья кровь отвращает гнев; объявление нового завета (Иер. 31) и нового священства (Пс. 109) показывало ветхость прежнего завета и священства. Гипотетически, если бы на земле были совершенные люди, чтобы проследить происходившее, люди с непорочным сердцем, они могли бы уловить принципы и понять план. Но мир с момента грехопадения заселён грешниками, и они зачастую не понимали ветхозаветное Писание, данное Богом. В этом непонимании или, скорее, неверии была человеческая вина. Иисус, говоря об этом, упрекал Своих последователей: «О, несмысленные и медлительные сердцем, чтобы верить всему, что предсказывали пророки! Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою?» (Лук. 24:25-26). Однако в то же время истины о спасительном Божьем плане *должны были* быть скрыты. Если бы пророчества об Иисусе были прозрачно ясны, конкретны и однозначны, то невозможно даже представить, как Синедрион, Понтий Пилат и Ирод совершенно неправильно истолковали бы то, что они делали. Это было бы совершенно очевидно для них. Но Павел говорит, что опытным путём никто из них этого не понял: «Никто из властей века этого не познал [этого], ибо если

бы познали, то не распяли бы Господа славы» (2:8). Таким образом, Божий премудрый план состоял в том, чтобы нечестивые люди сыграли свою роль в Его искупительном замысле; Его непревзойдённая благодать и премудрость предусмотрели откровение достаточно ясное, чтобы быть понятным после того, как события произошли, но достаточно скрытое, чтобы мятежные грешники в какой-то мере истолковали его неправильно и имели о нём неверное представление.

Поэтому «мудрость, [которую] мы проповедуем», слово о кресте — это тайная Божья премудрость, которая на протяжении веков была в значительной мере скрыта, пока не был распят Мессия.

Во-вторых, эта премудрость всегда была в Божьем плане, и Он предопределил её «прежде веков к славе нашей» (2:7). Павел не хотел, чтобы у читателей сложилось впечатление, будто Бог внёс в Свои планы какие-то коррективы или придумал нечто совершенно новое, если в прошлом эта премудрость была в определённой степени скрыта. Никак нет. Бог задумал спасти человека «прежде веков». И теперь Он решил раскрыть Свой план полностью — Он «предназначил [эту премудрость] к славе нашей».

На эту замечательную мысль и ссылаются авторы Нового Завета. Пётр говорит, что авторам Ветхого Завета было открыто, «что не им самим, а нам служило то, что ныне проповедано вам благовествовавшими» (1 Пет. 1:12). Иисус Христос был предназначен «ещё прежде создания мира, но [явился] в последние времена для вас» (1 Пет. 1:20). Даже печальные повествования человеческих падений и отступления в Ветхом Завете, если из них извлечь нравственные уроки, служат к нашему благу: «Всё это происходило с ними как прообраз; а описано в наставление нам, достигшим последних веков» (1 Кор. 10:11). Великие герои веры Ветхого Завета не получили обещанного: «Бог предусмотрел о нас нечто лучшее, чтобы они не без нас достигли совершенства» (Евр. 11:40).

Косвенно это значит, что для коринфян крайне неразу-

мно было перенимать принципы, продвигаемые представителями мирской культуры, не чтящей Господа. Бог решил осуществить Свой план искупления всех верующих, живущих после принесения Христом Себя в жертву на кресте. Почему же они обесценивают это драгоценное наследие от Всемогущего Бога, увлекаясь мимолётными иллюзиями мудрых мира сего, отвергающих крест? Это так иронично и трагично.

По сути, ирония начинается с позорной смерти Иисуса. Власти, распявшие Его, на самом деле непреднамеренно осуществляли Божьи замыслы. Как выразили в 4-й главе книги Деяний молившиеся христиане, «поистине собрались в городе этом на Святого Сына Твоего Иисуса, помазанного Тобой, Ирод и Понтий Пилат с язычниками и народом израильским, чтобы сделать то, чему быть предопределила рука Твоя и совет Твой» (Деян. 4:27-28). Они думали, что избавились от лжемессии; на самом деле они незаконно и безнравственно казнили Господа славы. Считая себя мудрыми и политически проницательными, в своём безумии они осуществили Божий премудрый план — тот самый план, который они приняли за абсурд. В этом и состоит феномен благодати, что в соответствии с Божьими целями они убили Начальника жизни.

Павел завершает свою мысль цитатой из Писания, очевидно совмещением текстов Ис. 64:4 и 65:17 в греческом Ветхом Завете, которым он пользовался. «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (2:9). Конечно, нет, поскольку премудрый Божий план в тот момент всё ещё был тайной, изложенной в образах и большей частью сокрытой. «А² нам Бог открыл это» (2:10).

Поэтому, хотя эти слова часто цитируются, указывая, какая слава ожидает верующих после смерти (и это, конечно, хорошая мысль), Павел использует их, чтобы указать на то, что в прошлом было сокрыто, а теперь открыто верующим.

И мы ещё раз убеждаемся, как неразумно перенимать

точку зрения тех, кто формирует нормы и вкусы общества, ведь они не имеют реального понимания креста. Нам дана невероятная привилегия извлечь пользу из безмерно мудрого Божьего плана искупления. Стоит ли менять это удивительное наследие на сомнительную ценность чечевичной похлёбки?

Каждый глубоко верующий человек, твёрдо уповающий на Бога, знает, какая это огромная привилегия — знать Бога и быть примирённым с Ним благодаря распятому Мессии.

Но есть и третья составляющая, характеризующая Божью премудрость. Павел сначала ссылается на неё, но затем она становится центром второго противопоставления. Она в следующем: несмотря на то, что Бог так решительно осуществил Свой премудрый план в Евангелии распятого Мессии, люди в большинстве своём всё ещё не веруют. Они всё ещё не видят, как мудр Его замысел. Если мы, «совершенные», пришли к его пониманию, это потому, что «нам Бог открыл это Духом Своим» (2:10).

Другими словами, необходимо было не только объективное, публичное проявление Божественного откровения в распятии Божьего Сына, но и индивидуальный труд Бога посредством Его Духа в разуме и сердце каждого отдельно-го человека. Это то, что отличает верующего от неверующего, «совершенных» от людей и властей этого века. Если мы поняли и приняли истину Евангелия, то не в силу своих способностей или проницательности, а благодаря Божьему Духу. Если мы безмерно благодарны Богу за Его Сына, то стоит выразить такую же благодарность и за Святого Духа, Который даёт нам способность понимать Евангелие Иисуса Христа.

И это приводит нас ко второму противопоставлению.

Второе противопоставление: Дух Божий и дух мира (2:10б-13)

Мы узнали, что получившие Божью премудрость, слово о кресте, отличаются от людей этого века тем, что эту

мудрость им открывает Дух Божий. Но почему эта помощь «извне» нужна? Кто-то скажет: «Знание есть знание. Раз Бог открыл Себя в реальных событиях истории, почему Он всё ещё остаётся недоступным большинству людей? Кажется, что христиане противоречат сами себе и популяризируют эзотерическое, не поддающееся проверке знание, доступное только посвящённым?»

Обратите внимание, в какой форме задан вопрос. В нём фигурируют исключительно термины эмпирического знания — т.е. знания, основанного на повторяемых опытах, наблюдениях, фактах. Но все мы интуитивно осознаём, что есть и другие измерения «знания». Например, если ты стал очевидцем конкретного исторического события или познакомился с конкретным человеком в определённых обстоятельствах, — это личный опыт, который невозможно повторить. Насколько же труднее досконально понять, что значит познать Бога — Существо другого порядка, отличного от горизонтальных взаимоотношений, которые обычно связывают людей?

Есть ещё одна проблема. Бог не только намного больше нас, но мы также настолько непослушны, что искажаем большую часть информации о Нём, которую Он милостиво предоставил. Если мы глубоко поражены «духом мира» (ст. 12), если мы обычно опираемся на «человеческую мудрость» (ст. 13), то должны со стыдом признать, что это очень сомнительное «преимущество», как отмечает в 1–2 главах Первого послания к Коринфянам Павел.

Павел резонно заметил, что человек не способен своими силами познать Бога и постичь Его пути. Расстояние слишком велико, а человеческая эгоцентричность слишком глубока. И никакая «мудрость... века этого» (ст. 6) не поможет нам.

Мудрость, свойственная этому веку, — это [мудрость], которая возникает из противления Богу и характеризуется противлением; это попытка творения укрепить свои позиции против Творца (какими бы блестящими и духов-

ными — или научными — они бы ни казались). Одним словом, она человекоцентрична.³

В любом случае, чтобы познать Бога, требуется откровение. И это откровение даёт непосредственно Дух Божий.

Среди «знающих» существ — люди, ангелы, Бог — есть барьеры, которые препятствуют одним знающим существам полностью понимать, о чём думают другие. Как бы хорошо мы ни были знакомы, я никогда не буду знать все ваши мысли, а вы — мои. Ещё меньше шансов у нас понять мысли ангела Гавриила, когда, скажем, он говорил с Марией (Лук. 1:26-38). И только Бог знает все мысли, ибо «Дух всё проникает, и глубины Божьи» (2:10б).

Конечно, слово «дух» в Библии может иметь несколько значений. Прежде всего оно обозначает внутреннюю сущность человека — почти что эквивалентную *разуму*. Поэтому, когда Павел спрашивает: «Кто из людей знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нём?» (2:11), он имеет в виду, что мысли конкретного человека в значительной степени закрыты для остальных. Только сам человек знает, что он на самом деле думает. Конечно, сказывается человеческая ограниченность: «кто из людей знает» мысли другого, а тем более мысли Бога? Но Божьи возможности безграничны. Он — всеведущ, Он исследует («проникает») наши мысли. Точно так же и «Божьего никто не знает, кроме Духа Божьего» (ст. 11). Это значит, что если мы хотим понять Бога, иметь Его мысли, истинно «познать» Его, нам нужно принять Духа Божьего. Сами по себе мы просто не сможем найти Его.

Христиане приняли Духа Божьего. «Мы приняли не духа мира этого, а Духа от Бога» (2:12), и цель этого дара в том, «чтобы знать дарованное нам от Бога» (2:12). Теперь мы знаем, что Божье откровение имеет два основных измерения. Первое — то, что открыто публично. Фраза «дарованное нам от Бога» подразумевает крест Мессии и Его жертву, Его подвиг ради нас. Только по несравненной благодати Бог даровал эти дары Своему народу. Крест —

доказательство безграничной, беспрецедентной Божьей благодати. На Голгофе Божий план, сокрытый в прошлых веках, был воплощён в жизни. Печально, но, даже зная всё это, многие не могут понять «дарованное нам от Бога». Такое понимание зависит от второго измерения откровения — внутреннего. Без него никто никогда бы не понял, что Бог открыл о Себе и о Своей мудрости. Богопротивление, глубокая эгоцентричность, стремление к богатству, власти и престижу мешают человеку понять крест и свою нужду в нём. Короче говоря, падшее состояние человека требовало участия Духа Божьего, чтобы мы могли понять «дарованное нам от Бога» (2:12).

Какой у нас великий Бог! Он не только искупил нас, допустив позорное распятие Своего возлюбленного Сына, но и послал Своего Духа, чтобы разъяснить нам, что Он сделал. Без Бога человек настолько непонятлив и слеп, что не смог бы даже начать понимать «дарованное нам от Бога», если бы Господь не сделал этот дополнительный шаг.

Именно Дух Святой побудил Павла проповедовать так, как он проповедовал. Апостол говорит, что возвещает слово о кресте «не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святого, сопоставляя духовное с духовным» (2:13). В греческом эта последняя фраза довольно сложная. В Новой Международной Версии она переведена так: «Выражая духовные истины духовными словами». Что это значит? Это значит, что Павел, будучи побуждаем Духом, объяснял духовные вещи (слово о кресте, изложенное людям Духом, ст. 12) духовными словами — то есть словами, соответствующими природе вещи. То есть Павел утверждает, что Сам Дух Святой научил его избегать «мудрости мира», лишаящей крест его силы (1:17), и пышной, риторически идеальной проповеди, выражающейся «в убедительных словах человеческой мудрости» (2:1-5).

Затем Павел сосредоточился на слове о кресте. Мирской дух не может понять это; тем же, кто имеет Духа Божьего, Он даёт способность понимать. Божий Дух побуждает ду-

ховно расположенных, как Павел, проповедовать это слово надлежащим образом. Водимые Божьим Духом, эти люди не пытаются произвести впечатление или кем-то манипулировать; они рады принять соблазн креста, ибо крест стал для них избавлением. Они будут опасаться «евангельской» проповеди, которая говорит о том, что Бог обязан удовлетворять наши запросы и восполнять наши нужды, если для этого нет основания в Евангелии. Они будут использовать простую, ясную, убедительную, искреннюю, сострадательную, вдохновляющую речь, в центре которой — крест, т.е. будут использовать «духовный язык», лучше всего подходящий для духовной проповеди. Они признают, что Дух Божий, открывший их глаза для принятия креста, научил их провозглашать Христа распятого в соответствии со смиряющим величием вести.

Третье противопоставление: «душевный» человек и «духовный» человек (2:14-16)

Кому-то покажется, что Павел уже достаточно много сказал о духовных противопоставлениях. Он противопоставил тех, кто принимает Божью мудрость, тем, кто её не принимает (2:6-10a); противопоставил Духа Божьего духу мира (2:10б-13). Зачем добавлять ещё что-то?

Но Павел хочет убедиться, что читатели хорошо понимают свою полную зависимость от Духа Святого, ибо ничто другое не разрушит так быстро их бесконечные притязания на величие и всякое разделение, не смирит эгоцентричность и не восполнит отсутствие любви. Вот почему он делает ещё один шаг.

Павел противопоставляет человека без Духа Божьего («душевного», ст. 14) человеку духовному (ст. 15). Он аргументировано объясняет, почему мы должны иметь Святого Духа, если хотим понимать Евангелие. Павел говорит две вещи о «душевных» людях — о тех, кто не имеет Духа.

Во-первых, такой «человек не принимает того, что от Духа Божьего», по очень простой причине — «он считает

это безумием». Здесь Павел не утверждает, что люди без Духа Святого не способны постигать духовные вещи (хотя именно это он скажет чуть ниже), но что на основании опыта они этого не делают. Почему? Человек не стремится принимать то, что считает глупым. То, что люди считают глупым, в контексте 1–2 глав, — это слово о Христе распятом, «юрродство проповеди» к спасению верующих (1:21). Чудесные, преображающие жизнь искупительные истины от Духа Божьего отвергаются как безумство, ибо они превозносят распятого Мессию, образ Которого не вписывается в психологию победы независимых людей. К такому выводу приводят разделы 1:18-25 и 2:10б-13.

Во-вторых, Павел утверждает, что неверующий человек этого «не может разуместь, потому что об этом надобно судить духовно» (2:14, курсив добавлен). Это дополнительная истина к ст. 12. Там сказано, что мы, верующие, получили Духа, «чтобы знать дарованное нам от Бога». Павел исключает возможность того, что кто-то мог бы понять Евангелие своим мирским умом, без помощи Духа. Это подчёркивает полную неспособность, несостоятельность человека.

Я помню, как где-то 20 лет тому назад подарил книгу Джона Стотта «Основание христианства» одной одарённой выпускнице Кембриджского университета. Несколько месяцев спустя я решил спросить, поняла ли она книгу. Девушка сказала, что прочитала её. Однако у неё было столько недоверия, что пришлось сверять многие ссылки с Библией, чтобы убедиться, что автор не пытается ввести её в заблуждение. В итоге она пришла к выводу, что христианство подходит только для хороших людей, но не для неё.

Разве это не удивительно? Как могла образованная выпускница совершенно не заметить то, о чём говорил Джон Стотт? Каким-то образом всё это прошло мимо неё. Божьи истины остались для неё безумием, потому что о них нужно судить духовно.

Часто, чтобы привести человека к пониманию, Бог использует разнообразные и продолжительные по времени

подходы. Я и другие много раз разговаривали с этой девушкой о Евангелии, и в конце концов она стала христианкой. Но я разговаривал со многими, которые так и не стали христианами. Что отличало их от людей, как эта девушка, всё-таки пришедших к вере? Главное отличие — дар Святого Духа. Христиане могут внести свою частицу труда: согласно аналогии, которую использует сам Павел в следующей главе, Павел может посеять семя, а Аполлос — полить его, однако только Бог может дать растению рост и плод (3:7).

Что мы должны постоянно помнить — это то, что такая человеческая неспособность понимать духовные вещи заслуживает порицания. Она не означает, что Бог делает нас абсолютно неспособными понимать Его, чтобы затем играть с нами к Своему удовольствию. Ведь Он создал нас для Себя, но мы ушли от Него. Главная причина нашей потерянности — сосредоточенность на себе. Мы не *хотим* знать Бога, если это знание — на Его условиях. Мы готовы иметь бога, которым сможем манипулировать. Человек не хочет верить в Бога, перед Которым нужно признавать, что в своём сердце и разуме ты противишься Ему, не заслуживаешь Его благорасположения и что единственная твоя надежда — на Его прощение и преобразующую благодать. Мы не можем понять всемогущего Творца, Который занял место гнусного преступника, чтобы спасти нас от заслуженного суда.

Точнее, мы не можем постигнуть этого, если не будем иметь Духа Божьего. Вот что в этом контексте означает термин «духовный» (ст. 15). Духовный человек — это просто человек с Духом Божьим. Дух открывает необъятные горизонты для понимания, которые иначе остались бы недоступными для нас. «Духовный [т.е. человек с Духом] судит обо всём, а о нём судить никто не может» (2:15).

К сожалению, этот стих часто вырывают из контекста, чтобы оправдать самое ужасное высокомерие. Некоторые христиане считают себя особенно духовными и пронизательными и полагают, что этот стих даёт им, лучшим из из-

бранных, право выносить почти безошибочное суждение по самому широкому спектру вопросов. Более того, они утверждают, что настолько духовны, что другие не понимают их и не имеют права делать им замечания. В конце концов, разве Апостол Павел не говорит, что о духовном «судить никто не может»?

Но это не библейское понимание. Согласно контексту, «духовный» — это человек со Святым Духом в отличие от «душевного», т.е. человека без Духа. Духовный человек — это христианин, а не член элитного круга христиан. Когда Павел говорит, что «духовный судит обо всём», то «всё» в этом контексте не подразумевает абсолютно все факты, события, открытия и т.д. Апостол не пытается сказать, что духовный человек, христианин, каким-то особым образом может судить о научных доказательствах особого кварка или оценивать самый последний кортизонный метод лечения бурсита. В толковании должны господствовать категории контекста. «Кто-то сказал: „Мирской человек не может понять святости; а святой может хорошо понимать глубины зла“. Те, чья жизнь заполнена Духом Божиим, могут распознавать всё, включая людей, которые не имеют Духа; но обратное невозможно».⁴ Поэтому, когда Павел говорит: «Духовный судит обо *всём*, а о нём судить никто не может» (2:15, курсив добавлен), «всё» охватывает спектр морального и духовного опыта от самого примитивного язычества до того, что значит быть христианином. Христианин имеет опыт жизни и в том, и в другом мире, а потому может говорить о том и о другом на основании опыта, наблюдения и подлинного понимания Слова Божьего. А человек без Духа не может правильно анализировать то, что происходит в духовном мире — точно так как дальтоник не способен различить яркие краски заката или радуги, а человек, родившийся глухим, не способен высказать своё мнение о Пятой симфонии Бетховена или о голосе и таланте Лучано Паваротти.

Важно понять суть этого стиха. Христианам в современном западном обществе постоянно говорят, что они неве-

жественные, узко мыслящие люди, неспособные понять реальный мир. Павел говорит обратное: христиане настолько же способны, как и другие грешники, понимать сложную и сплетённую природу греха, постигать то, как люди рассуждают, и объяснять, как выглядит мир для современных язычников в эпоху постмодернизма. Но благодаря живущему в них Божьему Духу они также способны сказать что-то мудрое и правдивое в отношении того, как мир выглядит в Божьих очах. Они могут говорить о красоте святости, о Божьем плане искупления и примирения, о грядущем суде и о природе нашего отчаянного положения. Короче говоря, они могут говорить о Христе распятом. Они могут говорить с состраданием, посвящённо, пережив очищающее действие Божьего прощения благодаря жертве Другого, принесённой в любви за врага. Они могут объяснить, насколько сильно это меняет их понимание будущего и планирование приоритетов. Они могут вместе рассуждать, как будет выглядеть настоящее христианское общество (даже если не всегда во всём согласны). И при поддержке Духа они могут в какой-то степени показать своей жизнью, как выглядит такое общество, когда искупленные вместе «[созидаются] в жилище Божье Духом» (Ефес. 2:22). Всё это делает их намного более эрудированными в мирозерцании, чем их современников-язычников. По-настоящему узкое мировоззрение сохраняет грешник, который никогда не испытывал благодати, — падшее существо, не познавшее преображающего познания Божьих премудрых целей, которое даруется Духом Святым.

Поэтому в высшей степени неразумно превозносить мирскую точку зрения и втайне желать обладать этим ограниченным видением. Очевидно, это делали коринфяне. Перед этой опасностью оказываемся и мы всякий раз, когда принимаем предрассудки этого мира, преклоняемся перед его героями, восхищаемся его преходящими звёздами, ищем его признания и принимаем его аплодисменты.

Павел завершает этот аргумент взятой из Ис. 40:13 цитатой: «Ибо кто познал ум⁵ Господень, чтобы мог судить

его?» (1 Кор. 2:16). В контексте Павла эта цитата обоюдоострая. С одной стороны, это важное напоминание, что никто не может успешно исследовать глубины Божьих мыслей, а тем более соревноваться в разуме с Богом. В своей ограниченности и греховности человек самостоятельно не способен познать ум Господень. Мы будем считать Его мудрость безумием; мы не отдадим распятому Мессии должного почтения. Если Дух не осветит нас, Божьи мысли останутся глубоко чуждыми для нас.

Но, с другой стороны, Павел говорит: «Мы имеем ум Христов» (2:16б). Это ещё раз подтверждает, что мы приняли Духа Божьего (ст. 11-12), а поэтому поняли что-то из Божьей премудрости, премудрости креста. Это отделяет и отдаляет нас от мира. Следовательно, мир тоже нас не поймёт. Поэтому, чтобы подкрепить своё заявление в предыдущем стихе, Павел использует цитату из 40-й главы книги пророка Исаии: «Духовный судит обо всём, а о нём судить никто не может». Он не имеет в виду, что христианам нечему поучиться у неверующих или что христиане вовсе не нуждаются в исправлении или упрёке (даже со стороны неверующих). Скорее, Апостол хочет сказать, что ум Христов непонятен неверующему, и поскольку мы имеем ум Христов, мы тоже будем чужды неверующим и непонятыми ими.

Этот текст напоминает о словах Иисуса:

Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы своё; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир. Помните слово, которое Я сказал вам: «Раб не больше господина своего». Если Меня гнали, будут гнать и вас; если Моё слово соблюдали, будут соблюдать и ваше. Но всё то сделают вам за имя Моё, потому что не знают Пославшего Меня (Иоан. 15:18-21).

Короче говоря, между духовным человеком и человеком без Духа — огромная пропасть; и без Духа Божьего по-

строить мост между миром и Божиим народом невозможно. Поэтому так трагично, когда христиане начинают добиваться одобрения и искать признания в этом заблудшем мире.

Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо всё, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек (1 Иоан. 2:15-17).

Заключительные мысли

Церковь должна усвоить несколько важных уроков из этого текста. Два из них особенно важны для современной церкви на Западе.

Понятие «духовного» прочно привязано к кресту и ни к чему другому. То есть, согласно этому тексту, чтобы быть духовным — нужно иметь Святого Духа, а это значит понимать и принимать слово о кресте, «премудрость Божию, тайную». В понимании Павла быть духовным не означает иметь какие-то преимущества, быть причисленным к узкому кругу особо одарённых святых, к духовной элите. Этот текст приводит только одно основополагающее разделение в человеческой расе. По одну сторону черты те, кто не имеет Духа и, следовательно, по своей вине не знает слова о кресте; по другую — те, кто имеет Духа и, следовательно, понимает слово о кресте.

Это не отрицает того, что духовные люди могут быть разной степени зрелости. Кстати, Павел коснётся этой темы в следующей главе. Но у тех, кто более зрел в христианском хождении, нет оснований считать себя «более духовными» или формировать из себе подобных отдельную категорию верующих. Они не имеют права заявлять, что достигли какого-то высшего знания, недоступного пониманию обычных христиан. Духовный человек — это любой верующий, который пропитался словом о кресте. И самые зрелые более всего благодарны за крест и постоянно

возвращаются к нему как мерилу Божьей любви к человеку и высшему образцу самоотвержения.

Было бы закономерно, чтобы такой человек полностью отверг мудрость мира и безоговорочно принял «премудрость Божью, тайную». Там, где под «мудростью», как в этих главах, имеется в виду мировоззрение, философия жизни, а не просто наличие здравого смысла, есть только две альтернативы: мирская мудрость, противящаяся Богу, или мудрость, данная Богом и соединённая с крестом. Третьего не дано. Те, кто пытается занять какую-то промежуточную позицию, — подражая коринфянам, которые исповедовали Иисуса распятого, а сердцем тяготели к мирской философии и ценностям своего времени, — не получают ничего, кроме упрёка из Писания.

Этот урок особенно важен, ведь в наши дни так много христиан отождествляют себя с каким-то «одним вопросом» (концепция, взятая из политики), а не с крестом, не с Евангелием. Они не отвергают Евангелие совсем. Если на них надавить, они горячо поддержат его. Но их «визитной карточкой», порывом их сердца и тем, что их интересует, на что они тратят всю энергию, является что-то другое: стиль поклонения, проблема аборт, обучение детей на дому, дар пророчества, популярная социология, определённый вид душепопечительства или что-то другое. Конечно, все эти вопросы в какой-то мере важны, и кто-то из христиан должен заниматься ими на постоянной основе. Но даже те, кто задействован в этих сферах, должны делать это для распространения Евангелия, распространения слова о кресте. Они должны приложить особые усилия, чтобы ни у кого не сложилось мнение, будто достичь особой духовности, пронизательности или мудрости можно, только приняв их программу.

Я слышал, как один служитель меннонитского братства так оценил своё движение. Он сказал, что одно поколение меннонитов дорожило Евангелием и верило, что Евангелие требует ограничений в некоторых социальных и политических вопросах. Следующее поколение приняло

Евангелие, но акцент сделало на социальной и политической составляющих. Нынешнее — отождествляет себя с социальными и политическими программами, а Евангелие исповедует как придётся и не дорожит им; Евангелие больше не является основой мировоззрения некоторых из тех, кто называют себя меннонитами.

Справедливо это описание меннонитов или нет, но это, конечно же, полезное предупреждение для евангельских верующих в целом. Мы находимся на том этапе истории, когда многие евангельские служители принимают слово о кресте, но не придают ему особого значения. Их внимание посвящено чему-то другому. А некоторые, хотя и действуют в контексте евангельского вероисповедания, всё больше отстраняются от проповеди креста. И весьма возможно, что мы принадлежим к тому поколению верующих, которое разрушит историческое христианство изнутри — прежде всего не явным неверием, а поднятием второстепенных вопросов до уровня, когда они вытесняют главные. И каким будет конец этой тенденции?

Мы должны вернуться ко кресту и к Божьему плану искупления, в центре которого находится крестная жертва Христа, и сделать это нашей особенностью. Нужно сознательно сопротивляться оболщениям со стороны тех систем ценностей, которые терпимо относятся ко кресту или даже номинально поддерживают, но фактически смещают его. Мы должны признать, что быть мудрым и духовным — значит с помощью Божьего Духа принимать весть о распятом Мессии.

Кроме того, мы должны утверждать не менее настойчиво, чем Павел, что понять слово о кресте без работы Духа невозможно. Как же тогда отвечать тем, кто считает, что это слишком похоже на эзотерический подход к знанию, который может запросто проигнорировать или отвергнуть правила истолкования библейских текстов и контекст книг Библии, кропотливый труд изучения Писания, и променять всё на какое-то субъективное заявление о водительстве Духа? Должны ли мы становиться на сто-

рону тех, кто говорит, что Дух даёт нам способность не понимать текст, а просто применять его к себе?

Этот крайний ответ не менее проблематичен, чем субъективизм, которого он стремится избежать. Выступая против недостатка какого-то неясного, мистического подхода к библейской экзегетике, он ограничивает роль Духа до простого применения — хотя текст 1 Кор. 2:14 требует чего-то большего, чем это.

Осознание, что 2-я глава Первого послания к Коринфянам не говорит об общем понимании Библии людьми или качестве толкования конкретного еврейского текста каким-то богословом, поможет нам иметь ясное видение данного вопроса. Любому, кто много читал по данному вопросу, очевидно, что даже неверующие могут толковать некоторые тексты Библии — притом не хуже, чем те, у кого меньше образования, но кто по благодати Божьей имеет Его Духа. Но Павел не касается общих вопросов эпистемологии. Он даже не касается того, как человек приходит к пониманию значения какого-либо конкретного текста Писания. Он сосредоточен на основополагающей вести о распятом Мессии. И это, утверждает он, абсолютно непостижимо для человека без Духа.

Наверняка есть люди, способные изложить весть о кресте, но которые не веруют в неё. В этом смысле они понимают её, но просто не верят ей. Всё, что им нужно сделать, — это применить её к себе. Поэтому в таком случае разве роль Духа не сводится к простому применению?

Я подозреваю, что это создаёт ложную дихотомию между пониманием и применением. Павел не утверждает, что иудеи и язычники его времени вообще не понимали смысл креста. Некоторые из них, включая самого Павла (Савла) до его обращения, несомненно, знали, что христиане думают о кресте, чтобы сделать правильный вывод. В этом смысле мирские люди «понимают» слово о кресте. Но способен ли кто-нибудь по-настоящему понять смысл креста без сокрушения, смирения, покаяния и веры? Повторить механически суть происшедшего на Голгофе — это одно

дело; посмотреть на Бога и Его святость, на людей и их грех *с точки зрения креста* — совершенно другое, но именно это меняет жизнь. Поэтому Павел утверждает, что человеческая эгоцентричность и грех так глубоки, что без вмешательства Духа по-настоящему понять истинное значение креста просто невозможно. Дух не просто помогает нам применять уже постигнутую истину, но даёт правильное понимание истины креста и совершает преобразование. Всё это зависит от действия Духа.

Почему же мирские толкователи, кто мог бы, формально говоря, объяснить слово о кресте, не становятся христианами? Потому, что не верят в истинность этой вести. А почему нет? Возможно, они считают такую весть примитивной. Или же им трудно поверить, что Иисус воскрес из мёртвых. Или же у них сложилось мнение о «христианстве», как об учении, пропагандирующем альтруизм и доброту. А то, что Новый Завет говорит о распятом Мессии, кажется им дополнительной опцией, несущественной составляющей «христианства». *В любом случае человек делает этот шаг, если позволил какой-либо философской или богословской системе, «отбрасывающей» центральное положение вести о кресте, обмануть его.* Другими словами, сознательно или несознательно они обманываются «мудростью» этого мира, а потому не понимают вести о кресте на самом начальном, основополагающем уровне. Причина этому — не особенности восприятия или познания, а дерзкое непослушание Богу, преступный эгоизм, отчуждённость от Бога и отказ признать, насколько погибшим является человек. Чтобы преодолеть это, нужна сила Божьего Духа. Вот почему принятие вести о распятом Христе не является вопросом «нейтрального» взвешивания доказательств.

Понять, что вечный Бог, наш Создатель и Судья, по необъяснимой благодати послал Своего Сына умереть позорной смертью мерзкого преступника, дабы человек мог получить прощение и примирение с Ним; что этот премудрый план осуществили греховные вожди, искавшие своей

выгоды, хотя на самом деле Бог достигал благих, искупительных целей; понять, что жить в присутствии этого святого и любящего Бога можно, только если доверишься Его милости и верой примешь Его прощение, купленное высочайшей ценой, — понять всё это можно только благодаря просвещению от Духа Святого.

Поэтому христиане с благоговением и благодарностью говорят: «Нам Бог открыл это Духом Своим» (2:10a).

Вопросы для анализа и размышлений

1. Как этот раздел Писания искажают люди, которые хотят оправдать злоупотребление духовной властью? Как бы вы ответили таким людям?
2. Кто такие «совершенные» в этой главе? Кто такие «духовные»?
3. Почему Павел называет Евангелие «Божьей тайной премудростью»? Что он имеет в виду?
4. Почему нужно иметь Святого Духа, чтобы понять Евангелие?
5. Почему Павел считает христиан более понимающими и знающими, чем неверующих? Какое влияние это должно оказать на ваш взгляд на жизнь?

¹ Этот стих можно перевести немного по-другому, но суть описанного противоречия не изменяется.

² В некоторых манускриптах ст. 10 начинается с союза «ибо». В таком случае течение мысли будет немного другим, и ст. 10a будет утверждать истину, что Бог приготовил всё это для любящих Его — ибо Бог открыл нам это Духом Своим. Но основная мысль не меняется: то, что разум человека не мог постичь, теперь открыто нам. Возможно, следует добавить, что грамматика текста в ст. 9 довольно трудная. Переведённый более буквально, ст. 9, вероятно, звучал бы так: «Что не видел глаз, что не слышало ухо, что не приходило на ум, [вот] что Бог приготовил любящим Его».

³ С. К. Barrett, *A Commentary on the First Epistle to the Corinthians* (New York: Harper & Row, 1968), 70.

⁴ Gordon D. Fee, *The First Epistle to the Corinthians* (Grand Rapids: Eerdmans, 1987), 188.

⁵ Хотя Септуагинта (греческий Ветхий Завет) здесь говорит о Господнем уме, так она передаёт еврейскую фразу «дух Господень» в употреблении весьма похожем на 1 Кор. 2:11.

3

Крест и фракционность

1 Коринфянам 3

¹И я не мог говорить с вами, братья, как с духовными, но как с плотскими, как с младенцами во Христе. ²Я питал вас молоком, а не твёрдой пищей, ибо вы были ещё не в силах, да и теперь не в силах, ³потому что вы ещё плотские. Ибо если между вами зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы? И не по человеческому ли обычаю поступаете? ⁴Ибо когда один говорит: «Я Павлов», а другой: «Я Аполлосов», то не плотские ли вы?

⁵Кто Павел? Кто Аполлос? Они только служители, через которых вы уверовали, и притом поскольку каждому дал Господь. ⁶Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог; ⁷поэтому и насаждающий, и поливающий есть ничто, а всё Бог возращающий. ⁸Насаждающий же и поливающий суть одно; но каждый получит свою награду по своему труду. ⁹Ибо мы соработники у Бога, а вы Божья нива, Божье строение.

¹⁰Я, по данной мне от Бога благодати, как мудрый строитель положил основание, а другой строит на нём; но каждый смотри, как строит. ¹¹Ибо никто не может положить другого основания, кроме по-

ложенного, которое есть Иисус Христос. ¹²Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы, — ¹³каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть. ¹⁴У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. ¹⁵А у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем, сам спасётся, но так, как бы из огня.

¹⁶Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живёт в вас? ¹⁷Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог, ибо храм Божий свят; а этот храм — вы.

¹⁸Никто не обольщай самого себя. Если кто из вас думает быть мудрым в веке этом, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. ¹⁹Ибо мудрость мира этого — безумие пред Богом, как написано: «Уловляет мудрых в лукавстве их». ²⁰И ещё: «Господь знает умствования мудрецов, что они суетны». ²¹Итак, никто не хвались людьми, ибо всё ваше: ²²Павел ли, или Аполлос, или Кифа, или мир, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее, — всё ваше; ²³вы же — Христовы, а Христос — Божий.

За всю историю христианства немногие места Нового Завета искажались проповедниками и толкователями больше, чем это.

Во-первых, ведущие ветви христианства использовали эту главу в поддержку учения о чистилище. В отличие от ада чистилище называли временным местом пребывания, куда попадают верующие с неисповеданными грехами. Там они страдают, пока Бог не решит, что душа готова к небу. Такой человек якобы будет спасён, «но так, как бы из огня» (1 Кор. 3:15). Это единственный текст в Новом Завете, который лишь отдалённо поддерживает учение о чистилище. Поэтому крайне важно понять, что он говорит. Ведь те, кто придерживается учения о чистилище, для доказательства используют не Новый или Ветхий Завет, а апокрифические книги и предания Церкви.

Во-вторых, некоторые считают, что этот текст говорит о разделении человечества на три категории: «душевные люди» — люди, не имеющие Духа Святого (2:14), то есть невозрождённые; «духовные» (2:15) — христиане, которые в радостном послушании приносят плоды, живя для Господа; и «плотские» (3:1-4) — христиане, живущие мирской жизнью. Такие люди, считается, «будут спасены, но только как прошедшие через огонь». Всякое дело такого человека «сгорит», и сам он «потерпит урон» (3:15).

На первый взгляд, такое толкование кажется убедительным и логичным, пока не обратишь внимание (и мы это сделаем), что понятия «сгорит» и «как бы из огня», упоминаемые в ст. 15, не используются по отношению к «мирскому» человеку или «плотскому» христианину. Конечно, есть такие понятия как плотской или мирской христианин, но теория «мирского христианина» в последние годы развилась до таких странных крайностей, которые имеют мало отношения к тому, что на самом деле говорит эта глава. Помня, что это единственное место в Новом Завете, где используются такие термины, крайне важно правильно истолковать данный текст.

Два вводных наблюдения помогут нам взять правильный курс.

1. Данная глава, 3-я глава Первого послания к Коринфянам, — продолжение аргумента, излагаемого с 1:10 до 4:21. Павел описывает глубокое разделение коринфской церкви. Кто-то из домашних Хлои сообщил ему, что некоторые в церкви говорят: «Я — Павлов» или «Я — Аполлосов», или чей-то ещё. Эта тема продолжается и в 3-й главе (см. ст. 5-6, 21-23), и в 4-й (см. 4:6). Проблема фракционности настолько глубоко укоренилась в коринфской церкви, что Павел считает необходимым подробно объяснить природу и центральное место любви (1 Кор. 13), показав, что христианский путь — это путь любви («путь... превосходящий», 1 Кор. 12:31). Поэтому, как бы мы ни толковали 3-ю главу, это должно соответствовать аргументам, которые Апостол приводит в 1:10–4:21.

2. В этих главах Павел касается темы серьёзного разделения среди коринфских верующих, чтобы показать: в основе фракционности лежат две более глубокие проблемы. Первая — это явное непонимание коринфянами Евангелия и, в частности, центрального места креста. Любовь коринфских верующих к роскоши, престижу, красноречию, одобрению общества, публично признанной «мудрости» — словом, неограниченный триумфализм — показывает, что они мало размышляли над составляющими Евангелия распятого Мессии. Поэтому Павел уделяет так много времени этим вопросам в первых двух главах послания. Но второе явное непонимание, показанное пререкающимися коринфянами, касается руководства. До тех пор пока некоторые христиане говорят: «Я за Павла [или Аполлоса, или Кифу, или Уэслея, или Кальвина]», отождествляя себя, прежде всего, с каким-либо служителем, они не понимают природу христианского руководства. Объяснением этих неправильных представлений и занимается Апостол в 3–4 главах Первого послания к Коринфянам.

В 3-й главе Павел подробно разъясняет три мысли.

Фракционеры демонстрируют духовную незрелость (3:1–4)

Хотя Павел собирается очень строго выговорить коринфянам, он не допускает и мысли, что они не христиане. Ведь, как Апостол объясняет во 2-й главе, они имеют Духа Божьего и ум Христов. Для Павла это показатель: «Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его» (Рим. 8:9). В глубине души они поняли весть о Христе распятом, даже если не привели свою жизнь в соответствие с этой вестью. Более того, Павел хочет, чтобы коринфские верующие знали, что он считает их христианами и обращается к ним как к «братьям» (3:1).

И хотя Апостол не говорит читателям, что они не имеют Духа, его слова всё равно шокируют: «Я не мог говорить с вами, братья, как с *духовными* [т.е. с теми, в которых живёт

Дух]» (3:1, курсив добавлен). Павел вынужден говорить с ними «как с плотскими [греч. *саркинос*]». Так возникло понятие «плотские христиане». Несомненно, такое понятие существует. Но что оно означает? Последующее рассуждение поможет нам понять, что имеет в виду Павел.

Во-первых, в современной речи выражение «плотской христианин» может иметь несколько значений. Слово «плотской» может ассоциироваться с блудом (что и подразумевает фраза «плотские похоти» сегодня) — и здесь Павел, конечно, не обвиняет коринфян в блудной похоти или безнравственности.

Во-вторых, слово *саркинос* означает «сделанный из плоти» — то есть просто человек. Это же слово употребляется во 2 Кор. 3:3, где Павел говорит, что в новом завете письмо Христово написано «не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях [человеческого] сердца» — буквально «на *плотяном* сердце». Конечно, в этом тексте нет намёка на зло. Поэтому в 1 Кор. 3:1 Павел пишет, что он не мог говорить с коринфянами, «как с духовными» (то есть, как с людьми с Духом), но должен был говорить с ними как с «плотскими» (то есть, с людьми без Духа).

Хотя Павел верит, что его читатели обладают Духом, а потому называет их братьями, он всё же не может говорить с ними, как с людьми духовными. Вот почему в первых двух главах послания он снова вынужден излагать им основы Евангелия. Итак, кто они? Люди с Духом или без Духа? Христиане или нет? Павел объясняет, почему он выбрал такое парадоксальное использование понятий: они — «младенцы во Христе» (3:1). Да, коринфяне — христиане; да, они имеют Духа. Но в некоторых вопросах, и об этом ещё будет сказано, коринфские верующие просто не поступают так, как должно. Павел считает их духовно незрелыми — недопустимо незрелыми. «Я питал вас молоком, а не твёрдой пищей, — добавляет он, — ибо вы были ещё не в силах, да и теперь не в силах» (3:2).

Когда у нас родилась дочь, жена не могла кормить грудью. Мне приходилось помогать ей в ночных кормлениях.

В этом вопросе Тиффани была идеальным младенцем: я мог подогреть молочную смесь в микроволновке, перепеленать Тиффани, скормить ей 250 грамм смеси и уложить её обратно в кроватку меньше чем за двадцать минут. Затем у нас родился сын. Его ночные кормления были ужасными. Хотя у него был чудовищный аппетит, он сосал и пил только на трёх скоростях: медленно, очень медленно и с полной остановкой. Хуже того, после каждых 30 грамм выпитой смеси ему нужно было помочь сделать отрыжку, — что было очень медленным процессом, — иначе всё фонтаном возвращалось назад. Он мог без всякого предупреждения вырвать всё выпитое на пять метров. Если бы существовал такой вид «спорта», он бы стал олимпийским медалистом. Мне никогда не удавалось уложить его спать меньше чем за час; обычно на всё уходило полтора часа.

По крайней мере, этому было оправдание. Он был маленький, и его пищеварительная система, очевидно, не была настолько развита, как у его сестры в этом возрасте. Хорошо, что он быстро перерос это. Но есть христиане, которые годы и годы спустя всё ещё, образно выражаясь, «срыгивают». Они просто не могут усвоить то, что Павел называет «твёрдой пищей». Им приходится давать только молоко, ибо они ни к чему другому не готовы. А если пытаешься дать им что-либо другое, они «срыгивают» и «пачкают» всех и всё вокруг. Они так давно являются христианами, что от них ждут более зрелого поведения, но на поверку они приносят разочарование. Они всё ещё младенцы и показывают свою полную незрелость даже тем, как проявляют недовольство, когда даёшь им что-либо другое, кроме молока. Серьёзное познание Писания — не для них; зрелое богословское рассуждение — не для них; пронизательное христианское мышление — не для них. Они не хотят ничего, кроме простых песен и «простой проповеди» — того, что не будет побуждать их думать, исследовать свою жизнь, делать выбор и расти в познании и благоговении перед Богом.

Итак, коринфяне являют собой весьма незрелых верующих.

В-третьих, за эту незрелость они должны будут дать отчёт. В отличие от грудного младенца, который не может себя контролировать, этих людей Павел представляет ответственными за своё обмирщение. Он ясно показывает это даже изменением в терминах. Как мы увидели, словом «плотские» в ст. 1 переведено греч. слово *саркинос*. Словом «плотские» в ст. 3 дважды переведено слово *саркикос*. Отличие между двумя словами в следующем: *саркинос* означает «сделанный из плоти» или «состоящий из плоти» (и таким образом указывает на тех, которые поступают так, как будто не имеют Духа, но являются простыми людьми, «плотью»), а *саркикос* означает что-то «характерное для человеческой плоти». Другими словами, это слово имеет нравственный оттенок. Жизнь человека без Духа Божьего не является нейтральной; она имеет некоторые характеристики, вполне достойные осуждения. Это значение слова *саркикос* становится ясным в свете 2 Кор. 1:12, где Павел свидетельствует: «Мы... не по *плотской* мудрости, но по благодати Божьей, жили в мире» (курсив добавлен). Другими словами, Павел вёл себя не в соответствии с человеческой «мудростью», отражающей греховную природу, а в соответствии с Божьей благодатью. Подобным образом, в 1 Кор. 3:3 Павел отмечает, что поступки коринфян характеризуют их, как людей без Духа, и демонстрируют только греховную, «плотскую» природу.

В-четвёртых, Павел придаёт своему обвинению содержательность. Очень важно понимать, как Павел аргументирует своё заявление о том, что коринфяне плотские. Одно доказательство мы уже рассмотрели: коринфские верующие остановились на уровне потребителей «молока». Они не росли в понимании и применении Божьего Слова в общем и Евангелия — в частности. Но здесь Павел добавляет ещё два доказательства, связанные друг с другом. (1) Коринфские верующие демонстрируют «зависть, споры и разногласия» (3:3). До тех пор пока они обнару-

живают такие грехи, они остаются плотскими (*саркикос*), показывая признаки падшей человеческой природы. Они «[поступают] по человеческому... обычаю» (3:3), то есть как не имеющие Святого Духа. (2) Коринфские верующие стали жертвами фракционности: одна группа заявляла о следовании за Павлом, другая связывала себя с Аполлоном, ещё одна — с Петром и так далее (1:11-12; 3:4). Эта разобщённость и связанные с ней мелкие враждебные чувства характеризуют обычных людей, а не людей, в которых пребывает Дух живого Бога.

Вот что подразумевает Павел под «плотскими», или «мирскими», христианами. Он не имеет в виду кого-то, кто заявил о вере, какое-то время шёл по пути христианина, а затем вернулся к жизни, неотличимой от жизни мира. В конце концов, коринфские верующие собираются вместе на богослужения (1 Кор. 14), призывают имя Господа Иисуса Христа (1:2), обладают удивительными духовными дарами (1:5, 7; 12–14), разбирают богословские и духовные вопросы (1 Кор. 8–10) и общаются с Апостолом, чьё служение привело их к Господу. Не будучи преданными миру, плоти и диаволу, они ищут духовных переживаний, даже если иногда и неразумно.

Конечно, если люди, называющие себя христианами, уходят довольно далеко в своём заблуждении, их нужно будет выделить в другую категорию. И у Павла есть такая категория. Во 2-м Послании к Коринфянам, после того как он узнал, что коринфская церковь, несмотря на временное восстановление, снова уступила лжепророкам (2 Кор. 11:3) и предалась образу жизни, который не хвалится крестом (2 Кор. 10–13), Павел чувствует побуждение строго предупредить: «Испытывайте самих себя, в вере ли вы; самих себя исследуйте. Или вы не знаете самих себя, что Иисус Христос в вас? Разве только вы не то, чем должны быть?» (2 Кор. 13:5). Другими словами, если отступление от Евангелия настолько серьёзно, то Апостол ставит под сомнение их веру. И это происходит тогда, когда коринфская община всё ещё собирается вместе как сообщество христиан.

А это значит, что не стоит применять термины «плотской христианин» или «мирской христианин» к каждому, кто когда-то исповедал веру во Христа, но затем многие годы жил, отвергнув христианскую веру, жизнь, покаяние, ценности или интересы. Скорее всего, это было ложное обращение.

Когда это выясняется, мысль Павла становится понятной. От тех, кто имеет Духа и кто принял весть о кресте (1 Кор. 2), ожидается, что они будут быстро достигать зрелости. А потому они смогут всё больше и больше принимать христианскую истину (3:2). Зрелые христиане великодушны, им чужды зависть, споры и разногласия, они избегают узкой фракционности. Если некоторые верующие не показывают этой растущей зрелости, самое снисходительное объяснение этому — то, что они «плотские». Если люди, в которых живёт Дух Святой, поступают по-мирски, значит, духовно они крайне незрелы.

Фракционеры игнорируют две важные истины о христианских лидерах (3:5-17)

Эти две истины можно изложить так:

1. Христианские лидеры — всего лишь слуги Христа, и не следует выражать им преданность, граничащую с богопочитанием.
2. Бог заботится о Своей церкви и потребует от пастырей отчёта за то, как они создают её.

Интересно также обоснование этих истин Павлом. Апостол высказывает свои соображения, приводя аналогии из сферы сельского хозяйства (3:5-9a) и строительства (3:9b-15), и завершает их убедительным риторическим вопросом и предупреждающим выводом (3:16-17).

Сельскохозяйственная аналогия (3:5-9a)

Сделав выговор коринфским христианам за духовную незрелость, проявившуюся в ссорах и фракционной приверженности отдельным лидерам, Павел считает необхо-

димым сказать что-то о том, как следует воспринимать руководителей церкви: «Кто Павел? Кто Аполлос?» (3:5) Ответ невероятно прост: «Только служители, через которых вы уверовали, и притом поскольку каждому дал Господь» (3:5). Прежде всего, христианские лидеры — это «только служители». В этом контексте Павел имеет в виду не «служители церкви», а «слуги Иисуса Христа», служащие в той мере, в какой «каждому дал Господь». Более того, в 1 Кор. 4:1 Павел ещё раз описывает их как «служителей Христовых». Если Сам Господь Иисус каждому дал свою задачу, то неразумно располагать их по рангу согласно должностям. Эти слуги получили свой статус не на основании амбиций и «природных даров» (как будто в Божьем мире какой-либо дар может быть не от Него!), а по решению Господа. Они выполняли порученные им обязанности, и благодаря этому коринфяне пришли к вере. Поэтому они — «служители [Христовы], через которых вы уверовали» (3:5).

Дальше приводится аналогия с земледелием. На большой ферме бывает так, что один человек сеет семя, другой поливает его, но только Бог может взрастить. Воздавать неограниченную и исключительную хвалу сеятелю — значит смотреть слишком узко; хвалить тех, кто занимается поливом, и забыть тех, кто сеял семена, — значит быть близоруким. В конце концов, только Бог даёт рост растениям. Не Его ли следует восхвалять?

Даже выполняя различные задачи, работники преследуют одну цель. Задача каждого отдельного работника, если вырвать её из общего контекста, сама по себе не имеет важности. Урожай является плодом совместных усилий многих людей, однако управляет всем Бог, Который даёт рост. Несомненно, каждый работник «получит свою награду по своему труду». Павел не отрицает важность верности и усердия отдельных людей. И всё же в этом общем деле — вырастить растения и довести их до жатвы — важно, чтобы была ясной общая картина. «Мы соратники у Бога», — пишет Павел (3:9). Говоря так, он не ставит себя, Аполлоса и других тружеников наравне с Богом. Скорее,

Павел подразумевает, что он, Аполлос и другие работники — просто сотрудники, принадлежащие Богу и используемые Им. Греческое слово, переведённое как «у Бога», стоит в притяжательном падеже. Павел говорит, что мы соработники и мы принадлежим Богу. Что касается Павла, то для него быть служителем Христовым и соработником у Бога — это одно и то же.

Теперь аналогия ясна. Поле олицетворяет коринфян, и оно принадлежит Богу («вы Божья нива», 3:9); работники на поле — это люди, как Павел и Аполлос, принадлежащие Ему («мы соработники у Бога», 3:9). Богу принадлежат и поле, и работники; Он ставит перед работниками задачи, и только Он может дать семенам рост.

Прежде чем перейти к следующей аналогии, следует убедиться, что два пункта аналогии с сельским хозяйством ясны. Первый — что аналогия в целом чётко излагает одну из двух истин, которые коринфяне игнорировали: христианские лидеры — всего лишь слуги Христа, и не следует выражать им преданность, граничащую с богопочитанием. Это не значит, что неуместно благодарить Павла, Аполлоса или кого-либо другого из Божьих слуг. Скорее, Павел находит неизвинительными раболепие и привязанность к конкретному лидеру, что порождает превозношение над другими, ссоры и зависть. Понятно, что такая верность превозносит одного человека и граничит с обожествлением. Многие служители вносят вклад в наш духовный рост и плодоношение, но только Бог даёт жизнь и плодоношение. Никакой служитель не должен искать или ожидать благоговения, послушания или преклонения, которые предназначаются одному Богу. Такое поведение означает, что человек не понимает природу христианского руководства и цель совместных усилий, когда служители поддерживают и дополняют друг друга в труде на Божьей ниве. Косвенно, конечно, это означает (хотя Павел этого ещё не сказал), что христиане-служители должны воздерживаться от того, чтобы представлять себя, как обладающих всей истиной, всеми дарами, исключительной властью или пониманием.

Все мы — «только служители». Мы — соработники, принадлежащие Богу.

Вторая истина, которую мы должны увидеть в этой аналогии, — в том, что вся суть аргумента состоит в различии между коринфскими верующими и служителями, как Павел и Аполлос. Это ясно не только из контекста, в котором группы коринфских верующих пытаются отождествить себя с конкретными лидерами, но и из структуры аналогии: «Мы [то есть Павел, Аполлос и, в принципе, другие служители] соработники у Бога, а *вы* Божья нива» (3:9, курсив добавлен). В других случаях Павел говорит, что все христиане — Божьи служители и Его рабы. Но здесь для него важно показать различие. На этом различии, как мы увидим, базируется следующая аналогия — и это важный фактор для правильного толкования отрывка.

Строительная аналогия (3:9б-15)

«Вы Божья нива, — пишет Павел, завершая сельскохозяйственную аналогию, и добавляет, — [и] Божье строение» (ст. 9). Мы переходим с поля на стройплощадку. Следует напомнить, что различие между «обычными» верующими и служителями сохраняется. Здесь верующие — это «Божье строение», а руководители — строители.

Общая идея этой аналогии, особенно её первой части, — та же, что и в сельскохозяйственной аналогии. Мы поймём это лучше, если будем помнить, насколько медленным процессом было строительство больших зданий до появления специализированной техники. Соборы в Европе часто строились на протяжении четырёх-пяти столетий, а иногда и дольше. В дни Павла на строительство храма, здания намного скромнее, чем средневековый собор, уходило десятилетия. Поэтому кто-то закладывал фундамент, другие — возводили стены, а третьи — завершали строительство. Одни, сделав свою работу, уходили, а их места занимали другие. Урок ясен: Павел положил основание, а другие строили на нём. Этот проект важен

в целом, а потому глупо всю хвалу сосредотачивать на одном из строителей, участвовавшем в проекте. В конце концов, все строители были движимы общим видением, общей целью.

Но есть два момента, которые отличают эту аналогию от предыдущей, и они взаимосвязаны. Первый в том, что в этих «притчах» Бог играет довольно разные роли. В сельскохозяйственной аналогии Бог — владелец поля, который нанимает работников и Тот, Кто Единственный даёт жизнь и рост растениям. Однако в строительной аналогии нет ничего органического, растущего, а потому Бог играет несколько другую роль. Иисус Христос становится основанием, которое положил Павел в жизни слушающих его (3:10). Бог не упоминается в ст. 12-15, но Он является Судьёй на суде, подразумеваемом в словах «день» и «огонь», когда будет проверено качество труда каждого строителя. Другими словами, здание принадлежит Богу, и Он судит качество работы каждого строителя. Эта мысль становится ясной в 3:16-17.

Второе отличие этой аналогии — сильный акцент на ответственности строителей. Павел с самого начала предупреждает: «Но каждый смотри, как строит» (3:10б). Он сам «как мудрый строитель положил основание», и «никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос» (3:11). Если возводимое здание — это Божья Церковь, то единственным возможным основанием является личность Иисуса Христа, или, говоря словами из 2:2, «Иисуса Христа, и притом распятого». Павел всё ещё размышляет об исключительной силе, мудрости и власти, связанной с Евангелием. Если кто-то попытается заложить какое-то другое основание, то на нём будет возводиться другое здание. На каком-либо другом основании церковь не построить.

Но даже там, где здание строится на основании «Иисуса Христа, и притом распятого», есть опасность последующей некачественной работы и использования низкосортных материалов. Строительные материалы могут

быть «из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы» (3:12). Павел не устанавливает шкалу ценности. Скорее, он различает два вида строительных материалов: один вид не устоит перед огнём, который «испытывает дело каждого» в день, когда «каждого [строителя] дело обнаружится», «каково оно есть» (3:13), а другой — устоит. Этим днём будет День Господень, время окончательного просеивания: огонь покажет разницу между хорошим и плохим. Как часто упоминается в Ветхом Завете, огонь поглощает шлаки и очищает драгоценные металлы. На первый взгляд покажется, что «из золота, серебра, [и] драгоценных камней» никто не строит. Вероятно, Павел упомянул их не только потому, что они останутся невредимыми в огне (золото, например, может расплавиться, но оно, тем не менее, останется золотом), но и потому что золото, серебро и драгоценные камни в большом количестве использовались при строительстве Соломонова храма. И, как Павел развивает здесь свою аналогию, здание, которое растёт, есть ничто иное как «храм Божий» (3:16).

Поэтому этот огонь не олицетворяет чистилище. Ничего не сказано об истязании строителей и очищении их в огне. Скорее, огонь обнаружит качество их труда. Если дело строителя сгорит, он «потерпит урон; впрочем, сам спасётся, но так, как бы из огня» (3:15). Здесь представляется человек, убегаящий из здания, охваченного пожаром. Он спасается, но какая часть здания, над которым он работал, уцелеет в огне?

Чтобы прояснить нарисованную Павлом картину и закрепить эти истины в нашей жизни, необходимо упомянуть две вещи. Во-первых, те, кто «потерпит урон», но «спасётся... из огня», — это не плотские христиане из 3:1-4, а служители, строящие церковь из материалов, которые не устоят при последнем испытании. Плотские христиане из 3:1-4 составляют всю коринфскую церковь или её часть, и церковь в первой аналогии представлена полем, а во второй — зданием. Те, кого мы называем «созидателями церкви», люди, как Павел, Аполлос и другие благовестни-

ки, проповедники и учителя — это работники на поле или строители, возводящие здание. Именно их работа будет испытана огнём.

Это означает, что замысловатая теория «плотских христиан», допускающая, что некоторые люди, заявляющие о вере, но живущие мирской жизнью, всё-таки попадут в небо («как бы из огня»), не находит поддержки в этом тексте. Даже плотской христианин всё ещё узнаётся как христианин; в этом разделе из огня едва спасаются строители, а не «обычные» члены церкви.

Это увещание должно быть весьма отрезвляющим для тех, кто несёт служение на постоянной основе. Можно построить церковь из таких некачественных материалов, что в последний день нечего будет показать. Люди будут приходить, получать какую-то «помощь», участвовать в совместном поклонении, заседать в комитетах, преподавать в воскресной школе, приводить друзей в церковь, радоваться «общению», собирать пожертвования, участвовать в семинарах по душепопечительству и в группах оказания помощи, и, тем не менее, по-настоящему не знать Господа. Церковь, которая строится на привлекательности, на харизме отдельных личностей, на красноречии, позитивном мышлении, на навыках управления, на сильных эмоциональных переживаниях и на человеческом интеллекте, но без постоянного, Духом помазанного провозглашения «Иисуса Христа, и притом распятого», приобретает просто сторонников, прихожан, но не обращённых. Я совсем не хочу сказать, что методы управления не имеют важности или что навыки работы с людьми вовсе не требуются. Но основополагающий элемент, не допускающий замещения, — то, без чего и церковь не церковь, — это Евангелие, Иисус Христос и притом распятый.

Если для нас это ясно, то остальные вещи станут на свои места. Мы поймём, что первостепенную важность имеет Божье откровение Его Сына. Признавая нужду в том, чтобы Дух Божий просветил умы людей, которые иначе не поймут Евангелия, мы будем усиленно молиться. Мы

будем жить и служить с оглядкой на день Божьего суда, когда придётся дать отчёт за своё служение. Это не значит, что нужно отвергнуть практическую помощь тех, кто может поделиться опытом использования методик или социологических данных. Однако мы должны быть полностью посвящёнными главенству креста не просто на каком-то неясном, теоретическом уровне, а во всех стратегиях и практических решениях. Тогда мы будем избегать подходов, которые могут лишить крест Христов его силы (1:17); и единственным одобрением, которого мы будем искать, будет одобрение Того, Кто испытает качество работы каждого строителя в последний день.

Во-вторых, у строителей церкви есть не только мрачная перспектива, но и альтернатива: «У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит *награду*» (3:14, курсив добавлен). Некоторые христиане боятся, что любое упоминание награды нивелирует незаслуженную благодать. Они игнорируют не только то, что Иисус обещал награды Своим последователям (напр., Матф. 6:4, 6, 18), но и вырисовывающийся в нашем тексте принцип Божьего управления. Ещё в сельскохозяйственной аналогии мы читаем, что каждый работник «получит свою награду по своему труду» (3:8). В аналогии, взятой со строительства, Бог является Тем, Кто оценивает качество труда каждого — и это показывает, что возможны не только потери, ущерб, но и награды.

Интересно, что Павел счёл необходимым бороться с обеими крайностями. С одной стороны, многие формы еллинистической религии привели к ужасному разделению между «духовностью» и поведением. Человек мог считаться и «набожным», и «религиозным», и «духовным», совершенно не меняясь в своей этике, в повседневной жизни. Верующие же, описанные в Библии, и в Ветхом Завете, и в Новом, не могли позволить себе думать таким образом. В Библии духовность и этика, благочестие и поведение неразрывны. Наша вера и духовные обещания дают результаты, которые относятся не только к этой жизни, но и к будущей. Поэтому акцент Павла на награде был важной

защитой от открытого либертинизма значительной части еллинистической религии I столетия.

С другой стороны, некоторые формы иудаизма были склонны связывать награды со степенью послушания человека. Однако христианство — это не «богословие добрых дел». Для Павла «воздаяние» вменяется не «по долгу» (Рим. 4:4), а является результатом благодати. Если Апостол и трудился усердно, то только благодаря Божьей благодати в его жизни: «Благодатью Божьей есть то, что есть; и благодать Его во мне не была тщетна, но я более всех их потрудился: не я, впрочем, а благодать Божья, которая со мной» (1 Кор. 15:10). Тот факт, что Божья благодать творит через христианина Божьи дела, разрушает всё богословие добрых дел: сколько дел, столько и воздаяния. В итоге, мы трудимся и служим, помня о конце и осознавая, что если мы и приносим плод, то только потому, что в нас действует Божья благодать. Мы совершаем своё спасение, но мы должны помнить, что Бог производит в нас и желание, и действие по Своему благоволению (Фил. 2:12-13). Это убеждение позволяет Павлу избежать законничества.

Таким образом, аналогия, основанная на примере из строительства, подтверждает не только первую важную истину, которую игнорировали коринфяне (христианские лидеры — всего лишь слуги Христа, и не следует выражать им преданность, принадлежащую только Богу), но и вторую: Бог заботится о Своей церкви и потребует у её руководителей отчёта. Это очень важный урок. Если руководители слишком вознесены в глазах людей, они могут безнаказанно делать почти всё, и их последователи будут без вопросов идти следом. Мы поражаемся, что столько образованных немцев безропотно следовали за Гитлером; удивляемся, сколько религиозных людей пошли на смерть за Джимом Джонсом. Но примеры не столь радикальные порой ускользают из поля зрения. Мы можем настолько возвысить служителя, что начнём извинять его серьёзные, возможно даже катастрофические, ошибки. Следует помнить, что руководители — не больше, чем слуги. А Бог за-

ботится о Своей церкви и требует отчёта у тех, кто подвизается в её строительстве.

Эти мысли объясняются в следующих стихах.

Риторический вопрос Павла и его тревожный вывод (3:16-17)

«Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живёт в вас?» — спрашивает Павел (3:16). Строение становится Божьим храмом. Важно понять, что в этом контексте «храм Божий» означает не человеческое тело, а церковь. В другом месте (1 Кор. 6:19) эта же метафора используется, призывая верующих к нравственной чистоте: если «тела ваши — храм живущего в вас Святого Духа», то важно содержать этот храм в чистоте. Но здесь в 3-й главе Первого послания к Коринфянам говорится о другом. Павел не говорит: «Посмотрите, если Божий Дух поселяется в теле христианина, важно не осквернять это тело безнравственностью, ленью, плохими привычками», или чем-либо другим. Скорее, он говорит: «Разве вы не поняли, что Дух Божий даёт жизнь церкви, обществу искупленных, телу Христа на земле? *Это* „здание“, „храм“, над которым трудятся все верующие. Вы должны понять, что Бог любит Церковь и ревностно оберегает её как место пребывания Своего Духа». Но есть и предупреждение: «Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог, ибо храм Божий свят; а этот храм — вы» (3:17).

В свете предыдущих стихов это предупреждение обращено прежде всего к строителям, которые использовали легко воспламеняемые материалы (дерево, сено, солома), неспособные выдержать испытание огнём в последний день. Но вполне возможно, что слова Павла несут предупреждение не только руководителям. Ведь он не говорит: «Если кто из *строителей* разорит храм Божий...», а «если *кто* разорит храм Божий...» (курсив добавлен). В это обобщение Павел может включать разрушения, производимые Божьему храму, церкви, самими коринфскими верующими.

ми. Переводя внимание от Евангелия и сосредотачивая его на «мудрости» мира и его одобрении и рукоплескании, коринфские верующие рисковали отвергнуть ту самую весть, благодаря которой и возникла церковь.

Есть много разных способов разрушить церковь. Это и фракционность, и ересь. Если отвести взор от креста и позволить второстепенным вопросам доминировать, то это хоть и медленнее, но не менее эффективно, чем явная ересь, разрушит церковь. Созидание церкви поверхностными «обращениями» и прекрасными программами, которые редко приводят людей к углублённому познанию живого Бога, тоже будет вести к разрушению церкви. Если на богослужении развлекать людей, избегая проповедовать о чистоте и святости или о важности самоотверженной любви, то вы создадите собрание религиозных людей, но разрушите церковь живого Бога. Сплетни, горечь, отсутствие молитвенной жизни, библейская безграмотность, похвальба, материализм — всё это и многое другое может разрушить церковь. Но поступать так опасно: «Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог, ибо храм Божий свят; а этот храм — вы» (1 Кор. 3:17). Страшно впасть в руки живого Бога.

Эти истины фракционеры Коринфа игнорировали. И эти истины слишком часто игнорируются современными фракционерами. Это служит призывом к внимательному самоисследованию и покаянию.

Фракционеры игнорируют богатое наследие, дарованное христианам (3:18-23)

После первой части этого параграфа в третьей главе (ст. 18-21а) делается пауза для анализа. Павел возвращается к контрасту между мудростью мира и мудростью Божьей, между немудрым Божьим и немудрым у людей. Апостол отчасти повторяет одну из центральных тем этих глав, однако предлагает и новые мысли. Начинает он с предупреждения. В свете того, что Бог заботится о Своём храме и

потребуется отчёта у тех, кто его разрушает, Павел строго предупреждает: «Никто не обольщай самого себя» (3:18). Не думайте, что вы можете принять философии и ценности этого мира и при этом не оказать губительного влияния на церковь. Не думайте, что вам это сойдёт с рук. Не обольщайте себя мыслью, что вы передовые христиане, когда вы на самом деле отступаете от Евангелия и разрушаете Божью церковь.

Путь истинной мудрости, как Павел уже подробно объяснил в первых двух главах этого послания, — быть на Божьей стороне. Там человек обнаруживает, что Бог полностью меняет многие ценности, лелеемые этим миром. То, что мир считает мудрым, Бог отвергает как безумие; то, что мир отвергает как безумие, является Божьей премудростью. Мир любит власть и авторитет, а Бог являет Себя наглядным образом на кресте в величайшей немощи. Однако эта «немощь» совершает захватывающий дух Божий план искупления и таким образом оказывается сильнее, чем вся «мудрость» мира. Мир уважает властных руководителей, а лидеры в церкви прежде всего должны быть слугами Господа Иисуса Христа. Мир выставляет напоказ своих героев и светила, а христиане помнят, что Бог любит избирать немощных, униженных и отверженных — чтобы никто не хвалился перед Ним. Мир пытается произвести впечатление своей риторикой и изысканностью, больше ценя форму, чем содержание. Апостолы же Иисуса Христа ценят истину выше слога и отказываются поддерживать любую форму, которая своей привлекательностью может отвлечь от евангельской истины — ведь только Божья весть должна быть первостепенной.

С такой полной переменой ценностей и приоритетов должен столкнуться всякий, кто понимает крест. «Если кто из вас думает быть мудрым в веке этом, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира этого — безумие пред Богом» (3:18б-19а). Павел не только возвращает нас к теме 1-й главы, но и расставляет акценты, предостерегая читателей. Он призывает коринфян не обольщаться; когда

человек рождается свыше, у него коренным образом меняются взгляды, ведь он принимает Божьи ценности. Следует помнить, что Бог знает наше сердце, Его не обмануть; тем более Ему известны человеческие замыслы и намерения. «Как написано: „Уловляет мудрых в лукавстве их“ [цитата из Иов. 5:13]. И ещё: „Господь знает умствования мудрецов, что они суетны“ [цитата из Пс. 93:11]» (1 Кор. 3:19б-20).

Непосредственное применение этого увещания относится к открытому запрету фракционности: «Итак, никто не хвались людьми» (3:21а). Хвалиться каким-либо героем или светилом нельзя по двум причинам. Это неправильно, потому что неверен акцент — в центре внимания ставится человек, а не Бог. Аналогия с земледелием напомнила нам, что только Бог распределяет задания, и только Он даёт жизнь; поэтому хвала принадлежит только Ему. Аналогия со строительством напоминает нам, что Бог есть Судья, и Он заботится о том, какое сооружение, какой «храм» мы возводим. Он требует у строителей отчёта за их труд — и даже грозит наказать *всякого*, кто разрушает Его храм. Можно ли хвалиться привязанностью к какому-либо одному строителю? Павел уже отметил более простой, более фундаментальный приоритет верующего: «Хвалящийся хвались Господом» (1:31). Здесь же он показывает обратную сторону: «Итак, никто не хвались людьми» (3:21а).

Но вторая причина, почему хвалиться тем или иным руководителем неправильно, в том, что таким образом ты отделяешься от широкого круга людей, которые составляют Церковь Христову. Вы можете предполагать, что имее-те самое наилучшее, ограничивая себя только частью наследия, данного вам во Христе Иисусе.

Такова мысль Павла в заключительных строках этого параграфа: «Всё ваше: Павел ли, или Аполлос, или Кифа, или мир, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее, — всё ваше; вы же — Христовы, а Христос — Божий» (3:21б-23). Павел, Аполлос, Кифа (и, в принципе, любой верный слугитель церкви) — все внесли вклад в дело со-

зидания церкви. Они причастны к церкви точно так, как фермеры причастны к полю и жатве, а строители — к строительному проекту. Сосредоточиться на одной части строительства, как будто всё заключается в ней, — значит отрезать себя от всего проекта. Привязаться неуместными, исключительными чувствами и верностью к одному служителю — значит недооценить то, сколько Бог может дать через остальных. Другими словами, фракционеры игнорируют богатство наследия, которое принадлежит всем христианам.

Но Павел утверждает, что это наследие — не только люди. «Всё ваше, — говорит он. — Павел ли, или Аполлос, или Кифа, или мир, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее, — всё ваше; вы же — Христовы, а Христос — Божий». Что Апостол имеет в виду?

Пять вещей, следующих за словами «Павел ли, или Аполлос, или Кифа», олицетворяют основополагающие тирании человеческой жизни — то, что поработывает нас, делает нас пленниками. (1) *Мир* навязывает нам свои стереотипы (ср. Рим. 12:1-2). Он требует от человека столько внимания и преданности, что мы редко посвящаем свои мысли и чувства миру грядущему. *Этот* мир связывает нас; он не поощряет подниматься к неизведанным измерениям нового неба и новой земли. (2) Подобным образом эта земная *жизнь* требует, чтобы к ней относились, как к чему-то фундаментально важному. Мы хватаемся за жизнь, как будто Библия не говорит, что наша жизнь — это всего лишь пар, который исчезает с первым дуновением ветерка. Мы забываем, что Иисус велел нам не бояться тех, кто может лишить нас *этой* жизни, а бояться Бога, ведь Он «может и душу, и тело погубить в геенне» (Матф. 10:28). Разве мудро поступает тот, кто бесконечно пытается приспособиться к требованиям этого мира, не задумываясь о жизни грядущей? А итог земной жизни один — это (3) *смерть*, которая нависает над человеком, как последняя угроза. Смерть — это враг, от которого никто не убежит. Человек не просто знает о ней. Он всю жизнь живёт с

оглядкой на смерть. Поскольку она виднеется у самого горизонта, то бросает назад длинную тень и теснит человека всю жизнь. Даже попытка жить, подавляя мысли о смерти, является жалкой реакцией, которая свидетельствует о силе её угрозы. Как и привычка составлять жизненные планы на основании предположения, что всё, что у тебя есть, — это семьдесят лет жизни или что-то около того. Как бы изменились наши жизненные цели, если бы мы планировали не только на семьдесят лет земного существования, а на всю вечность? Разве не это отчасти имел в виду Иисус, призывая нас собирать сокровище на небесах (Матф. 6:19-21)? Но нам слишком трудно внимать Его увещанию, потому что нам угрожает смерть. (4) Таким образом, безотлагательность *настоящего* и (5) расплывчатые обещания и предзнаменования *будущего* отвлекают наше внимание от Бога, Который держит и настоящее, и будущее в Своих руках.

Именно это пытается донести Апостол до коринфян. Если мы действительно принадлежим Христу, а Христос принадлежит Богу, то и мы принадлежим Богу. И какому Богу! Он полновластен над всеми этими мелочными угрозами; Он явил Свою великую любовь людям, заплатив за их искупление ценой жизни Своего возлюбленного Сына. Все эти пять тираний выглядят совершенно по-другому, если исследовать их с учётом нашей принадлежности Иисусу Христу. (1) Этот *мир* воспринимается как ворота в мир будущий. Бог поместил нас здесь, и, признавая Его полновластие, мы радуемся благим дарам, которые Он дал нам здесь, даже когда признаём, что верность Христу означает, что противление Создателю, характерное для людей этого мира, — это уже не твой путь. Но в каком-то смысле этот мир принадлежит нам. Всё принадлежит нашему Небесному Отцу, а мы — Его дети; поэтому всё принадлежит нам. Конечно, мир дан нам не для безжалостной и эгоистичной эксплуатации. Он «наш» только в связи с нашими взаимоотношениями с Богом и Отцом. Мы принадлежим Тому, Кто однажды сотворит новое

небо и новую землю, и позволит нам наслаждаться ими. Мы — наследники Божьи, сонаследники же Христу (Рим. 8:17). Если мы страдаем в этом мире, как страдал Он, это относительно малозначительное дело, учитывая, что Бог по Своей благодати гарантирует нам победу в будущем. Этот проходящий мир больше не может угрожать нам, ибо его влияние не абсолютно; мы принадлежим другому миру, и наше видение простирается за пределы этого мира в мир грядущий.

Подобное можно сказать и о четырёх других угрозах. (2) Нынешняя *жизнь* больше не является чем-то архиважным, за что нужно во что бы то ни стало держаться. Это время, когда мы, ожидая жизни будущей, можем служить нашему Богу и Искупителю. (3) *Смерть*, этот грозный «последний враг» (1 Кор. 15:26), не определяет всё в земной жизни христианина, ибо Господь победил смерть. Его воскресение предвещает и наше воскресение. Верующий человек в какой-то степени даже смерть может встречать с объятиями, ибо, по словам Павла, расстаться с телом — значит оказаться дома с Господом (2 Кор. 5:8). Мы даже понимаем, что имел в виду Павел, когда говорил: «Для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение» (Фил. 1:21). (4) *Настоящее* — это время жить и служить Богу, но оно не может поглотить меня. Бог имеет такую же власть над настоящим, какую имел над прошлым и будет иметь над будущим. (5) А если Он распоряжается *будущим*, то и будущего не стоит бояться, а принимать с благодарностью, ведь я принадлежу Христу, Христос принадлежит Богу, а Бог контролирует будущее.

Поэтому ни одна из этих тираний — «мир, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее» — больше не довлеет над христианином. Они окончательно побеждены и находятся под властью Искупителя. И поскольку мы являемся частью общества искупленных, то они не таят для нас угрозы.

Здесь есть предел видимости, который трагически теряется, когда всё наше христианство означает не больше, чем

поиск удовлетворения или личного мира, или — что ещё хуже — отождествление себя с «правильной фракцией» или учителем. Мы принадлежим Богу, и это определяет всё. Если мы действительно понимаем это, то места страху нет. Мы будем рады всему, что Бог приготовил для нас как в этой жизни, так и в будущей. А это значит, что весь спектр Божьих измерений библейского христианства мы не станем ограничивать мнением одного служителя или работника, каким бы мудрым и способным он ни был. Фракционность абсолютно неуместна. Она не только вредит церкви, но и обедняет приверженцев одного-единственного служителя, лишаящих себя богатого наследия, по праву принадлежащего всем Божьим детям.

Что это означает для христиан нашего времени? Конечно, это не значит, что каждый служитель-христианин и всё христианское наследие имеет одинаковую ценность. В других местах Павел призывает различать, взвешивать и узнавать, что лучше (напр., Фил. 1:9-11). Не всё, имеющее ярлык «христианского», на самом деле является таковым. Но если вы, скажем, лютеранин, вы не должны отвергать то, что истинно и хорошо у веслианцев, реформатов, анабаптистов и других (можно перефразировать это предложение в любой комбинации). И на уровне поместной церкви не будет пользы носиться с одним служителем (желательно, недавно ушедшим на пенсию или умершим!) в ущерб всем остальным. Поступающие так наделяют его почти неограниченной властью и авторитетом. Это не только порождает разделения, но и оставляет церковь без огромного наследия и богатства, доступного христианам. А, как уже было сказано, что принадлежит Богу, принадлежит и нам. Стоит ли спорить о музыке в церкви? У нас должна быть самая лучшая, самая Богоцентричная, самая правильная, самая назидательная музыка. Но должны ли все псалмы и гимны быть в одном стиле? Разве Господь запрещает воспользоваться широким ассортиментом наследия святых из других уголков мира, которые выразили своё восхищение Спасителем в изобилии церковных гимнов, которое мы ни-

когда не сможем исчерпать, но которое мы к своему ущербу игнорируем?

«Всё ваше; вы же — Христовы, а Христос — Божий» (3:22б-23).

Вопросы для анализа и размышлений

1. По словам Павла, кто такие «плотские» христиане?
2. В чём проявляется их духовная незрелость?
3. Чему в отношении христианских руководителей учат нас две основные истины в ст. 5-17?
4. Какие дела, согласно ст. 15, сгорают? Объясните предупреждение Павла своими словами.
5. Своими словами объясните последние несколько стихов главы.

4

Крест и христианское руководство

1 Коринфянам 4

¹Итак, каждый должен разуместь нас, как служителей Христовых и домостроителей тайн Божьих.

²От домостроителей же требуется, чтобы каждый оказался верным. ³Для меня очень мало значит, как судите обо мне вы или как судят другие люди; я и сам не сужу о себе. ⁴Ибо хотя я ничего не знаю за собой, но тем не оправдываюсь; судья же мне — Господь. ⁵Поэтому не судите никак прежде времени, пока не придёт Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога.

⁶Это, братья, приложил я к себе и Аполлосу ради вас, чтобы вы научились от нас не мудрствовать сверх того, что написано, и не превозносились один перед другим. ⁷Ибо кто отличает тебя? Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил?

⁸Вы уже пресытились, вы уже обогатились, вы стали царствовать без нас. О, если бы вы и в самом

деле царствовали, чтобы и нам с вами царствовать!⁹Ибо я думаю, что нам, последним посланникам, Бог судил быть как бы приговорёнными к смерти, потому что мы сделались зрелищем для мира, для ангелов и людей.¹⁰Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе; мы немощны, а вы крепки; вы в славе, а мы в бесчестии.¹¹Даже донныне терпим голод и жажду, и наготу, и побои, и скитаемся,¹²и трудимся, работая своими руками. Злословят нас — мы благословляем; гонят нас — мы терпим;¹³хулят нас — мы молим; мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый донныне.

¹⁴Не к постыжению вашему пишу это, но вразумляю вас, как возлюбленных детей моих.¹⁵Ибо, хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов; я родил вас во Христе Иисусе благовествованием.¹⁶Поэтому умоляю вас: подражайте мне, как я Христу.¹⁷Для этого я послал к вам Тимофея, моего возлюбленного и верного в Господе сына, который напомнит вам о путях моих во Христе, как я учу везде, во всякой церкви.

¹⁸Как я не иду к вам, то некоторые у вас возгордились;¹⁹но я скоро приду к вам, если угодно будет Господу, и испытаю не слова возгордившихся, а силу,²⁰ибо Царство Божье не в слове, а в силе.²¹Чего вы хотите? С жезлом прийти к вам или с любовью и духом кротости?

Большинство людей когда-либо в жизни мечтали стать великими лидерами. Что же они видят в своём воображении?

Конечно, кое-что зависит от сферы. Скажем, лидеру баскетбольной команды требуются несколько иные знания и навыки, чем лидеру в кружке рукоделия. И всё же можно выделить общие для всех лидеров качества. Быть лидером — означает быть лучшим в своей области, чтобы достичь успеха там, где остальные терпят неудачу; устоять там, где другие падают; творить, где другие просто выполняют поручения; и после некоторых трудностей

получить заслуженное признание. Как правило, быть лидером — означает быть известным в определённых кругах, иметь деньги и некоторую свободу от обязанностей и серого существования обычных смертных. Быть лидером означает завоевать уважение. Правда, те, кто мечтает о лидерстве, редко задумываются об ответственности, стрессах, давлении и искушениях, с которыми сталкиваются лидеры. Почти никогда не учитываются сопряжённые с лидерством обязательства, служение, страдания.

Вступительные главы этого послания уже пролили свет на некоторые аспекты христианского управления, хотя, конечно, это не основная тема послания. В 1–4 главах Павел больше старается обратить внимание на фракционность, которая ссорами, завистью и превозношением рвала церковь на части. Но поскольку эта вражда возникла из-за привычки разных групп в церкви отождествлять себя с хорошо известными служителями («я Павлов»; «я Аполлосов»; «я Кифин», и так далее; 1:11-12; 3:4), то Павел считает необходимым показать, что представления коринфян о природе христианского руководства неправильны. Эти верующие перенимали слишком много стереотипов из мира. Они почти боготворили учителей-софистов, многие из которых ценили форму больше содержания, авторитет больше смирения, стоицизм выше энтузиазма, систематизированную философию («мудрость») выше искреннего признания ограниченности своего человеческого знания, красноречие больше истины, деньги больше людей и уважение больше принципиальности. В такой обстановке Павел вынужден был вернуться к основам и ещё раз напомнить, что значит исповедовать Христа распятого. Но одновременно он объясняет коринфянам, что они заблуждаются, вознося одних служителей и игнорируя других. Поэтому в 3-й главе послания Павел среди прочего утверждает, что христианские лидеры — всего лишь слуги Христа, и не следует выражать им преданность, граничащую с богопочитанием. И, как слуги, они подотчётны Богу за своё служение. Поскольку Бог заботится о Своей Церкви, Он требует от

руководителей общин отчёта и грозит судом всем, кто разрушает Его Церковь.

В 4-й главе послания Павел продолжает бороться с фракционностью коринфских верующих. Поэтому он, говоря о природе христианского руководства, связывает его с данным вопросом: «Это, братья, приложил я к себе и Аполлосу ради вас...» (4:6). Даже в этом случае, касаясь отношения коринфян к ссорам и фракционности, Павел показывает, что значит быть христианским служителем. С этой точки зрения мы и рассмотрим данную главу. Конечно, это не всё, что Библия говорит о природе угодного Богу руководства, но принципы, изложенные здесь, имеют огромную важность. И все они имеют прямую связь с крестом.

Христианское руководство означает иметь дело с Божьими тайнами (4:1-7)

Павел начинает, говоря коринфянам, как они должны воспринимать христианских руководителей: «Каждый должен разуметь нас, как служителей Христовых и домостроителей тайн Божьих» (4:1). Здесь выделяются два аспекта, и оба они связаны с тем, что Павел уже объяснял. (1) Христианские руководители — это «служители (т.е. слуги) Христа». Язык здесь напоминает аналогию с сельским хозяйством в 3-й главе (хотя греч. слово, переводимое как «служитель», здесь другое). Христианские лидеры не пытаются быть независимыми светилами, премудрыми учителями. Они считают себя просто слугами и хотят, чтобы и другие христиане воспринимали их именно так. Они служат Иисусу Христу. (2) В центре поручения, которое они получили от своего Господина, лежит одно конкретное задание — быть распорядителями Божьих тайн. Слово «тайна» встречается также в 2:7, и во 2-й главе этой книги вопрос тайны уже отчасти исследовался. Павел не говорит, что Евангелие — это секрет, «тайна», но в некотором смысле до пришествия Иисуса Христа оно было сокрыто,

а теперь открыто. Собственно, Евангелие и есть содержание этой тайны; Божья премудрость, которую проповедовал Павел, — это Иисус Христос и притом распятый.

В некотором смысле, конечно, все христиане являются служителями Христовыми, и всем вверено Евангелие, Божья тайна. Тем не менее, Павел здесь говорит о лидерах. Чуть позже он напишет: «Это, братья, приложил я к себе и Аполлосу (оба лидеры) ради *вас*» (4:6, курсив добавлен), показывая, что он всё ещё сохраняет разграничение между лидерами и остальными, доминирующее в 3-й главе послания. Это не значит, что Павел, Аполлос и другие лидеры являются слугами Христа, а остальные христиане — нет, или что только лидерам Церкви вверена Божья тайна, а остальные верующие ничего о ней не знают. Лидеры не принадлежат к особому, священническому классу. Скорее, то, что требуется от всех верующих, особенно тщательно должны выполнять руководители. Требования отличаются по степени. Именно поэтому Павел скажет: «Умоляю вас: подражайте мне» (4:16).

Те, кто хочет руководить церковью, должны признать, что нет особых, элитарных требований. Этот вывод полностью соответствует спискам требований к руководству, изложенным в других местах Нового Завета. Удивительно, но в списке требований, которым должен отвечать епископ (1 Тим. 3:1-7), нет ничего выдающегося, исключительного. В нём совершенно не упоминаются интеллект, решительность, упорство, благосостояние, сила. Почти все перечисленные Павлом качества, необходимые для епископа, упоминаются в Новом Завете как требование ко всем верующим. Например, епископ не должен быть пьяницей (1 Тим. 3:3) — что, конечно же, не даёт остальным верующим права напиваться (Ефес. 5:18). Епископ должен быть страннолюбив, то есть гостеприимен (1 Тим. 3:2); но такими же должны быть все христиане (Евр. 13:2). Есть только две составляющие в списке требований к епископам, которые не относятся ко всем верующим: (1) «Не... из новообращённых» (1 Тим. 3:6); и (2) «умеющий учить»

(1 Тим. 3:2), что непосредственно связано с обязанностью пастора-епископа-пресвитера.

Поэтому в свете 1 Тим. 3 и 1 Кор. 4 нужно признать, что требования к христианскому руководству не выделяют руководителя в особую, элитную категорию, на которую распространяются особые правила и привилегии. Скорее, руководитель особо тщательно должен развивать в себе те добродетели, которые должны присутствовать во всех христианах, чтобы служить образцом и быть учителем в церкви Божьей.

Поэтому здесь Павел излагает две достаточно ясные составляющие христианского руководства. Лидеры церкви — эти слуги Христа, и им вверено Евангелие, Божья тайна. Если все христиане должны от всего сердца служить Христу, насколько же ревностней должны делать это их руководители? Если все верующие владеют сокровенной премудростью, дарованной от Духа, как же мудро должны распоряжаться этим великим наследием христианские лидеры?

Важно проанализировать, что означают эти составляющие. По сути, если их правильно понимать, они воспринимаются как одно целое. Слово, переведённое как «домостроитель», буквально означает «управляющий домом». Управляющий домом занимал положение, подразумевающее доверие, но в обществе, которое было гораздо более иерархичным, чем современное, на этой должности обычно был слуга и даже раб. Доверие, оказанное им, касалось их функции как слуг, как рабов; следовательно, когда человек назван служителем Христовым, на него как на слугу Христа возложено конкретное обязательство — распространять Евангелие. Это всё, что требуется от «домостроителей тайн Божьих». Быть служителем Христовым — значит обязаться словом и делом провозглашать Евангелие, весть о распятом Мессии.

Это основа основ. Всякий истинный руководитель беспокоится об этом поручении. На Западе мы должны показаться в бесконечном восхищении «руководством», кото-

рое больше имеет черты иерархической (т.е. я начальник, и будет так, как я скажу) или демократической модели (т.е. дай людям то, что они хотят; всех выслушай и расспроси; и чеши там, где зудит). Настоящее христианское руководство, каким бы разнообразным ни был его стиль, каким бы мудрым ни было использование им социологических открытий, должно начинать с основополагающего понимания: христианским руководителям вверено Евангелие — тайна Божья, которая была сокрыта в прежние века, а теперь провозглашается посредством их служения. Более того, нужно быть осторожным, чтобы не занять такое положение из вежливости, когда твои реальные интересы находятся в другом месте. Это пользы не принесёт. На служителей Христовых возложена важнейшая задача: им было вверено Евангелие, и всё их служение заключается в том, чтобы провозглашать Евангелие и вдохновлять народ Божий словом и делом воплощать его в жизнь.

Понимая природу христианского руководства, Павел пришёл к важным выводам. Два из них он показывает.

Христианские лидеры обязаны доказать верность Тому, Кто поручил им их главную задачу (4:1-4). Логика Павла проста. Он только что описал христианских руководителей как «домостроителей тайн Божьих». Любой внимательный читатель понимает напрашивающийся вывод: «От домостроителей же требуется, чтобы каждый оказался верным» (4:2). Верным кому? В конце концов, не церкви. Служители Христовы, домостроители Божьих тайн не считают себя победителями в состязании на популярность — даже в пределах церкви. Это имеет в виду Павел, когда говорит: «Для меня очень мало значит, как судите обо мне вы или как судят другие люди» (4:3). Есть только Один, Чьё одобрение в последний день будет иметь значение. Одобрение или неодобрение церкви не значит ничего.

Даже самооценка своего служения не важна. Если вы довольны своим служением, это не имеет вечного значения. Вы можете думать о своём служении лучше, чем Бог, либо хуже, чем Бог. Но если вы постоянно пытаетесь уго-

дить себе, сделать самопохвалу высшей целью, то забываете, Чьим слугой вы являетесь и Кому должны стремиться угодить. Поэтому Павел открыто пишет: «Я и сам не сужу о себе» (4:3). Это не значит, что в его жизни нет места для самооценки или самодисциплины; его послания опровергают такое толкование (напр., 1 Кор. 9:24-27; 2 Кор. 13:5). Он имеет в виду, что суждение о самом себе никоим образом не имеет вечного значения. Апостол говорит: «Я ничего не знаю за собой» (4:4), то есть он не видит за собой никакого нераскаянного греха. Тем не менее, какой бы чистой ни была его совесть, он не знал всего даже о себе и мог самообманываться или заблуждаться. Поэтому он пишет: «Но тем не оправдываюсь» (4:4). Другими словами, есть только Один, Чьё мнение о его служении имеет вечное значение: «Судья же мне — Господь» (4:4).

Итак, первый вывод Павла очень прост. Служители, достойные этого звания, прежде всего заботятся, чтобы быть верными и преданными только одной Личности — искупившему их Господу. А затем, конечно, слуга Господа пытается сохранить мир среди Божьего народа и старается заслужить доверие и уважение церкви. Конечно, высказывать одобрение о каком-либо служителе не грех (напр., Фил. 2:19), однако сам он не должен целенаправленно искать похвалы церкви или отдельной личности. Он должен быть верным и преданным только Господу и Божьей тайне, которую Бог доверил ему. А если иногда это порождает конфликт интересов между лидером и церковью, то это неизбежно; юродство вести о распятом Христе должно преобладать, даже если вся церковь свернёт на развилке, отступив от сосредоточенности на Евангелии. Что намного трагичнее, так это печальный спектакль некоторых служителей, которые так настойчиво добиваются одобрения коллег и прихожан, что Евангелие и похвала распятого Мессии для них становятся второстепенными.

Те, кто следует за христианскими лидерами, должны признать, что служитель призван угождать Господу Христу, и не судить их (4:5-7). Другими словами, если для

лидера важно видеть себя как слугу Христа, которому вверено величественное поручение, то и вся церковь должна видеть его как прежде всего подотчётного Господу Христу и не судить его, ведь оценивать успех служителя — прерогатива Бога, а не церкви.

Некоторые «вычитывают» в этом тексте больше, чем он на самом деле говорит. Однако никакой внимательный читатель не станет утверждать, что Павел отменяет всякий суд, осуждение греха в церкви. И в следующей главе этого послания Апостол строго выговаривает церкви за неспособность применить решительные дисциплинарные меры в случае безнравственности (1 Кор. 5). Эта дисциплинарная власть церкви распространяется даже на лидеров. В последней главе 2-го послания к Коринфянам Павел выражает уверенность, что верующие в Коринфе применяют дисциплинарные меры по отношению к лжеапостолам до того, как придёт он и лично примет радикальные меры. Беспочвенные сплетни против пресвитеров следует игнорировать, но когда критические слухи подтверждаются, Писание описывает порядок и характер наказания лидеров (1 Тим. 5:19-20). Более того, Павел утверждает, что христиане обязаны «судить» себя, исследовать и испытывать, насколько основательно и последовательно они изменяются, насколько они преданны Христу. Хотя личное мнение христианина не является окончательным, это не помешало Павлу сказать: «Испытывайте самих себя, в вере ли вы; самих себя исследуйте» (2 Кор. 13:5).

Если мы внимательно перечитаем Писание, мы без труда обнаружим тексты, запрещающие «судить», и отрывки, побуждающие оценивать, судить. Например, Иисус сказал: «Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какой мерой мерите, такой и вам будут мерить» (Матф. 7:1-2). С другой стороны, Он говорит: «Не судите по наружности, но судите судом праведным» (Иоан. 7:24). Это противоречие ярко выражено в Новом Завете. Писание порицает то, что можно назвать категоричным осуждением. В то же время глава за главой

увещают верующих быть пронизательными, отличать истинное от ложного, держаться лучшего, применять наказание в церкви и так далее. Для этого требуется умение правильно судить, оценивать.

Достигнуть баланса в этом вопросе никогда не представлялось лёгким. А в наши дни это стало ещё сложнее. Весь мир увлечён плюрализмом, гласящим, что сколько людей — столько мнений, и все они одинаково истинны. А единственное неправильное мнение — то, которое осуждает чьи-то взгляды. Что касается религии, то плюрализм запрещает называть неправильной, неистинной любую религию: это считается нетерпимостью, фанатизмом, невежеством. В этом свете места Писания, которые порицают категоричное осуждение, часто представляются как единственные в Библии на эту тему. Во многих кругах стих «Не судите, да не судимы будете» (Матф. 7:1) стал самым известным в Библии и упоминается чаще, чем Иоан. 3:16. Правда, при этом забывают, что несколькими стихами ниже Иисус говорит ученикам: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями» (Матф. 7:6). А это предполагает, что кто-то должен судить, чтобы решить, кто такие псы и свиньи. Другими словами, плюрализм вложил много энергии и предубеждения только в одну сторону библейского изложения.

Правильный курс можно сохранить, напоминая себе, каким людям даны обе рекомендации. Призыв не осуждать адресован самоправедным людям, которые хотят защитить свою сферу влияния. Эти люди живут по правилам, на всё имеют правильные ответы, отчаянно хотят возвыситься над остальными и претендуют на место Бога. Библейские же призывы быть пронизательными или правильно судить даны церкви, чтобы вовремя принимать дисциплинарные меры в отношении беспечных и распущенных людей, не живущих по нормам Божьего Слова. Такие люди обычно следуют за толпой, вместо того чтобы быть преданными Богу и Его Слову. *Крайне неразумно требовать суда, когда требуется снисходительность, или запрещать всякий*

суд, когда суд как раз и нужен. Оба заблуждения приносят серьёзный вред церкви и показывают подход, не желающий принимать разумный баланс и здравый смысл Божьего Слова.

Итак, что же происходило в Коринфе? Похоже, некоторые верующие были вполне готовы игнорировать некоторых христианских лидеров просто потому, что предпочли другого служителя в качестве учителя. Господу неуютно, когда христианин делает какого-либо служителя своим кумиром, превозносит его и выражает ему преданность, принадлежащую только Богу. Да и отвергать всех остальных лидеров, не признавать их авторитет — по меньшей мере невежливо по отношению к этим людям и дерзко по отношению к Богу.

Два следующих размышления должны умерить нашу склонность судить других. (1) Мы не знаем конца. Некоторые, начинающие хорошо, заканчивают плохо; другие, начиная медленно и нерешительно, завершают свой путь на победной ноте. «Поэтому не судите никак прежде времени, пока не придёт Господь» (4:5а). (2) Мы не знаем мотивов людей, которых судим. Сердцеведец только Бог. Он «осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения» (4:5б). Есть служители, которые знают, как понравиться людям; они действуют решительно и уверенно, но их сердца бурлят страстями, высокомерием и честолюбием. Есть другие, возможно, менее одарённые, которые молча борются с разочарованиями и трудностями, но сердце которых говорит Богу: «Вот я, пошли меня. Сделай меня таким святым, любящим, полезным, каким только может быть прощённый грешник». Разве не стоит учитывать скрытые побуждения? Но кто способен на это, кроме Бога?

Возможно, самой замечательной частью этого раздела является его конец. Имея в виду день последнего суда, Павел мог сказать: «Тогда Бог обличит каждого». Однако он говорит: «Тогда каждому будет похвала от Бога» (4:5в). Как прекрасно! Царь Вселенной, Властелин, Который терпел

наше бесконечное противление и нашёл нас ценой смерти Своего Сына, завершает наше искупление похвалой в наш адрес! Он — мудрый Отец, Который знает, как поддержать даже самые слабые усилия Своих детей. И, читая эти строки, ещё раз убеждаешься, что Бог судит менее строго, чем самоназначенные судьи в церкви. Здесь Павел предполагает, что церковь не должна игнорировать, избегать и отвергать этих лидеров, ведь они — истинные служители, и в последний день Сам Бог воздаст им похвалу.

Конечно, это не значит, что служитель всегда делает всё безупречно. Варнава и Пётр не были достаточно последовательными в Антиохии (Гал. 2:11-14); Павел не проявил достаточно терпения к Иоанну Марку (Деян. 15:37-40); Аполлос нуждался в наставлении, чтобы лучше проповедовать (Деян. 18:24-28). В каждом случае требовалась определённая проницательность, суждение и помощь собратьев-верующих. Принцип, который выводит здесь Павел, не подразумевает, что христиане не способны самостоятельно делать выводы. И то, что кальвинисты могут поучиться чему-то важному у Джона Уэсли, а веслианцы — у Кальвина, не означает, что оба служителя были абсолютно правы во всём, что говорили и чему учили. Здесь Павел не освобождает христиан от ответственности быть проницательными, испытывать любое учение Писанием, держаться наилучшего. Скорее, он открыто порицает людей, которые просто не считаются с кем-либо из служителей, если тот идеальным образом не отвечает их требованиям, нравится меньше, чем любимый учитель, или не зависит от них.

Несомненно, служители допускают ошибки и не всегда говорят умные вещи. Но они не пешки, которых церковь ставит и снимает со службы, как работников по найму. Церковь — не глава, а пастор — не наёмный работник. И у церкви, и у служителя есть Один Глава — Иисус Христос. В идеале и церковь, и служитель должны согласованно трудиться под руководством Христа. Реально, когда церковь отступает от Евангелия, у служителя может воз-

никнуть необходимость принять решительные меры (как во 2 Кор. 13). Но обе стороны должны признать, что есть только один Глава. А в коринфской ситуации Павел считает особенно важным для верующих признавать, что христианские лидеры призваны служить Господу Христу — поэтому церковь не должна занимать роль судьи по отношению к ним.

Хотя Павел говорит достаточно отвлечённо, очевидно, он имеет в виду фракционность в коринфской церкви. «Это, братья, приложил¹ я к себе и Аполлосу ради вас, чтобы вы научились от нас не мудрствовать сверх того, что написано» (4:6a). Руководствуясь личным вкусом и предпочтениями, верующие в Коринфе не держались библейского откровения и выбирали себе учителей, игнорируя остальных служителей Христовых. Исказить истину и баланс Писания можно так же легко, выйдя за её пределы, как и отрицая какую-то её часть. Если бы в этих вопросах коринфяне точно следовали библейскому курсу, они «не превозносились [бы] один перед другим» (4:6b). Как это возможно? Превознося Христа распятого: «Хввающийся хвалился Господом» (1:31). Превозношение в среде испуленных вызывает отвращение.

В любом случае, утверждает Павел, если вы получили особую помощь, совет или ободрение от конкретного служителя, разве это причина для гордости, а не Божий дар для вас? Даже если мы много потрудились, разве способность работать даровал вам не Бог? Он наградил вас хорошим здоровьем, вы получили воспитание, выработавшее в вас дисциплину и ответственность? «Ибо кто отличает тебя? Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил?» (4:7)

Суть проблемы — в гордости. Ирония состоит в том, что это высокомерие проявляется по отношению к тем, кому вверены Божьи тайны, Евангелие распятого Мессии, Благая весть, которой эти критиканы и гордецы были спасены. Как может здравомыслящий человек быть высокомерным у креста?

Христианское руководство означает жизнь в свете креста (4:8-13)

Слова Павла здесь пропитаны сильной иронией. «Вы уже пресытились!» — то есть они не испытывают голода по тому, что им нужно. «Вы уже обогатились!» — то есть они не ищут духовного богатства и не внимают указаниям Христа собирать сокровища на небесах. «Вы стали царствовать!» — здесь Павел говорит не о реальном статусе коринфян, а об их самовосприятии.

Христиане в ранней Церкви были научены жить, ожидая конца века, когда явится Христос. Новый Завет завершается картиной, когда Дух и Невеста (Церковь) обращаются к вознесённому Господу Иисусу, говоря: «Приди!» (Откр. 22:17). Мы ожидаем завершения спасения, готового «открыться в последнее время» (1 Пет. 1:5); «ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает праведность» (2 Пет. 3:13). Тем не менее, христиане радуются, что Иисус Христос воскрес из мёртвых и уже начал царствовать. Вся власть на небе и на земле принадлежит Ему (Матф. 28:18). Мы уже приняты в Его царство. Бог спас «нас от власти тьмы и [ввёл] в Царство возлюбленного Сына Своего, в Котором мы имеем искупление кровью Его и прощение грехов» (Кол. 1:13-14). Павел описывает Духа Божьего как залог или гарантию наследия, которое ещё не получено.

Поэтому в каком-то смысле христиане ориентированы на будущее и ожидают грядущего царства. Эту позицию мы можем назвать *футуристской эсхатологией*. В другом смысле — верующие во Христа уже сейчас переведены из царства тьмы в царство Божьего Сына. Мы уже в царстве. Это положение иногда называют *реализованной* или *воплощённой эсхатологией*. Очень важно увидеть между ними правильный баланс. Если вы посвятите всю свою энергию только будущему, появятся всевозможные искажения. Кто-то, например, последует примеру некоторых верующих в Фессалонике, которые, очевидно, думали, что приход Христа и конец века настолько близки, что броса-

ли работу, живя за счёт тех христиан, кто ещё работал, и в эмоциях ожидания поступали безответственно. А кто-то настолько сосредоточился на будущем, что подсознательно преуменьшает те великие привилегии и радость, которые принадлежат нам в Иисусе Христе сейчас. При таком восприятии, здесь и сейчас всё безотраднo, хмурo и мрачно.

С другой стороны, можно удариться в другую крайность и настолько акцентировать внимание на сегодняшних благословениях, что забудется то, что некоторые благословения сберегаются на будущее. Кто-то начинает применять к настоящему времени тексты и темы, которые говорят о жизни, когда снова придёт Мессия. И евреи, которые ожидали прихода Мессии, и христиане, которые ожидают Его возвращения, утверждают, что Его народ будет царствовать с Ним. Коринфяне, относя это к своему времени, считали, что они уже начали царствовать. «Вы стали царствовать без нас, — заявляет с сарказмом Павел. — О, если бы вы и в самом деле царствовали, чтобы и нам с вами царствовать!» (4:8) Это означало бы, что Христос вернулся, что Его царствование началось, и что все христиане участвуют в нём. Но если царствование Христа ещё не началось, то коринфяне сильно заблуждались.

Исторически, христиане часто нарушали библейский баланс в этом вопросе, слишком сливаясь с этим миром и оказываясь неспособными соблюдать Писание. Во времена войн, голода или сильных социальных потрясений христиане часто восклицают: «Это конец!» Они надевают свои «одежды для вознесения», забывая слова Иисуса, что никто не знает ни времени, ни дня, ни часа Его возвращения. И, наоборот, когда всё идёт достаточно хорошо и общество кажется относительно стабильным, когда на горизонте нет войны и большинство людей живёт благополучной жизнью, и когда мир нацелен на наслаждения и ориентирован на успех, необученные христиане принимают свою форму триумфализма. Они говорят, что Бог — их Отец, великий Царь, а потому все они должны жить как князья.

Коринфяне явно имели свою версию конца света, увязывающуюся с их гордостью и высокомерием. Павел иронизирует над их непомерными претензиями, оценивая положение признанных лидеров церкви, Апостолов. «Ибо я думаю, что нам, последним посланникам, Бог судил быть как бы приговорёнными к смерти, потому что мы сделали зрелищем» (4:9а). Образ, вероятно, был взят с триумфальных процессий возвращающихся римских легионов. Первыми шли военачальники, затем младшие по званию. За ними, в нисходящем по рангу порядке, тянулись пленники. Среди побеждённых врагов последними шли люди низших классов и рабы, глотая после всех пыль и зная, что их ожидает арена, смерть. Там они погибнут от рук гладиаторов или будут съедены дикими зверями на потеху публике. Духовная сцена, на которой происходит невидимая борьба, напоминает физическую. Поэтому, говорит Павел, Апостолы «сделались зрелищем [т.е. посмешищем] для мира, для ангелов и людей» (4:9б).

С горькой иронией Павел показывает контраст. Ссылаясь на темы 1-й главы, он пишет: «Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе» (4:10а). Конечно, если коринфские верующие следили за ходом его мысли, то поняли, что безумны как раз они, поскольку они превратно воспринимали следование за Христом. Павел и другие духовные лидеры «безумны» только потому, что приняли безумие креста. «Мы немощны, а вы крепки; вы в славе, а мы в бесчестии» (4:10б). Павел подразумевает, что он и другие Апостолы «немощны» потому, что отождествляют себя с «немощным» Божьим, которое на самом деле сильнее, чем вся человеческая мудрость. Если они в бесчестии, то это бесчестие от мира, для которого крест является безумием. А слава, которую принимали коринфяне, была самопрославлением и, возможно, сомнительными рукоплесканиями мира, который они внешне отвергли, став христианами.

Нуждались ли коринфские верующие в разъяснении, с чем сопряжена жизнь и судьба истинных служителей? Безусловно. И Павел даёт её краткое описание: «Даже доны-

не терпим голод и жажду, и наготу, и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками. Злословят нас — мы благословляем; гонят нас — мы терпим; хулят нас — мы молим; мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый доньне» (4:11-13).

Нет необходимости исследовать эти шокирующие строки подробно, но несколько комментариев подчеркнут их остроту. Слова «даже доньне» и «доньне», вероятно, служат для привлечения внимания к эсхатологической ситуации. Павел и другие Апостолы даже в тот момент страдали, хотя вследствие победы Христа эсхатологическое царство уже было объявлено. То есть коринфяне, игнорируя очевидные факты, искажали богословие. Лишения разъездного служения Апостолов («терпим голод и жажду, и наготу») достигают кульминации в слове «скитаемся» — потому что их дом не в этом мире. На первый взгляд, слова «трудимся, работая своими руками» неуместны в этом списке. В древнегреческом мире учителя считали физический труд ниже своего достоинства, а Павел часто обеспечивал себя и своих сотрудников (иногда даже настаивая на этом). Поскольку Апостол шил палатки, работал с кожей, коринфяне принимали его за обычного ремесленника, за низшего представителя преподавательской профессии. Но то, что они презирают, Апостол приводит как образец. И он описывает реакцию истинных служителей на укоры и насмешки скептически настроенного мира, как пример для подражания: «Злословят нас — мы благословляем; гонят нас — мы терпим; хулят нас — мы молим; мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый доньне» (4:12-13). Так на практике воплощается учение (Лук. 6:28) и пример (Лук. 23:34) Господа Иисуса. И в качестве обобщения Павел говорит, что он и собратья-Апостолы стали «как сор для мира, как прах, всеми попираемый доньне» (4:13), как отбросы, изгои, бродяги — всё, что презирается в обществе красивых и успешных людей.

Однако мы больше не можем игнорировать пример Павла — не тот, каким он был для других, а тот, который он

избрал для себя. Пророк писал о страдающем Рабе: «Не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умалён перед людьми, Муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лицо своё. Он был презираем, и мы ни во что ставили Его» (Ис. 53:2б-3). Павел свидетельствует филиппийцам, что он хочет не только познать силу воскресения Христа, но и принять участие в страданиях Его (Фил. 3:10). А христианам в Риме он пишет, что верующие — это «наследники Божьи, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться» (Рим. 8:17). Павел считает себя примером для других, призывая верующих подражать ему (4:16), потому что он сам следует примеру Христа (11:1).

Павел не настолько наивен, чтобы думать, что каждый христианин должен столько же пострадать. На самом деле, в другом месте он пишет о готовности принять больше страданий, чтобы другим было легче. Но для Павла крайне важен основополагающий подход к вещам. Его позицию можно обобщить в трёх пунктах.

Мы следуем за распятым Мессией. Все эсхатологические обещания, касающиеся нового неба и новой земли, все благословения прощения грехов и блаженного Духа Божьего, не отрицают того, что излагаемая нами Благая весть сосредоточена на юродстве проповеди о распятом Христе. А с высокомерной позиции триумфалиста эффективно передать эту весть просто невозможно. До конца века мы будем брать свой крест — то есть каждый день умирать для своих интересов — и следовать за Иисусом. Чем меньше общество знает об этом пути, тем более неразумными выглядят в их глазах христиане и тем больше страданий они будут переносить. Однако другого пути следования за Иисусом нет.

Служители в церкви страдают больше всего. Они не похожи на генералов в армии, которые остаются позади войск. Они — группа нападения, люди на передовой, которые ведут церковь вперёд как словом, так и делом, личным

примером. Восхвалять стиль руководства, презирующий страдания, — значит отречься от веры.

По сути, все христиане призваны к такому пониманию жизни и ученичества. Павел собирается сказать: «Умоляю вас: подражайте мне, как я Христу. Для этого я послал к вам Тимофея, моего возлюбленного и верного в Господе сына, который напомнит вам *о путях моих во Христе*, как я учу везде, во всякой церкви» (4:16-17, курсив добавлен).

Мы должны честно признать, что эта позиция чужда для большинства христиан в западном мире. До недавних пор даже необращённые на Западе придерживались иудейско-христианских ценностей. Однако ситуация быстро меняется, и противление любой форме христианства, стремящейся сохранить верность Библии, усиливается.

Позиция Павла отчасти кажется чуждой для многих из нас, потому что мы невольно стали больше похожими на коринфских верующих, чем на христиан по типу Павла (то есть библейских!). Многие из нас хорошо устроились в этой жизни, а потому не имеют непреодолимого желания радостно ожидать возвращения Христа. И стремление получить одобрение мира часто превосходит желание услышать в последний день от Иисуса: «Хорошо, добрый и верный раб!» Начинать менять это глубокое предательство Евангелия уместно именно у креста — в покаянии, смиренности и обновлённом желании сделать Евангелие распятого Мессии центром нашей проповеди и поучения, нашей жизни и жизни других служителей.

Христианское руководство несёт ободрение и, если необходимо, утверждает путь креста среди народа Божьего (4:14-21)

Для христианского лидера недостаточно просто иметь много последователей. В конце концов, может оказаться, что этот лидер строит из низкосортных материалов и с использованием некачественной рабочей силы (3:12-15). Служитель должен не только проповедовать слово о кресте

и жить в свете креста, но и побуждать других к настоящей христианской жизни. Простой ортодоксальности недостаточно: христиане должны продемонстрировать свою веру на практике. Евангелие распятого Мессии должно преобразовать не только наши убеждения, но и наше поведение. И где отклонение от пути креста достаточно заметно, лидер должен указать на ошибку или, возможно, прибегнуть к какой-то форме наказания.

Ободрение верующих (4:14-17)

Несмотря на едкую иронию предыдущего параграфа, здесь Павел объясняет мягче: «Не к постыжению вашему пишу это, но вразумляю вас, как возлюбленных детей моих» (4:14). Конечно, с одной стороны он стыдит их. Но Апостол хочет вразумить, исправить своих духовных детей, поддержать их на правильном пути. В некоторых вопросах поведение коринфян настолько шокирующе, что позже он открыто обличит их (6:1-6; 15:34), но не сейчас.

Всё ещё нежно Павел напоминает, что именно он привёл их к Господу. В своём призыве он использует образ состоятельной семьи I столетия. С понятным преувеличением Павел говорит коринфянам, что даже если бы у них были «тысячи наставников во Христе», у них есть только один отец. Наставником в греческих семьях I столетия называли раба, которому поручали воспитание ребёнка (обычно сына). Он водил ребёнка в школу, забирал со школы и следил за его поведением. Конечно, такой наставник имел определённую власть над ребёнком, но её не сравнить с властью отца. Павел первым принёс Евангелие коринфянам; в этом смысле только он был их «отцом», и ничто не могло изменить этот факт. Конечно, Павел говорит осторожно, чтобы не создать впечатление, будто он, обладая какой-то волшебной силой, своими силами совершил их обращение. Он стал их отцом посредством благовествования (4:15). Он проповедовал им Евангелие. По Божьей благодати Евангелие преобразило их, ибо Евангелие «есть

сила Божья ко спасению всякому верующему» (Рим. 1:16). Поэтому его взаимоотношения с коринфянами невозможно повторить или заменить. Павел сеял семя; другие его поливали. Павел заложил основание; другие на нём строили. Павел родил коринфских верующих Евангелием; другие были их наставниками.

«Поэтому, — пишет Павел, — умоляю вас: подражайте мне» (1 Кор. 4:16). Логика, предполагаемая словом «поэтому», может ускользнуть от внимания современного читателя, потому что в наших семьях нет ожидания, что сын должен следовать примеру отца в поведении, мировоззрении и даже профессиональной деятельности. Более того, многие из нас такие ярко выраженные индивидуалисты, что мы часто хвалимся своей независимостью как какой-то добродетелью. Но в I столетии — и, по сути, в любой доиндустриальной эпохе — от сыновей ожидалось, что они будут подражать отцам. Если отец был пекарем, то сын, скорее всего, становился пекарем; если отец был овцеводом, то и сын почти наверняка становился им. От сына ожидалось, что он продолжит хранить семейные ценности, семейное наследие, имя семьи. По аналогии с укладом семейной жизни того времени Павел ожидает, что если он стал «отцом» коринфян, то они должны подражать ему.

Конечно, в контексте этих глав Павел хочет, чтобы они подражали его стремлению жить в свете креста. Он не ожидает, что они будут страдать столько, сколько пострадал он; он не требует, чтобы все они стали апостолами или создавали церкви в далёких странах. Но он ожидает, что коринфяне воспримут его ценности, его позицию по отношению к миру, его приоритеты, первостепенную значимость Евангелия распятого Мессии и будут практиковать это в своей жизни.

Павел не может сказать всё в письме. Поэтому он решает послать Тимофея, своего «возлюбленного и верного в Господе сына». Несомненно, он так усердно хвалит Тимофея, потому что хочет, чтобы коринфяне радушно приняли его и относились к нему с уважением. Павел говорит

коринфянам, почему он посылает своего коллегу: «[Тимофей] напомнит вам о путях моих во Христе, как я учу везде, во всякой церкви» (4:17).

В этом поручении есть две потрясающие истины. Во-первых, Павел посылает Тимофея не просто изложить вероучение, а напомнить коринфянам «о путях [Павла] во Христе». Библейское христианство включает в себе как вероучение, так и образ действий; как убеждение, так и поведение. Иногда элементарные истины Писания не понимаются или не принимаются, и необходимо ещё раз повторить самые основы. Однако здесь возникает впечатление, что наибольшая и самая главная проблема коринфян в том, что они не живут согласно тому, во что верят. Судя по первым четырём главам этого послания, многие коринфяне не понимали взаимосвязи между тем, во что они верили, и тем, как должны были жить. Они, не задумываясь, утверждали, что Христос умер за их грехи и воскрес, но не могли постичь, как эта историческая реальность, этот кульминационный момент в Божьем искупительном плане должен влиять на их жизнь. Поэтому Павел посылает Тимофея, чтобы напомнить читателям «о [его] путях» — образе жизни, в котором отражается мировоззрение Павла.

Это предполагает, что служитель обязан не только провозглашать Евангелие, но и учить тому, как Евангелие проявляется в повседневной жизни и отражается на поведении. А это требует объяснения и наглядного примера.

Это то, что христианское руководство должно пытаться делать ежедневно и в чём церковь крайне нуждается. Это насущная нужда даже в семинарии, где преподаю я. Всё больше и больше появляется студентов из абсолютно языческого или мирского сословия, которые уверовали, уже будучи взрослыми людьми, и поступили в семинарию, когда им было за тридцать. Нередко это выходцы из небогатых семей, приносящие с собой определённый багаж. Но что ещё драматичнее — немногим из них удаётся сразу установить связь между истинами Евангелия и их практическим исполнением.

Пару лет тому назад один из наших преподавателей узнал о студенте, который заканчивал учёбу и планировал вернуться в компьютерные науки, таким образом отбрасывая планы выхода на служение. Он учился хорошо, на твёрдую четвёрку с плюсом. Но, как обнаружил преподаватель, этот студент не мог применить изученные истины. Он мог дать определение термину «умилостивление», но не знал, что значит чувствовать себя прощённым. Он мог доказать приоритет благодати в спасении, но считал, что сам никогда не мог стать достаточно хорошим, чтобы быть служителем. Он мог дать определение святости, но, вместо того чтобы стремиться к святости, практиковал жёсткую самодисциплину. Его богословские знания и практическая жизнь не пересекались.

К счастью, этот преподаватель был духовно проницательным человеком. Он обратил взор студента на крест и показал, какой в свете креста должна быть его жизнь. Студент, увидев Божью любовь к себе, стал сокрушаться. Сегодня он совершает служение.

Верный служитель должен показать связь между верованием и поведением, между крестом и практической жизнью. И он должен олицетворять эту связь в своей жизни.

Кроме того, по поручению Павла Тимофей будет учить тому, чему учит сам Павел «везде, во всякой церкви» (4:17). В 1-м послании к Коринфянам Апостол неоднократно подчёркивает, что сам он последователен в своём учении и в жизни, и ожидает, что это будет характеризовать каждую церковь (см. 7:17; 11:16; 14:33). Это даёт основания предполагать, что коринфская церковь постоянно пыталась продемонстрировать свою независимость. Павел говорит, что такое «творчество» удаляет человека из сферы библейского христианства.

Предупреждение верующим (4:18-21)

Павел признаёт, что не всякую проблему можно решить одним письмом. В данном случае печальное состояние дел

в коринфской церкви связано с теми, кто возгордился. В большинстве организаций несколько человек формируют мнение фактически всего коллектива. В коринфской церкви эти высокомерные, самозванные «глашатаи» общественного мнения не только повлияли негативно на всю общину, но и открыто злоупотребляли отсутствием Павла: «Как я не иду к вам, то некоторые у вас возгордились» (4:18). Павел не может конкретно сказать, когда он придёт, но обещает прийти скоро, «если угодно будет Господу» (4:19). Он, как и Иаков, признаёт, что планы на будущее должны всегда подчиняться условию: «Если угодно будет Господу» (Иак. 4:15-16). Когда Павел придёт, он испытает «не слова возгордившихся, а силу, ибо Царство Божье не в слове, а в силе» (4:19-20).

Чтобы понять это предупреждение, важно ещё раз вспомнить ход дискуссии. Павел говорит, что он проверит не слова этих надменных людей, а их силу. Сразу вспоминаются рассуждения в 1-й главе послания. Коринфяне отравились «мудростью мира», и этим самым они лишали силы крест Христов (1:17). Они настолько были очарованы формой и риторикой, что похвальба с красноречием для них стала важнее Евангелия. Сила же Евангелия лучше всего проявляется в его провозглашении, а не в споре с людьми, больше заинтересованными в саморекламе, чем в Божьей силе (2:1-5). Однако Павел, придя, не будет восхищаться риторикой; его не интересует, как эти гордые люди говорят, насколько они красноречивы. Его интересует только одно: в чём их сила? В свете 1:18–2:5, сила Евангелия — это сила прощать, преображать, вызывать людей из тьмы в царство Божьего Сына. Простые слова не изменят человека; изменить его может только Евангелие. Поэтому Павел спросит об их «послужном списке»: кого их красноречие преобразило и привело к познанию распятого Мессии? Он разоблачит их религиозное пустословие.

Возможно, предупреждение Павла идёт ещё глубже. В начале следующей главы он говорит о человеке, чей грех в сфере половых отношений требует того, чтобы к нему при-

менить церковное наказание. Павел ожидает, что церковь примет решение «предать [этого человека] сатане» (5:5). Но в другом месте есть упоминание, что если община не желает применять такие дисциплинарные меры, Апостол вынужден будет вмешаться и сделать это сам. В Ефесе, например, были два человека, Именей и Александр, которые «потерпели кораблекрушение в вере, ... [и] которых, — пишет Павел, — я предал сатане, чтобы они научились не богохульствовать» (1 Тим. 1:19-20). Во 2-м послании к Коринфянам Павел предупреждает, что, если они не приведут свой дом в порядок, ему, возможно, придётся принять строгие меры, пользуясь своей апостольской властью (2 Кор. 13:10).

Другими словами, для Павла настолько важно привести народ Божий к последовательной христианской жизни в свете Евангелия распятого Мессии, что он не отступит от этой цели ни при каких условиях. Если община отреагирует на слова ободрения и увещания, это лучше. Но если — нет, если нельзя обойтись без строгого наказания, то Апостол не отступится. Поэтому Павел предлагает коринфянам выбор: «Чего вы хотите? С жезлом прийти к вам или с любовью и духом кротости?» (4:21). Конечно, говоря о жезле исправления (продолжая метафору отца и сына), Апостол не подразумевает, что перестанет любить своих духовных детей. Контраст указывает скорее на характер его прихода, чем на его мотивы. Наказание в любом случае причиняет боль, даже от отца, утверждающего, что наказывает сына из любви к нему. Сыну лучше изменить своё поведение, чтобы отец пришёл не наказывать, а общаться в духе кротости.

Служители ни в коем случае не должны игнорировать свою обязанность вести людей к Богу, живя в подчинении Евангелию. К этому призывает Павел (Ефес. 4:1). И он молится, чтобы верующие жили жизнью, достойной Господа, распятого Мессии, чтобы угождали Ему во всём (Кол. 1:10). А если народ Божий упорствует в непослушании, может наступить время, когда служителям придётся уве-

щать, обличать, а впоследствии и наказывать тех, кто называется именем Христовым, но не следует за Ним. Строгие меры никогда не стоит применять поспешно или необдуманно. Но иногда их всё-таки приходится применять, и это ответственность руководства.

Вопросы для анализа и размышлений

1. Что значит быть «домостроителем тайн Божьих»?
2. Когда христиане должны «судить» других? Когда они должны воздерживаться от того, чтобы судить других?
3. Какие примеры того, что верующие становились «зрелищем» за имя Христа, вам известны?
4. Как Павел намерен соединить в обращённых им людях веру в Евангелие и настоящую христианскую жизнь?
5. Чем истинное христианское руководство отличается от мирского?

¹ Я считаю, что греческий глагол, хотя и аорист, стоит в настоящем времени.

5

Крест и христианин мира

1 Коринфянам 9:19-27

¹⁹Ибо, будучи свободен от всех, я всем поработил себя, чтобы больше приобрести: ²⁰для иудеев я был как иудей, чтобы приобрести иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; ²¹для чуждых закона — как чуждый закона, — не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу, — чтобы приобрести чуждых закона; ²²для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти, по крайней мере, некоторых. ²³Но всё это делаю для Евангелия, чтобы быть соучастником его.

²⁴Не знаете ли, что бегущие в состязании бегут все, но один получает награду? Так бегите, чтобы получить. ²⁵Все подвизающиеся воздерживаются от всего: те — для получения венца тленного, а мы — нетленного. ²⁶И потому я бегу не бесцельно, бьюсь не так, чтобы только бить воздух; ²⁷но усмиряю и порабощаю тело моё, чтобы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным.

Наверное, стоит начать с того, что под фразой «христианин мира» я имею в виду вовсе не «мирского» христианина (3:1-4). Наоборот, понятие «христианин мира» приобрело весьма уникальное значение среди миссионеров, чему отчасти поспособствовала глобализация церкви (ещё один новый термин!). Глобализация церкви включает в себя несколько взаимосвязанных явлений. Миссионеры больше не едут в одном направлении: из развитых стран в страны третьего мира, но перемещаются из разных частей света в другие части света. Средства сообщения и связи дают возможность верующим со всего мира работать вместе над конкретными проектами и формами благовестия. Всё больше церковь в каком-либо месте земного шара втягивается в орбиту того, что происходит в разных уголках планеты. Богословская мысль и принципы библейского и богословского образования больше не привязаны исключительно к моделям, созданным на Западе и экспортированным в другие регионы мира. Глобальные перемещения валюты и человеческих ресурсов меняют приоритеты — как внутри церкви, так и вне.

И многие люди реагируют на глобализацию агрессивным национализмом, иногда с ужасающим этноцентризмом. От этих пленяющих направлений мысли не застрахованы и христиане. Они тоже могут увлечься шовинистскими настроениями, когда интересы моей нации, моего класса, моей расы, моего племени или моего наследия выше требований Царства Божьего. Такие люди забывают, что главное жилище христианина — на небесах, и его родина — небесный Иерусалим (Евр. 12:22-23). Происходит смена приоритетов, и рано или поздно это ведёт к отвержению господства Христа.

Поэтому мы нуждаемся в христианах мира — не просто американских христианах или британских или кенийских, но в христианах мира. Под «христианами мира» я имею в виду истинных верующих в Господа Иисуса Христа, о которых можно сказать следующее:

- их преданность Иисусу Христу и Его Царству стоит выше национальных, культурных, языковых или расовых предпочтений;
- их посвящённость Церкви, телу Христа, относится к церкви в любом месте земного шара, а не только на родной земле;
- они считают себя прежде всего гражданами Небесного Царства, а потому любое другое гражданство для них второстепенно;
- они преданы своему делу и жертвенны, когда касается самого важного поручения: благовествовать и делать людей учениками Христа.

Конечно, церковь — это единственная структура с вечным значением. И только те, кто является частью церкви, могут переступить границы временных вещей и понятий.

В данном отрывке Павел, истинный христианин мира, излагает несколько убеждений и приоритетов, присущих для этой категории верующих.

Мы должны знать свою свободу и ограничения в Иисусе Христе

Павел начинает с кажущегося противоречия. Он говорит, что, пытаясь евангелизировать различные группы людей, он меняет то, что мы сегодня назвали бы образом жизни. «Для иудеев я был как иудей, чтобы приобрести иудеев» (9:20а). Затем он объясняет, что именно в образе жизни евреев требует гибкости с его стороны: «Для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных» (9:20б), хотя сам он не был подзаконным. С другой стороны, среди язычников Павел вёл себя по-другому: «Для чуждых закона — как чуждый закона, — *не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу*, — чтобы приобрести чуждых закона» (9:21, курсив добавлен). Поэтому Павел под законом или нет?

О значении этого текста идёт много споров. Попробуем шаг за шагом разобраться.

1. Ясно, что Павел видит себя, если можно так сказать, в третьем положении. Он не видит себя евреем-христианином, то есть тем, кто обычно соблюдает закон Моисея и кто должен быть гибким, чтобы приобрести язычников.¹ Не видит он себя и язычником, то есть тем, кто наново должен взять бремя закона, чтобы приобрести евреев. Скорее, он — третья сторона, которая должна проявить гибкость, чтобы приобрести и евреев, и язычников. «Для подзаконных *был* как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона — как чуждый закона, ... чтобы приобрести чуждых закона» (курсив добавлен). Сам Павел занимает третье положение.

2. Когда Павел говорит, что он становится как подзаконный (т.е. как еврей) или как чуждый закона (т.е. как язычник), он сразу же делает поправку, которая ограничивает его гибкость. Именно такие поправки труднее всего понять. С одной стороны, для подзаконных он становится как подзаконный — что предположительно означает, что он скрупулёзно соблюдает кошерные законы и другие постановления, благодаря чему может свободно находиться среди евреев и приобретать слушателей — хотя, по его утверждению, сам он не под законом. С другой стороны, для чуждых закона он становится как чуждый закона — что предположительно означает, что Апостол, игнорируя ограничения, отделяющие евреев от язычников, живёт свободно среди язычников как один из них — хотя, по его утверждению, он не волен делать всё, что угодно; он не свободен от Божьего закона, но находится под законом Христа. Если Павел просто не противоречит себе, то «Божий закон» во втором случае и «закон» в первом случае — это не одно и то же.

Что бы Апостол ни имел в виду, говоря, что он не свободен от Божьего закона, в этом есть нечто наглядно очевидное. Мы можем легко услышать, как Павел говорит: «Для евреев я стал евреем», и «для язычников я стал язычни-

ком»; но он ни в коем случае не сказал бы: «Для сплетников я стал сплетником, а для прелюбодеев — прелюбодеем». Хотя Павел говорит, что он не под законом, как другие евреи, он, конечно, не имеет в виду, что стал абсолютным антиномистом, попирающим все Божьи требования и заповеди.

3. Есть другие тексты, даже в 1-м послании к Коринфянам, где Божий закон или Его заповеди нельзя сузить до закона Моисея. Текст 1 Кор. 7:19, вероятно, является самым обсуждаемым: «Обрезание — ничто, и необрезание — ничто, но всё в соблюдении заповедей Божьих». Некоторые христиане, придающие чрезмерное значение закону, любят цитировать вторую часть этого стиха: «Всё в соблюдении заповедей Божьих». Конечно, следует помнить, что еврей I столетия сказал бы: «Подождите, но ведь обрезание — одна из *Божьих* заповедей. Как вы можете утверждать, что обрезание — ничто, и тут же заявлять: „Всё в соблюдении заповедей Божьих“?» Единственный ответ в том, что для Павла заповеди Божьи, обязательные для соблюдения христианином, и закон Моисеев — это не одно и то же.

4. Однако, если я правильно понимаю 1 Кор. 9:19-23, Павел говорит, что он не находится под (Моисеевым) законом завета (обычное значение слова *номос*). К Богу отцов его привязывает уже не закон завета. Чтобы приобрести собратьев-евреев, он рад будет жить по этому закону завета и не оскорблять их без надобности, но закон завета больше не связывает его. Ведь Павел уже живёт по новому завету (ср. 1 Кор. 11:25). С другой стороны, чтобы приобрести тех, кто не исполнял Моисеев закон, изложенный в старом завете, то есть язычников, он готов жить так, как не имеющий на себе никаких ограничений закона завета; но есть границы, которые Павел всё-таки не может переступить. Нельзя проявлять гибкость до бесконечности; нельзя переступать Божий закон. Павел свободен от (Моисеева) закона завета, но он не свободен от Божьих требований, Божьих норм. И затем Апостол показывает, где заключены эти требования к человеку: «[Я не] чужд закона пред Богом, — пи-

шет он, — *но подзаконен Христу*» (курсив добавлен). Это необычное выражение, но суть идеи ясна. Все Божьи требования к Апостолу (да и к любому человеку) передаются через Христа. Бог установил нормы, требования для христиан нового завета; и, благовествуя погибающим из различных культурных и религиозных групп, Павел не может выйти за их пределы. Его гибкость имеет чёткие границы: не делать ничего, что запрещено для христианина, и делать всё, что требуется от христианина. Таким образом, Павел не свободен от Божьего закона; он находится под законом Христа.

Поэтому, хотя данным текстом иногда прикрываются, говоря, что мы вольны придавать иную форму Евангелию, благовествуя в другой культуре, именно это Павел *не* имеет в виду. Апостол готов быть весьма гибким там, где его не ограничивает закон Божий, изложенный Христом. Но сам он находится под законом Христа, что в этом послании имеет явную связь с Евангелием распятого Мессии.

5. Напрашивается вопрос: как закон Христов, который, по словам Павла, связывает его, соотносится с Моисеевым законом завета, который Павел считает несвязывающим его? Одно дело сказать, что он, Павел, находится не под законом А, а под законом Б; совершенно другое — что заповеди и запреты двух законов настолько разные, что не имеют ничего общего. Они не могут быть абсолютно одинаковыми в своих повелениях, иначе как можно говорить о двух заветах? Но, принимая во внимание Бога Библии, немыслимо представить, что заповеди этих двух заветов могут быть взаимоисключающими. Поэтому возникает резонный вопрос: какое отношение заповеди («законы» в современном смысле этого слова) нового завета имеют к заповедям, «законам», старого?

Хотя это важный вопрос, имеющий длинную и сложную историю толкования, я не буду раскрывать его здесь, поскольку это уведёт нас от исследуемого нами вопроса.

6. Теперь должна стать понятной цель этого довольно сложного рассуждения. Хотя Павел был исключительно

гибким Апостолом и евангелистом, он подробно и основательно изучил основы христианства, чтобы знать, когда можно быть гибким, а когда — нельзя. Другими словами, его богословие помогло ему понять, кем он был, что от него ожидает Бог, что можно делать, а чего — нельзя ни при каких обстоятельствах.

Каждый христианин обязан знать, в чём заключаются его свобода и ограничения в Иисусе Христе. *Единственный* способ достичь этой зрелости — постоянно размышлять над Писанием, чтобы понять его логику, закономерности и взаимосвязь разных частей.

Конечно, это не единственный текст, помогающий христианам осознать, кто они. Есть много, много других. Христиане оправданы верой в Иисуса Христа и, как итог, имеют мир с Богом (Рим. 5:1). Христиане — это те, кто призывает имя Господа Иисуса Христа (1 Кор. 1:2). Христиане — это те, кто молится, чтобы сила Божья почивала на них, чтобы Христос вселялся в их сердца верой, а сами всё больше и больше постигают безграничные измерения Божьей любви к ним во Христе Иисусе (Ефес. 3:14-21). Крайне важно, чтобы верующие во Христа знали, кем они как дети живого Бога являются, что от них ожидается, где следует проявлять гибкость, а где нужно оставаться твёрдыми, как сталь.

Только человек, познавший это, может вместе с Павлом бескомпромиссно утверждать: «Для всех я сделался всем» (9:22). Апостол делает такое заявление, свидетельствуя о своей посвящённости благовестию. Сделать это можно, только зная, кто ты перед Богом. Человек, жизнь которого до мелочей подчинена всевозможным правилам и индивидуальность которого формируется в соответствии с этими нормами, установками, просто не способен быть гибким. И напротив, человек без корней, наследия, индивидуальности и незыблемых ценностей просто колеблется из стороны в сторону, поддаваясь чьим-то капризам, каждому мимолётному, но необычному мнению. Такие люди могут «приспособиться», адаптироваться, но они не могут нико-

го приобрести. У них нет твёрдого основания, опоры, на которой можно что-то строить. Поэтому заявление Павла в 22-м стихе критически важно: «Для всех я сделался всем, чтобы спасти, по крайней мере, некоторых» (9:22, курсив добавлен). Этот мотив крайне важен, и мы ещё вернёмся к нему.

Когда в прошлом столетии Хадсон Тейлор, основатель Китайской внутренней миссии (сейчас Заграничное миссионерское общество), начал носить длинные волосы и плести косички, как китайские мужчины того времени, многие миссионеры насмеялись над ним. Но Хадсон Тейлор проанализировал то, что было главным для Евангелия (т.е. неизменным, базовым), а что — культурной вариацией, которая была нейтральной и могла стать ненужным барьером для эффективной проповеди Евангелия.

Поэтому, чтобы быть христианином мира, важно возрастать в личном понимании Писания и других культур, чтобы не навязывать своих культурных предпочтений Евангелию, а привносить в культуру власть Евангелия. Это не значит, что все элементы культуры нравственно нейтральны. Никак нет. В каждой культуре есть и достойное подражания, ценное, и ничтожное, постыдное. Нечестивые люди могут манипулировать толпой, призывая преследовать христиан как привносящих нечто чуждое (Деян. 16:20-21). Однако в каждой культуре евангелисту, миссионеру, организовавшему церковь, и просто христианину важно быть как можно более гибким, чтобы Евангелие не выглядело ненужно чужеродным и неприемлемым для данной культуры. Важно распознавать негативные элементы в культуре и понимать, как их оценивает Библия. Есть ситуации, когда необходимо противостоять сложившимся устоям. В конце концов, просто апеллировать к современным культурным нормам, требуя от христианина только гибкости — значит утверждать, что Евангелие не имеет права анализировать культуру, а это абсолютно неправильно.

Однако прежде чем оценивать эти вопросы правильно, мы должны знать, какую свободу и ограничения мы име-

ем во Христе Иисусе. Мы должны иметь ясное понимание библейского богословия.

Мы не должны настаивать на своих «правах»

Это становится понятным, если проследить ход мысли Павла в 1 Кор. 8:1–11:1. Этот раздел связан воедино двумя или тремя темами. Мы не можем здесь исследовать все нюансы его аргумента, но есть некоторые составляющие, которые можно быстро обобщить и которые показывают: мы не должны настаивать на своих «правах».

8-я глава Первого послания к Коринфянам, в основном, посвящена обсуждению того, можно ли христианам есть мясо, предложенное идолам. Похоже, что большая часть животных забивалась в связи с храмовыми мероприятиями, и мясо продавалось прямо у дверей храма. Христиане, недавно обратившиеся из язычества, считали, что приобретать и употреблять такое мясо — опасный компромисс. Проявляя малейший интерес к прежним языческим богам, человек мог вернуться к идолопоклонству. Другие, более зрелые христиане считали, что возложение куска мяса перед каменным идолом не влияло на мясо; мясо оставалось мясом и ничем иным, и его можно было с чистой совестью покупать и есть. И мнение язычников, что идол олицетворяет бога, не означает, что христианам следует соглашаться с таким суеверием. Поэтому в данном вопросе коринфская церковь разделилась.

Разъяснение Павлом этого вопроса носит характер наставления. В 10-й главе послания он совершенно запрещает участвовать в каких-либо мероприятиях, проводимых в языческом храме. За идолами стоят бесовские силы, с которыми слишком опасно заигрывать. Кроме того, нельзя участвовать в культовых ритуалах, не отождествляясь с идолопоклонниками. От этого нужно держаться подальше!

Однако в 8-й главе ход мысли Павла более утончен. С одной стороны, Апостол соглашается, что приобретение мяса, зарезанного перед идолом, само по себе не являет-

ся компромиссом. Мясо не подверглось влиянию идола. С другой — те, кто считает, что это компромисс и чью совесть Павел называет «немошной» (потому что они считают злым то, что на самом деле не является таковым), не должны покупать и есть такое мясо. Иначе они будут уязвлять свою немощную совесть. Павел считает опасным для христиан пренебрегать своей совестью, ведь это может войти в привычку. Есть опасность, что человек проигнорирует голос совести *даже тогда, когда осведомлённая совесть будет предупреждать его о явном зле*. Несомненно, Павел хотел бы, чтобы эти слабые христиане росли в познании Писания и Евангелия и не считали злом то, что таковым не является (как употребление мяса, принесённого идолам). Но пока они не достигнут такой зрелости, им лучше не осквернять свою совесть.

А пока что Павел говорит тем, у кого «сильная» совесть (потому что они имеют правильное понимание этого вопроса и не называют злым что-либо, что таковым не является), что в вопросе мяса, приносимого идолам, они правы, но разговор на этом не заканчивается. Они также должны чувствовать обязательство перед «немошными» братьями и сёстрами во Христе. Есть риск, что немощные в вопросах веры христиане, заметив, как старший, якобы более мудрый верующий, употребляет мясо, предложенное идолам, осмелятся делать то же — пренебрегая укорами совести и нанося себе духовный ущерб. Со стороны сильных верующих настаивать на своей правоте — бессердечно. «Согрешая таким образом против братьев и уязвляя немощную совесть их, вы согрешаете против Христа. И потому, если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек, чтобы не соблазнить брата моего» (8:12-13).

Необходимо понять, что сильному верующему предлагается отказаться от своих прав ради других. Призыв заключается в любви к братьям и сёстрам во Христе. Сильные христиане могут быть правы в вопросе богословия, но если они добровольно не откажутся от того, что на самом деле является их правом, они принесут вред церкви, «со-

грешая таким образом против... Христа» (8:12). В итоге, настаивая на своих правах, вы можете согрешить — не грехом, связанным с вашими правами (в этом вы, в конце концов, правы!), а грехом отсутствия любви и нежелания отказаться от своих прав для духовного и вечного блага других. Как могут христиане стоять у креста и добиваться своих прав?

Апостол Павел — не бесстрастный богослов, не простой теоретик. Он осмеливается предложить себя в качестве примера для подражания: «И потому, если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек, чтобы не соблазнить брата моего» (8:13).

Этот стих служит переходом к 9-й главе, где Павел объясняет свои мотивы и принципы самодисциплины. С одной стороны, он просто показывает, в скольких направлениях он практикует то, что проповедует: Апостол с радостью отказывается от своих прав ради духовного блага других. В то же время становится очевидным, что некоторые в коринфской церкви не питали особого уважения к Апостолу из-за его нежелания постоять за себя. Он не злоупотреблял своей властью и не заставлял людей заискивать перед ним. Они настолько привыкли к стилям руководства, существовавшим в I столетии в языческом Коринфе, особенно к стилю софистов и других философов, что просто не понимали проповедников, как Павел. Поэтому здесь Апостол встаёт на защиту своих приоритетов: «Вот моя защита против осуждающих меня» (9:3). Он приводит глубоко христианское объяснение своего принципиального самоотречения.

Павел начинает свою защиту с утверждения, что он — Апостол. Он видел воскресшего Господа и получил поручение непосредственно от Него. С лёгкой иронией Павел намекает, что даже если кто-то найдёт основания сомневаться в законности его апостольства, то только не коринфяне, ведь их обращение к Богу — плод его апостольского служения (9:1-2)!

Сущность обвинения против Павла, похоже, в том, что он отказывался от поддержки со стороны коринфян (от

«власти есть и пить», 9:4) и не путешествовал в своём служении с такими удобствами и привилегиями, каких могут ожидать руководители высшего ранга (например, оплачиваемые поездки в сопровождении супруги). Нам может быть трудно понять, почему это должно рассматриваться как серьёзное обвинение. Но в древнегреческом мире путешествующих учителей оценивали отчасти по количеству денег, которые они могли собрать. Люди хотели хвалиться тем, сколько денег они дали преподавателю за серию лекций. Так и сегодня некоторые, как бы жалуясь, хвастаются тем, во сколько им обходится обучение сына или дочери в Гарвардском университете. Если Павел отказывался от денежного вознаграждения, предлагаемого коринфянами, чтобы гордиться важностью своего учителя, значит он (по их мнению) не понимал правил игры, а потому не мог представлять большую ценность. В глазах коринфян Павел ещё больше унизил себя физическим трудом — тем, чего никакой уважающий себя древнегреческий учитель не стал бы делать! Проблема коринфского отношения к деньгам и учению проявляется ещё ярче во 2 Кор. 11:7 и далее.²

Павел касается этого вопроса, утверждая, что имеет право на материальную поддержку. Неразумно считать, что только ему и Варнаве приходилось работать, зарабатывая себе на жизнь (9:6). Воины служат и получают плату от тех, кому они служат; виноградари и пастухи получают плату от прибыли со своих трудов. Поэтому разве те, кто учит Слову Божьему, не имеют права получать поддержку от «плода» своих трудов — от новообращённых, которых они приобрели для Господа (9:7)? Само Писание создаёт прецедент для принципа, что работники — животные или люди — должны получать вознаграждение от плодов своего труда (9:8-10). Если Павел посеял «духовные семена» среди коринфян, несомненно, он имеет право ожидать, что получит от них «материальную жатву» (ср. 9:11)! В конце концов, коринфские верующие поддерживали финансово других служителей. Разве Павел не заслуживает того же (9:12a)?

Раздел заканчивается так: «Однако мы не пользовались этой властью, но всё переносим, чтобы не поставить какой преграды благовествованию Христову» (9:12б). С точки зрения Павла брать деньги от этих верующих, когда он организовывал у них церковь, означало нанести ущерб свидетельству и авторитету Евангелия. Поэтому он добровольно отказался от права на материальную поддержку. Но это не значит, что все служители или организаторы новых церквей должны принимать данный подход. Никак нет. Павел утверждает, что это нормально, когда те, кто работают в христианской сфере, питаются от своих трудов; «Господь повелел проповедующим Евангелие жить от благовествования» (9:13-14). И затем он излагает свою позицию: «Но я не пользовался ничем таковым» (9:15). Не склоняется Павел и к тактике, используемой в некоторых миссионерских молитвенных письмах, где авторы, утверждая, что они не просят, на самом деле излагают просьбы! У Павла же не так, ибо он добавляет: «И написал это не для того, чтобы так было для меня. Ибо для меня лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожил похвалу мою [т.е. он отказался от права на поддержку со стороны тех, кому служил]» (9:15).

На первый взгляд слова Павла кажутся странными, даже шокирующими. Но в нескольких строках, которые часто понимаются превратно, Павел объясняет, почему он принял такое решение. Он говорит, что у него, по сути, нет выбора в вопросе проповеди Евангелия. Другие Апостолы в некотором смысле были добровольцами. Как минимум двое или трое из них нашли Иисуса, ещё будучи учениками Иоанна Крестителя (Иоан. 1:35-41). Иисус пригласил их следовать за Ним, и они постепенно росли в вере и понимании, утверждая свои взлёты и падения убеждениями, которые после Его воскресения и Пятидесятницы стали их собственными. У Павла же было не так. Воскресший Иисус внезапно явился ему в ослепительном сиянии на дороге в Дамаск, возродил его к новой жизни и призвал к служению одним поразительным откровением. Павел не может оставить проповедь, не оставив своего спасения;

для него они неразделимы. Этот Апостол никогда не был добровольцем. Он был пленён Христом к спасению и апостольскому служению одним ослепляющим самооткровением прославленного Христа. Другие, возможно, были добровольцами. Однако «если я благовествую, то нечем мне хвалиться, потому что это необходимая обязанность моя, и горе мне, если не благовествую! Ибо если делаю это добровольно, то буду иметь награду; а если недобровольно, то исполняю только вверенное мне служение» (9:16-17). Другими словами, хотя многие проповедники испытывают в какой-то степени божественное понуждение, то, что испытал Павел, уникально. Оно связано с уникальностью его обращения.

«За что же мне награда?» — спрашивает Павел (9:18). Если его проповедь не подтверждает всецелого, добровольного посвящения задаче (поскольку он, по сути, не имеет выбора в этом вопросе, не говоря уже о том, чтобы вообще уйти от Евангелия), как же он сможет показать, что совершает это служение всем сердцем и душой? Как его служение доказывает, что благодать Божья пленила его сердце и волю, и что за благовестие он надеется получить вознаграждение от Бога? А вот как — «проповедуя Евангелие, [я] благовествую о Христе безвозмездно, не пользуясь моей властью в благовествовании» (9:18).

Это потрясающе. Павел настолько озабочен, пытаясь доказать своё всецелое, восторженное посвящение задаче апостольской проповеди, к которой он призван, что готов отказаться от одного из своих прав. Он отказывается от права на материальную поддержку, зная, что это решение будет стоить ему огромного количества дополнительного времени, усилий, труда и непонимания. Однако это даст ему возможность проповедовать Евангелие безвозмездно и продемонстрировать свободу благодати тем, как он служит. Это также покажет, что он служит не из принуждения, но благодаря преобразённому разуму и воле, и потому по Божьей благодати собирает себе сокровища на небесах.

Какое ответственное отношение! Какая глубокая хри-

стианская перспектива! Многие служители Евангелия сегодня слишком обеспокоены размером зарплаты и социальным пакетом. Конечно, такие вопросы необходимо улаживать. Но Павел намного больше беспокоился о том, как показать, что служит он не из корысти и не по принуждению, а благодаря преображённой воле. И если для этого необходимо отказаться от некоторых прав, то Павел с радостью это сделает.

С этих слов Павел начинает параграф: «Будучи свободен от всех, я всем поработил себя, чтобы больше приобрести» (9:19). В то время как коринфяне пренебрегали Павлом из-за того, что он не требовал платы за свой труд, Апостол радовался своему принципиальному самопожертвованию. По сути, он говорит, что его подход к служению касается не только финансов, но всех решений. Зная, кем он является как христианин, Павел свободен и не принадлежит никому; в то же время он добровольно делает себя рабом всех.

Таким образом, личный пример Павла имеет огромное значение для относительно несущественного вопроса, поднятого в 8-й главе Первого послания к Коринфянам, — могут ли христиане есть мясо, предложенное идолам. Вероятно, поэтому в данном параграфе Павел не только говорит: «Для иудеев я был как иудей, чтобы приобрести иудеев» и «для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных», но также — «для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных» (9:20-22). Он возвращается к своему предыдущему рассуждению о немощных христианах. Но суть в том, что пример Павла — это не только разрешение вопроса с идоложертвенным мясом, это отображение жизненных принципов, образа жизни. Вот что значит взять свой крест и следовать за Христом. Это демонстрация того, что значит быть христианином мира.

Мы не должны настаивать на своих правах. До тех пор пока нашим приоритетом является защита личных прав, мы не можем следовать по пути креста.

Легко восхищаться самоотречением других верующих. Можно извлечь всевозможные интересные богословские уроки из объяснения Павлом того, что делать с идоложертвенным мясом. Но силу этой принципиальной позиции понимаешь только тогда, когда отказываешься от *своих* прав.

Даже в семье многие споры возникают, потому что ни одна из сторон не желает уступить. Мы боремся, защищая свои права. Но мне кажется, что некоторые из самых тяжёлых испытаний готовности отказаться от своих прав постигают нас, когда мы оказываемся в непривычных для себя обстоятельствах, в чужой культуре. Иногда мелочи и незначительные неудобства могут очень раздражать. Когда я проводил семинары для христианских мыслителей со всего мира, немало усилий было приложено, чтобы понять разные культурные отличия. Они проявляются с момента, когда участники заходят в зал. Латиноамериканцы начинают всех целовать. Немец считает своим долгом пожать всем руки. Испаноговорящие при разговоре хотят стоять в полуметре от тебя; англо-саксонцы предпочитают держать дистанцию в один метр. В глазах англичан испаноговорящие кажутся назойливыми и бескультурными; для испаноговорящих англичане, постоянно отступающие назад, кажутся холодными и недружелюбными, превозносящимися над остальными. Японцы кланяются, кивая головой. Американинец входит не спеша и громко говорит: «Всем привет. Извините за опоздание!» Он опоздал на десять минут, но он не поймёт, что на самом деле означает опоздание, пока не придут африканцы.

В процессе обсуждения японский богослов высказывает, как ему кажется, очень важное соображение: «Вы находите, братья, возможным подумать о том, чтобы посмотреть на это с другой стороны?» Он ещё не закончил своё мягко сказанное и приниженное предположение, как норвежец обрывает его: «Нет, этот текст ничего подобного не означает». Японец надолго замолкает, удивляясь, с какими варварами он столкнулся. При этом большинство участников думают, что японский богослов слишком застенчив.

Это всё интересно, когда продолжается несколько дней. Но продолжительное пребывание в незнакомой культуре может быть изнурительным. В каком-то смысле это происходит даже в Америке или в любой другой индустриализированной стране Запада. Перемены происходят так быстро, что разные поколения сталкиваются друг с другом, почти как соревнующиеся культуры. Например, совершенно противоположные вкусы в музыке, разделяющие в настоящее время многие общины, — это отчасти столкновение культур. И принять мудрое решение нелегко. С другой стороны, я понимаю позицию Клайва Льюиса, утверждавшего, что можно принять любой вид поклонения, если он не меняется слишком часто. Льюис отмечал, что любая новизна отвлекает. Самое сильное и самое лучшее поклонение происходит тогда, когда его формы настолько знакомы, что их не замечаешь, так как они являются частью повседневной жизни. Но попробуйте объяснить *это* на следующем членском собрании.

В конечном счёте, по этим и многим другим вопросам полного согласия достичь невозможно, если все стороны не будут внимательно слушать других и в смирении принимать решения, в то же время не отстаивая свою правоту. Таков путь креста. Это источник жизненной силы для тех, кто трудится, благовествуя в других культурах — что всё больше подразумевает всех нас!

Наша цель — спасение людей

Павел неоднократно упоминает эту цель. «Ибо, будучи свободен от всех, — пишет он, — я всем поработил себя, чтобы больше приобрести» (9:19). «Для иудеев я был как иудей, чтобы *приобрести* иудеев» (9:20, курсив добавлен). «Для немощных [я] был как немощный, чтобы *приобрести* немощных» (9:22а, курсив добавлен). И следующее: «Для всех я сделался всем, чтобы *спасти, по крайней мере, некоторых*» (9:22б, курсив добавлен). И в конце раздела эта мысль не покидает Павла: «Итак, едите ли, пьёте ли, или

иное что делаете, всё делайте в славу Божию. Не подавайте соблазна ни иудеям, ни еллинам, ни Церкви Божьей, так, как и я угождаю всем во всём, ища не своей пользы, но пользы многих, *чтобы они спаслись*. Будьте подражателями мне, как я Христу» (10:31–11:1, курсив добавлен).

Эта цель, повторяемая Апостолом, чтобы показать её важность, подчёркивает и даже ограничивает некоторые другие принципы, которые он излагает. Два таких места стоит рассмотреть подробнее.

Во-первых, лозунг «Мы не должны настаивать на своих правах» нуждается в уточнении. Я подумал, что сначала будет лучше сказать о крайней степени, но этот лозунг может ввести в заблуждение. Если бы целью упражнения было просто не настаивать на своих правах, то нам всегда давалось бы такое повеление. Мы бы стали просто сборищем бесхребетных и беспринципных существ. На деле же сам Павел, который много говорил о самоотречении и отказывался от своих прав, иногда высоко ценил их. Не раз он, например, чтобы избежать избиения, ссылаясь на своё римское гражданство. Разве он не настаивал на своих правах?

Но Павел не просто отказывался от своих прав. «Я всем поработил себя, — отмечает он, — *чтобы больше приобрести*» (9:19, курсив добавлен). Если ничьё духовное состояние не ущемляется тем, что он ест мясо, то он, несомненно, не откажет себе в таком удовольствии. Павел безропотно принимает удары от иудейской синагоги; однако в некоторых случаях, где его собираются побить римляне, он напоминает им о своём законном положении римского гражданина. Павел заинтересован в создании юридических прецедентов, которые защитят церковь. Так понимает Лука события, записанные им в книге Деяний. Лука тщательно записывает решения, принятые в пользу зарождающегося христианского движения. Он хочет, чтобы эти юридические прецеденты помогли защитить церковь. Другими словами, Павел всё ещё поступает согласно основополагающему принципу: он хочет приобрести как можно боль-

ше людей для Евангелия. В некоторых случаях для этого нужно настаивать на своих правах. Однако всегда нужно быть готовым отказаться от своих прав. То, какой путь в конкретной ситуации самый разумный, определяется тем, как это действие поспособствует или воспрепятствует делу Евангелия.

Во-вторых, с точки зрения общей темы этой главы важно признать, что стать христианином мира не может быть самоцелью. Цель не в том, чтобы стать настолько независимым и культурно гибким, чтобы везде быть чужим. Напротив, нужно стать настолько понимающим и гибким, чтобы повсюду распространять Евангелие.

Этот урок мне пришлось усваивать на личном опыте. Когда после первого трёхлетнего пребывания за границей я вернулся домой в Канаду, я оказался в той местности, где раньше служил пастором. Я привёз с собой свою невесту, юную англичанку, которая нигде, кроме Англии, не жила. Чтобы познакомить её с местностью, в первые недели пребывания на родине я повёз её в несколько церквей, и каждое посещение оказывалось худшим, чем предыдущие. Мы увидели, что ситуация в церквях была весьма гнетущей, люди были ограниченными, неутверждёнными, неосведомлёнными и так далее. Я почти никак не помог жене адаптироваться к новой культуре.

Однажды в воскресенье, спустя где-то 6-8 недель, я сказал: «Ладно, сегодня вечером мы поедem за город в знакомую мне церковь, где пастор является серьёзным служителем Слова». Но получилось так, что основной служитель не проповедовал в тот вечер. За кафедрой был гость из Нью-Йорка, бичевавший пороки коммунизма. Чаще всего повторялась фраза: «Борьба с коммунизмом — это Божье дело». Мы просто встали и ушли.

Потребовалось почти полгода, прежде чем я смог заглянуть внутрь и сделать себе хороший выговор: «Если бы Бог призвал тебя на Ямайку или в Японию, на Маврикий или в Момбасу, ты бы выдержал. Ты бы дисциплинировал себя, чтобы понять культуру и людей, и научился бы слу-

жить в тех рамках. Почему же ты не можешь так же приспособиться, когда возвращаешься на родину? Разве ты не видишь, что изменились не они, а ты? Неужели ты пренебрегаешь ими, потому что они, в отличие от тебя, не имели привилегии соприкоснуться с другими культурами?» По Божьей милости, я наконец успокоился.

Впоследствии я узнал, что обратный культурный шок — наихудший. Многие, уезжая на несколько лет за границу, берут себя в руки, чтобы воспринять чужую культуру; но им почти никогда не удаётся справиться с потрясением возвращения на родину. В семинарии, где я преподаю, мы постоянно предупреждаем студентов из-за рубежа о культурном шоке, ожидающем их по возвращении домой.

Частично такая дезориентация объясняет критику западных церквей и организаций со стороны служителей из стран третьего мира. Бог знает, что на Западе есть много того, что стоит критиковать. Тем не менее, на основании личного опыта могу сказать, что очень немногие служители из развивающихся стран подчёркивают необходимость контекстуализированного богословия, *пока не поучатся несколько лет на Западе*. Потом многие и многие из них не могут приспособиться к жизни дома. А где же они научились критиковать Запад? Конечно, на Западе! Критика Запада — это исключительно западная норма. Очень немногие из этих служителей по разным причинам действительно интересуются контекстуализированным богословием. Вместо этого они приобретают репутацию критиков Запада.

Конечно, я встречал и исключения. Но такие примеры знакомы всем, кто бывал в христианских кругах в различных частях света.

Вся эта критика сильно изменилась бы, если бы целью было «больше приобрести». Неуклюжесть в отношениях исчезла бы, если бы мы просто решили достигать этой цели.

Чем больше разрыв между культурой церкви и культурой окружающего общества, тем важнее знать, как ликви-

дировать этот разрыв. Но не стоит пытаться доказать свой космополитизм, умудрённость и гибкость. Цель всегда должна быть одна: как можно «больше приобрести».

Конечно, без труда вспоминаются примеры, когда такие цели не ставились! Моего друга, служителя церкви в Англии, попросили поехать в Шотландию выступить на христианском мероприятии, организованном в шотландском университете. На удивление, в первый вечер пришло 150 человек, хотя ожидали около 75, — половина из них мусульмане, решившие прийти группой, чтобы лично узнать о христианах. Христиане решили, что им нужно «подготовить» аудиторию, поэтому пригласили музыкальную группу, которая исполнила несколько шотландских баллад. Поскольку в половине из них высмеивался английский язык, они были восприняты «на ура», особенно в свете того, что там был мой друг из Англии. Затем музыканты с сияющими глазами и густыми шевелюрами объявили, что хотят спеть несколько христианских песен. И вы не поверите, но начали они с песни «Пробудись, Сион!» — и 75 мусульман тут же покинули зал.

Не нужно быть слишком жёстким по отношению к этим юным шотландским христианам. Но они поступили необдуманно. И уже это является трагедией. Они не задавались вопросом: «Что нужно делать, чтобы *приобрести* как можно больше людей?» Хорошо, что они не назвали своё мероприятие крусейдом (т.е. буквально крестовым походом). В свете исторических событий Средневековья это слово особенно непопулярно в мусульманских кругах.

Барьеры необходимо преодолевать. У народов земли — разные языки, привычки, история, духовное наследие. Некоторые национальности имеют весьма специфическое чувство юмора. Когда я впервые читал лекции в Австралии, мне потребовалось три или четыре дня, чтобы понять, что самые тёплые слова знакомства были самыми едкими, поскольку одно из любимых занятий у австралийцев — «возвращать к реальности тех, кто взлетел чересчур высоко».

Евангелие должно проникать во все слои общества. В некоторых странах, например в Англии, Евангелие почти полностью ограничилось средним классом и его верхушкой. Понимание исторических причин не объясняет того, почему рабочих в этой стране Евангелие почти не коснулось.

Наша цель — спасение людей. Только такое видение поможет избежать монашеского христианства. Необходимо больше размышлять над такими текстами, как Пс. 95 и 97; Ис. 49:1-13; Иер. 12:12-17; Мих. 4; Кол. 1:15-19 и Откр. 4–5. Мы должны расширять своё понимание и сострадание. Культурная чувствительность и гибкость должны стать орудиями, с помощью которых мы будем мудро и смело реагировать на вызовы межнационального благовестия, а не создавать особый класс прекрасных, образованных людей.

Мы должны признать, что такая позиция связана с нашим собственным спасением

В 23-м стихе Павел делает потрясающий вывод. «Всё это делаю для Евангелия, — пишет он, — чтобы быть соучастником его». Мы могли бы ожидать, что Павел напишет: «Всё это делаю для Евангелия, чтобы *они* могли испытать его благословения». Но он так не говорит. Павел делает всё, описанное в этой главе, и посвящает себя такому суровому самоотречению для Евангелия, чтобы быть его соучастником. Что он имеет в виду?

Если я понимаю его правильно, он говорит, что не может представить какой-либо другой путь для христианина. Он поступает так, чтобы содействовать распространению Евангелия, а это означает, что его действия будут иметь целью послужить ко благу слушателей. Но, чтобы следовать за распятым Мессией, Павел должен ежедневно брать свой крест, умирать для своих интересов и служить Тому, Кто искупил его. По-другому правильно содействовать распространению Евангелия невозможно. Умирать для сво-

их интересов, не настаивать на священстве личных прав и стремиться приобрести как можно больше людей — вот что значит следовать за распятым Христом, Который умер для *Своих* интересов, не настаивал на священстве *Своих* реальных прав и посвятил Себя приобретению людей из всякого народа, племени и языка. Другого пути следования за Христом нет; другого пути участия в благословениях Евангелия нет.

В этом суть заключительного параграфа 9-й главы Первого послания к Коринфянам. Используя метафоры спорта, бега и бокса, Павел призывает коринфских верующих бежать в христианском состязании и участвовать в христианской борьбе так, чтобы получить награду. Как и в олимпийских состязаниях, это означает полное самоотречение, жёсткую самодисциплину и изнурительные тренировки. Такой дисциплине Павел подверг себя, и он ожидает, что каждый христианин примет такой подход. Биться с тенью или прогуливаться по лугам, в то время как серьёзные атлеты исходят потом на рингах или беговых дорожках, — абсурдно. Такое времяпровождение никому не принесёт награды. Сам Павел был бы дисквалифицирован, если бы сошёл с дистанции, чтобы нарвать петуний. Настоящий христианин, по определению, — это человек, претерпевающий и пребывающий в вере до конца (напр., Иоан. 8:31; 2 Иоан. 9; Кол. 1:21-23; Евр. 3:14). Для Павла такое пребывание связано с его служением. Другими словами, он делает всё это ради Евангелия, чтобы быть его соучастником.

Конечно, никто не говорит, что каждый христианин способен послужить Господу Христу, как Павел. Но Апостол хочет, чтобы коринфские христиане имели такое же отношение самоотречения, какое продемонстрировал он. Это неотъемлемая часть жизни христианина, а не дополнительная, выборочная опция. «Сильный» верующий, добивающийся своих прав, в итоге грешит против Христа (8:12). В принципе, так поступает всякий, кто не растёт в посвящённости и не задаётся целью «приобрести как можно больше», следуя пути креста.

В итоге, это означает, что каждый христианин должен быть христианином мира. Вступление к этой главе могло ввести в заблуждение, будучи истолкованным, как предположение, что есть два вида христиан: мировые и все остальные. Но Павел видит что-либо меньшее, чем христианин мира, как недостаточное. Где отсутствует ученичество, где есть грех против Христа, где есть упрямый отказ подражать Павлу в его следовании за Христом по пути креста, — там будут бесцельные блуждания. А если бесцельно блуждать, когда следовало бы бежать для получения венца, то будешь дисквалифицирован.

«Так бегите, чтобы получить. Все подвизающиеся воздерживаются от всего: те — для получения венца тленного, а мы — нетленного» (9:24-25).

Вопросы для анализа и размышлений

1. Кто такой «христианин мира»?
2. Почему важно знать, кем ты являешься, как *христианин*? Как возникает такое понимание?
3. От каких «прав» вы отказались ради Евангелия? От каких — готовы отказаться?
4. Как желание «приобрести как можно больше» влияет на вашу жизнь? Что вы можете конкретно улучшить в этом вопросе?
5. Объясните своими словами, как весть о распятом Мессии связана с тем, что значит быть христианином мира.

¹ Конечно, в некоторых ситуациях именно так Павел думает о себе: ~~еврей-христианин~~. Именно это делает его боль в Рим. 9:1-5 такой острой. В другом месте он напоминает читателям, что вышел из колена Вениамина (Фил. 3:5). Такие тексты делают 9-ю главу Первого послания к Коринфянам ещё более поразительной. В этом контексте, где он говорит о своей связи с законом, Павел не называет себя евреем-христианином или язычником-христианином, но кем-то иным.

² Подход Павла к поддержке от церквей, которые он основал, не так прост, и невозможно исследовать его здесь полностью. Иногда Апостол действительно принимал деньги от церквей, которые основал, в частности от церкви в Филиппах. Однако, похоже, он никогда не принимал деньги от них за совершённое служение. То есть ему не «платили», скажем, за служение в Филиппах, но он принимал деньги от филиппийцев, когда служил в Коринфе. Финансовые решения Павла обусловлены и другими принципами.

